

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 2 (8) • 2012

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский
Alexei D. Voskressenski

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский
О.В. Гаман-Голутвина
В.В. Гриб
Е.В. Колдунова
О.В. Харитонов (выпускающий редактор)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева
В.Я. Белокрыцкий
В.В. Гриб
В.И. Журавлева
М.В. Ильин
Е.В. Колдунова
В.Г. Ледаев
М.М. Лебедева
В.В. Михеев
О.В. Павленко
Е.В. Попов
В.Д. Соловей
Л.В. Сморгун
М.В. Стрежнева
Д.В. Стрельцов
Т.А. Шаклеина
А.Ю. Шутов
И.Н. Тимофеев

Международный консультационный совет

Ayse Ditrhi (Университет Анкары)
Akihiro Iwashita (Университет Хоккайдо)
Zhao Huasheng (Фуданьский университет)
Klaus Segbers
(Свободный университет Берлина)
Anne de Tanguy (Сянс По)
Werner Vāth
(Свободный университет Берлина)
Yu-Shan Wu
(Институт политологии, Academia Sinica)
Alexander Zhebit
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)
Charles E. Ziegler
(Университет Луисвилла)
А. Файзуллаев
(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7
Тел. (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ. печ. л. — 10,0.

Усл. печ. л. — 10,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 23.07.2012 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2012

© Сравнительная политика, 2012

© Издательская группа «Юрист», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Джон Хигли. Революционные элиты	4
А.Д. Воскресенский. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях	30

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Ал.А. Громыко. Изменяющаяся геометрия полицентричности.....	59
Danuta Kabat-Rudnicka. The European Union in the light of comparative politics	64
В.И. Якунин. Политическая динамика ЕС и российско-американский ракурс	73
С.И. Лунев. Индия как один из новых центров глобального влияния	90

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

И.Е. Дискин. Российская модернизация и новая глобальная диспозиция.....	105
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Л.Н. Федотова. Результаты выборов в Госдуму — 2011: социологический анализ	112
Т.Ю. Русакова. Сравнительный анализ социальной политики У. Чавеса (2007—2011).....	130
С.И. Росенко. Сравнительный анализ социальной дифференциации в современном мире на примере США и России	142
Научная жизнь	148
Обзоры и рецензии	151
На книжной полке	155
Аннотации статей.....	158
Об авторах.....	163
Информация для авторов	164

CONTENTS

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

John Higley. Revolutionary Elites.....	4
Alexei D. Voskressenski. Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR.....	30

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Alexey Gromyko. Changing Geometry of Global Polycentricity	59
Danuta Kabat-Rudnicka. The European Union in the Light of Comparative Politics.....	64
Vladimir Yakunin. EU Political Dynamics and the Russian-American Perspective	73
Sergey Lunev. India as a New Center of Global Influence.....	90

DISCUSSION

Iosif Diskin. Russian Modernisation and New Global Disposition	105
---	-----

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Larisa Fedotova. Results of 2011 State Duma Elections: a Sociological Analysis.....	112
Tatyana Rusakova. Comparative Analysis of Hugo Chávez's Social Policy (2007–2011)	130
Svetlana Rosenko. Comparative Analysis of Social Differentiation in the Modern World: Cases of the U.S. and Russia	142
Academe	148
Reviews	151
On the bookshelf	155
Abstracts.....	158
Our Authors	163
Information for Authors.....	164

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭЛИТЫ

Джон Хигли

Революции играют важную роль в изучении процессов возникновения и развития элит. Как писал Парето, вырождение правящей элиты неизбежно. Ее представители в конце концов прибегают к одному из двух основных методов правления в ущерб другому: убеждению или силе. По мере вырождения старой элиты ее замещают люди и группы, склонные полагаться на другие методы правления, либо путем вхождения в правящую элиту и тем самым ее постепенного омоложения, либо полностью смещая ее путем революции. Парето видел в революциях примеры циркуляции и трансформации политических элит, обеспечивающих их периодическую «чистку», сравнивая революции с извилистой рекой, неожиданно выходящей из берегов¹. Революции формируют новую правящую элиту, которую я далее буду называть революционной элитой. Однако, в соответствии с циклической теорией Парето, новая революционная элита, в свою очередь, вырождается, и, если в нее не кооптируются новые члены, способствующие ее постепенному омоложению, она уничтожается новой революцией. И хотя это краткое изложение теории Парето не отражает всю сложность и тонкость его анализа², оно напоминает нам об отличительном подходе к пониманию революций и порождаемых ими элит, применявшемся выдающимся создателем теории элит.

Однако современные революции в малой степени отвечают положениям теоретической концепции Парето. Если не принимать во внимание антиколониальные восстания и сепаратистские «войны за национальное освобождение», то оказывается, что редкие события в действительности являются истинными ре-

волюциями, и большинство из них произошли в рамках международных военных конфликтов. Например, произошедшие в двадцатом столетии российская, югославская и китайская революции во многом определялись степенью урона, который нанесли правящим элитам внешние военные вторжения. Сказанное в полной мере применимо к коммунистическим революциям в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, которые напрямую зависели от разрушений, нанесенных войной, и от немедленно последовавшего за ней расширения сферы советского влияния. Более того, некоторые из наиболее глубоких трансформаций политических элит стали результатом не революционных действий, а катастрофических военных поражений. Полное уничтожение нацистской элиты в Германии, фашистской в Италии и империалистической элиты в Японии во время Второй мировой войны и навязывание этим странам новых элит иностранными оккупационными силами служат этому красноречивыми примерами. Та же судьба постигла режим «красных кхмеров» в Камбодже, свергнутый вьетнамцами в 1978 г., и движение «Талибан», на большей части территории Афганистана, уничтоженное (по крайней мере временно) коалиционными силами во главе с США в конце 2001 г. Революции, происходящие вне зависимости от международных военных конфликтов, в большинстве случаев сводились и сводятся к беспорядочным и частичным, вместо всеобъемлющим, циркуляциям и трансформациям политических элит. Примерами могут служить английская, французская и мексиканская революции, а также более поздняя революция в Иране. Иными словами, несмотря

на положения Парето, революции представляют собой редкие явления, которые в большинстве случаев не имеют автономного и всеобъемлющего характера.

Данная работа представляет собой исследование возникновения и развития революционных элит. Поскольку характер революций, в результате которых возникают эти элиты, является в значительной мере случайным и зависящим от обстоятельств, что препятствует широким обобщениям, я стремлюсь поместить такие явления, как происхождение революций, процессы, сопровождающие их течение и развитие, и итоги революций, в контекст изучения политических элит.

Революции и элиты

Термин «революция» часто без разбора применяется по отношению к событиям, в ходе которых национальные правительства теряют власть под давлением народных масс, действующих неконституционным или насильственным путем³. Так, ученые и комментаторы рассуждают о «цветных революциях», произошедших в Сербии, Грузии, на Украине и в Кыргызстане в последние годы, в ходе которых одна элитная группировка оттеснила другую от руководящих постов и управления государством. Эти и другие политические игры в борьбе за правительственные кресла больше отвечают определению «народные» или, если угодно, «революционные» государственные перевороты⁴. Самое известное современное определение революции (в ее истинном понимании) дала Теда Скочпол: «Социальные революции представляют собой быстрые, коренные изменения состояния общества, его основ и классовой структуры; они сопровождаются и частично осуществляются благодаря народным восстаниям, имеющим в своей основе классовые различия»⁵. Это определение, однако, порождает ряд трудностей: во-первых, оно подразумевает, что все без исключения

революции имеют эгалитаристский характер («народные восстания, имеющие в своей основе классовые различия»); таким образом, антиэгалитаристские восстания, произошедшие в Германии и Италии в период между Первой и Второй мировыми войнами, нельзя считать революциями; во-вторых, революции должны всегда представлять собой «коренные изменения» государственной и классовой структур. Тем не менее, если взглянуть повнимательнее, то становится очевидно, что некоторые революции не привели к «коренным» изменениям существовавших ранее структур, включая структуру политических элит. Присутствующее в определении неявное различие между революциями и иными восстаниями, опирающимися на насилие, особенно гражданскими войнами, представляет собой еще одну сложность. Большинство революций влекут за собой начало гражданской войны, но некоторые революции, например китайская, очень напоминают гражданскую войну в ее истинном значении, они представляют собой, прежде всего, вооруженную борьбу, которая ведется крупными, хорошо организованными силами, контролирующими отдельные части территории страны. И последнее: утверждение, что революции представляют собой «быстрые» изменения, не может не вызвать сомнений: некоторые революции длятся долгие годы, как показала сама Теда Скочпол в своем исследовании китайской революции, продолжавшейся с 1911 по 1949 г.

Введение Чарльзом Тилли критерия революции, который он определил как «множественный суверенитет», позволило снизить существующую неопределенность. Как пишет Ч. Тилли, «революционная ситуация возникает в тот момент, когда правительство, до того контролировавшееся политической силой или силами, являвшимися сторонниками одного общественного строя и политической системы, становится объектом эффек-

тивных, конфликтующих и взаимно исключающих друг друга притязаний со стороны сторонников двух и более разновидностей общественного строя и форм государства. Революционная ситуация заканчивается, когда одна из противоборствующих сторон получает контроль над органами государственной власти»⁶. Наряду с другими учеными⁷, Тилли проводит различие между подобными революционными ситуациями, с одной стороны, и военными переворотами, народными мятежами, осуществляемыми недовольными меньшинствами, сепаратистскими действиями, восстаниями, организованными при иностранной поддержке, и организованной гражданской войной — с другой. Развивая тезис Чарльза Тилли, следует оговориться, что множественный суверенитет, отличающий революцию от сходных ей общественных явлений, характеризует только определенный этап более широкого и глубокого процесса, каковым является социально-политический переворот. На этом этапе, во-первых, происходят быстрые институциональные изменения, а также každодневные изменения в ожиданиях людей относительно их доходов и безопасности; во-вторых, неожиданные падения многих влиятельных и состоятельных людей и равно неожиданные восхождения людей, которые прежде не имели ни значительной власти, ни высокого социального положения. Иными словами, революция — это период большего или меньшего институционального коллапса и сопровождающего его хаоса, когда жизнь многих людей меняется кардинальным образом.

Каковы основные предпосылки революций? Безусловно, одной из них является глубокий раскол среди элит. Стремясь найти объяснение революциям, произошедшим в ряде стран в Новое время, ортодоксальные марксисты основное значение придавали конфликту между крепнущими буржуазными элитами и феодальной аристократией и монархией.

Неомарксистские теоретики, в частности Баррингтон Мур⁸, Перри Андерсон⁹, Иммануил Валлерстайн¹⁰, подчеркивали существование противоречий в рамках правящего класса землевладельцев, усугублявшихся периодически повторявшимися спадами экономической активности. Ч. Тилли¹¹ полагает, что революции были вызваны расколом элит, ставшим результатом многочисленных войн, формирования национальных государств и развития капитализма, что потребовало огромных ресурсов и привело к появлению новых элит, бросивших вызов уже существовавшим. Скочпол¹², в свою очередь, также акцентирует внимание на конфликтах между государством и земельной аристократией, полагая, что революции были «ускорены» исторически обусловленными кризисами в налогово-бюджетной сфере и внешней политике, с которыми государственные элиты оказались не в состоянии справиться. Джэк Голдстоун¹³ предложил использовать многовекторную модель, в соответствии с которой раскол элит, упадок государства и революции обусловлены неспособностью общества справиться с быстрым ростом населения.

В рамках этих подходов раскол элит рассматривается в качестве ситуативного и временного явления, отражающего значительно более глубокие социальные и экономические противоречия. Я же, наоборот, стремлюсь показать, что раскол — это нормальное состояние или характерный «формат» существования элит в независимых национальных государствах¹⁴. В результате того, что формирование национальных государств почти всегда сопровождалось насилием и подчинением, элиты состояли из шатких изнутри и враждебных групп, не связанных друг с другом ни коммуникационными сетями, ни механизмами влияния, способными «навести мосты» между враждующими лагерями, и не разделяющих единую точку зрения на «правила игры» на политической сцене и на ценность и

достоинства институтов вновь образованных национальных государств, и потому «участвующих в политической деятельности, как в военном сражении»¹⁵. Утверждая, что раскол элит служит предпосылкой революции, необходимо отметить, что такие условия складывались в большинстве национальных государств на разных этапах развития. Тем не менее революции оставались редким явлением, что свидетельствует о том, что для того, чтобы революция свершилась, наряду с чрезвычайными кризисами, безусловно, необходимы определенные «массовые» условия.

Первоначально сторонники марксистской теории утверждали, что рост населения и существование широких общественных масс в промышленно развитых капиталистических обществах неизбежно приведут к социалистическим революциям, устраняющим классовые и иные различия. Однако впоследствии ученые заметили, что в большинстве, если не во всех случаях, такие революции происходят в доиндустриальных крестьянских обществах¹⁶. В той степени, в которой промышленно развитые капиталистические общества подвержены революциям, как утверждает марксистская теория, они порождают антиэгалитаристские «революции сверху»¹⁷. Объяснение этому можно найти в предположении, что различные формы труда формируют принципиально различные взгляды на властную иерархию и власть предрешающих¹⁸. Крестьянский и ремесленный труд, работа в малых группах автономно порождают негативное отношение и чувство обиды и возмущения по отношению к властным иерархиям и тем, кто обладает властью. В высшей степени механизированный монотонный ручной труд промышленного рабочего, под постоянным присмотром, порождает отчужденное и агрессивно враждебное отношение к «власти предрешающим». Бюрократическая и служебная деятельность, обеспечивающая

взаимозависимость в процессе принятия решений и обоюдное деловое взаимодействие между крупными, обезличенными и вертикально структурированными организациями, лишает понимания того, каким образом такого рода работа могла бы быть выполнена в отсутствие разветвленных властных иерархий.

По этой причине преобладающие политические ориентации широких масс населения в доиндустриальных обществах, где преобладает крестьянский или ремесленный труд, являются эгалитаристскими, что служит предпосылкой для начала в обществе социалистической революции. С позволения Маркса, отмечу, что жители промышленно развитых обществ, в которых бесчисленные рабочие занимаются тем или иным трудом из основных форм труда (в частности, крестьянским и ремесленным трудом, ручным трудом на промышленном предприятии, умственной деятельностью), не имеют общих или преобладающих среди большинства взглядов на власть. Политическая история промышленно развитых обществ, однако, свидетельствует, что в критических ситуациях многие мелкие собственники из среды крестьян и ремесленников и не меньшее число представителей умственного труда и «белых воротничков» могут быть мобилизованы для участия в антиэгалитаристских, антисоциалистических, носящих более или менее «фашистский» характер действиях. И наконец, массовые политические ориентации в постиндустриальных обществах, где представители умственного труда и «белые воротнички» составляют большинство работающего населения, а их культурные ориентации носят доминирующий характер, свидетельствуют, что их носители в полной мере приемлют разветвленную властную систему и многочисленные и сложные статусные иерархии и, следовательно, враждебно настроены к революциям как таковым (которые ни разу не происходили в постиндустриальных обществах).

Сказанное выше позволяет сформулировать, пусть в общей форме, два объяснительных условия любой революции: 1) расколота элиты, возникающие в процессе формирования большинства независимых национальных государств и существующие еще долгое время после завершения этого процесса; 2) преобладание рабочей силы, по своему типу характерной либо для доиндустриальных обществ и склонной к осуществлению эгалитаристских революций, либо для индустриальных обществ и склонной к антиэгалитаристским революциям. Оба условия являются *необходимыми, но не достаточными* для свершения революции. Вероятность революционных событий зависит от исторических обстоятельств, прежде всего, от чрезвычайных кризисов, ставших объектами исследования Т. Скочпол и других ученых¹⁹. Эти кризисы доводят «до точки кипения» беспощадную борьбу между расколотыми элитами и значительно усиливают массовое недовольство и враждебность — чувства, которые испытывает рабочее население в до- и индустриальных обществах. Приводя к падению или значительно ослабляя политические режимы, которые уже давно находятся в состоянии нестабильности, эти внезапные и глубокие кризисы очищают путь революционным элитам.

В сущности, все ученые сходятся во мнении, что революции представляют собой обычно достаточно короткие этапы в развитии общества, характеризующиеся применением насилия. Раньше или позже какой-либо элитной группе удастся консолидировать власть и положить конец революции. Возможно ли понять, распознать процессы, в ходе которых формируются новые типы элит, способные завершить революцию, иными словами, элиты, порождаемые самой революцией? В некоторых случаях одной или несколькими группам или их остаткам, бывшим частью прежней расколотой элиты, удастся вновь захватить власть и сосредоточить ее в своих

руках. Таким образом закончились английская, французская и мексиканская революции. В других случаях тесно спаянной и доктринерской группе, до сих пор остававшейся на обочине политической жизни, удается держаться сплоченно и, приложив солидные усилия и имея немного удачи, выйти победителем. В дальнейшем победившая «революционная элита» уничтожает своих соперников и навязывает обществу свою идеологию и организационную структуру в качестве единственно возможных форм выражения политических взглядов и политических действий. Применительно к революционным событиям, развивавшимся по этой модели, можно говорить о полной и коренной смене политической элиты. Российская, югославская, китайская, кубинская и, возможно, иранская революции закончились таким образом.

В стремлении объяснить, почему только некоторые революции приводят к коренной смене элиты, важны присущие революции черты. Одна из них — выраженность множественного суверенитета: чем сильнее пошатнулись позиции старой политической элиты, чем ближе политический режим к полному краху и чем больше хаоса привнесли в политическую и социальную жизнь революционные изменения, тем больше вероятность того, что к власти придет политическая группа, имевшая прежде небольшой политический вес. Другая черта — характер и содержание идеологий, которым следуют члены борющихся за власть групп: чем более убедительной и разработанной, с инструментальной точки зрения, является идеология, тем больше шансов у ее носителей прийти к власти. Иными словами, существует два сценария революционных изменений и их результатов. В одном случае революция меняет конфигурацию элит, но не ведет к полной трансформации элит и их моделей поведения. В противном случае меняется сама природа политической элиты, и на смену прежней приходит новая рево-

люционная элита. Я предлагаю исследовать революции, которые служат иллюстрацией к каждому из возможных сценариев.

Революции без революционных элит

Если ограничивать анализ изучением революций только в независимых национальных государствах, то становится очевидно, что лишь очень немногие из целого ряда переворотов, произошедших в Новое время, но до российской революции 1917–1921 гг., соответствуют понятию революции, как оно здесь изложено. Все они по своей сути были эгалитаристскими, но, по существу, способствовали обновлению сложившейся политической элиты: они «разбавили» элиты новыми членами и до некоторой степени способствовали сглаживанию неравенства между правящими и подвластными, но ни одна из них не привела к появлению революционной элиты. По этому сценарию развивались революции в трех странах: в Англии в 1648–1649 гг., во Франции в 1789–1794 гг. и в Мексике в 1912–1917 гг.

Названные революции произошли в обществах, находившихся на доиндустриальной стадии развития, чьи элиты были очень расколоты. Крестьяне и их семьи составляли большинство населения в Англии в 1640 г.²⁰, более 80% во Франции в 1780-е гг.²¹ и 87% в Мексике в 1910 г.²² В каждой стране борьба между элитами носила затяжной, хронический характер. Трехсторонняя борьба между монархией, представителями духовенства и земельной аристократией после закрытия Генрихом VIII монастырей в 1536 г. стала менее напряженной и свелась к противостоянию между монархией и землевладельческой элитой (или «джентри»)²³. Консолидация французского общества и «абсолютизация» Франции на протяжении XVI–XVII веков породили длительную и кровопролитную внутриэлитную борьбу: продолжительную гражданскую войну 1562–1598 гг., убийство двух королей —

Генриха III и Генриха IV, вооруженное сопротивление дворянства королевской семье и восстание Фронды в 1648–1653 гг. На протяжении XVIII в. происходило постепенное размежевание французских элит на два враждебных лагеря: один объединял сторонников монархии, церкви, сохранения привилегий аристократии и значимости преемственности и традиции; второй состоял из наиболее ярких представителей третьего сословия и растущего класса буржуазии, разделявших рационалистические взгляды и считавших, что социальные и политические институты являются легитимными в той мере, в какой они служат на благо общества. По аналогичному пути развивалась ситуация в Мексике после получения ею независимости от Испании в 1810 г.: хаотичная борьба между консервативными и либеральными и между федеральными и региональными элитами стала причиной многочисленных восстаний, политических убийств и попыток свержения политического режима; кульминацией стало восстание 1876 г. во главе с Порфирио Диасом, на долгие годы установившим в стране диктатуру.

Кризис политического режима, спровоцированный политическими ошибками правящих элит, положил начало революциям в каждой стране. Карл I, правивший единолично после роспуска им английского парламента в 1647 г., недооценил, равно как и его министры, стоимость подавления шотландского восстания, и в 1640 г. Карл был вынужден вновь собрать парламент, проведя первые парламентские выборы за двенадцать лет, для получения необходимых ему денежных средств. Тратя силы на жалобы и выражения недовольства и отказываясь механически утверждать требований короля обеспечить повышение доходов казны, этот Короткий парламент доказал свою непокорность и был распущен в неожиданно жесткой и провокационной форме²⁴. В ходе новых выборов был избран второй, Долгий парламент, в

которой вошли многие непримиримые противники короля. Действуя в парламенте, они предприняли попытку отправить в отставку одного из королевских министров, изгнать из парламента некоторых сторонников короля, тягались с Карлом по поводу ряда своих требований, которым он отказывался уступить, и даже попытались создать собственную армию с намерением принудить Карла изменить свою политику. Во Франции в 1770—1780 гг. военные кампании за пределами страны, требовавшие чрезмерных ресурсов и обреченные на неудачу, и внутренние реформы привели к такому гигантскому бюджетному дефициту, что Людовик XVI и его окружение были вынуждены искать политическое решение экономических проблем, впервые с 1614 г. собрав Генеральные штаты. Сложный избирательный процесс вкупе с быстрым распространением либеральных идей среди значительной части элиты создал среду и возможности для радикальной агитации²⁵. Схожая ситуация складывалась в Мексике: существовавший долгие годы диктаторский режим Порфирио Диаса столкнулся с растущей нехваткой бюджетных доходов и ширившейся оппозицией среди политической элиты после 1905 г. Силой и обманом предотвратив победу Франциско Мадеро на президентских выборах в 1910 г., Диас²⁶ спровоцировал начало вооруженного восстания во главе с Мадеро на севере страны, одновременно с которым началось восстание на юге под предводительством Эмилиано Сапата, что определило судьбу диктатуры Диаса и открыло дорогу революции.

В каждой стране выраженный множественный суверенитет получал быстрое и широкое распространение. С 1642 по 1645 г. Англия была погружена в широкомасштабную гражданскую войну, когда парламентские силы, слившиеся с глубоко приверженной идеям, за которые она сражалась, армией Нового типа Оливера Кромвеля, одержали решитель-

ную победу над королевскими войсками. К этому времени армия Нового типа превратилась в самостоятельную политическую силу, многие офицеры и военные разделяли религиозные убеждения индепендентов или конгрегацианолов, носивших гораздо более радикальный характер, нежели взгляды, которые разделяли большинство спонсировавших армию членов парламента и, вероятно, большая часть населения. Угроза гражданской войны между сторонниками парламентских фракций, антипарламентское восстание в Лондоне, мятеж в рядах армии Кромвеля и последовавшее в 1648 г. неудачное контрнаступление войск Карла I свидетельствовали о том, что этап, характеристикой которого служит множественный суверенитет, не закончился. Во Франции после взятия Бастилии в июле 1789 г. в результате практически полного преобладания агитации сторонников рационалистских взглядов монархия и офицерский корпус были лишены власти, которая перешла к активистам и ораторам, заправлявшим во вновь созданных муниципальных органах власти. На национальном уровне взамен Генеральных штатов была создана Национальная ассамблея, орган власти, обладавший определенным авторитетом, но не бюрократическими и военными инструментами, необходимыми для управления государством. Множественный суверенитет стал носить затяжной характер. В Мексике Мадеро сменил Диаса на посту президента в середине 1911 г., но его неспособность умиротворить элиты, поддерживавшие его, вскоре стала причиной новых мятежей, прежде всего, под предводительством Сапаты в конце 1911 г. и ряда лидеров, популярных на севере страны, весной 1912 г. К началу 1912 г. правительство едва сохраняло контроль над большей частью территории страны, а экономические и другие национальные институты оказались на грани полного распада²⁷. Страна вступила в период множественного суверенитета.

Однако выраженность множественного суверенитета в трех рассматриваемых странах значительно различалась. Наименьшей она была в Англии, поскольку армии Нового типа удалось поддержать дисциплину в своих рядах и сохранить контроль над политической ситуацией на протяжении наиболее радикальной фазы революции. Все началось с указа, изданного Долгим парламентом, о роспуске армии в ноябре 1648 г. Отказавшись выполнить этот указ на том основании, что это означало попрание их религиозных взглядов, лидеры армии устроили парламентскую «чистку», изгнав практически всех парламентариев, за исключением некоторых, чьи религиозные убеждения совпадали с их собственными. Парламентское «охвостье» немедленно провозгласило Англию республикой, санкционировало суд над Карлом I и его казнь и ликвидировало палату лордов. Для Англии чистка парламента и последующая казнь короля были поистине революционными деяниями, отражавшими резкое усиление влияния левеллеров и других миллениаристских сект зимой — весной 1649 г. Однако возвышение миллениариев было недолгим, уже в марте 1649 г. руководство армии отдало приказ об аресте их главных лидеров, а в мае Кромвель и его приближенные немедленно подавили мятеж, начавшийся в некоторых частях армии, которые сочувствовали и поддерживали левеллеров, с которыми после этих разгромов было практически покончено. Поскольку чистка парламента и казнь короля резко осуждалась большинством групп общественного мнения, включая многих, придерживавшихся более резких взглядов, представителей духовенства и прихожан Пресвитерианской церкви, поддержка унитарно-республиканской формы государства стала слабеть, и был установлен компромиссный режим «республиканского содружества», также бывший очень непопулярным²⁸.

Выраженность множественного суверенитета была значительно большей в ходе французской революции. К 1792 г. аристократия и духовенство как социальные классы были ликвидированы, и все их привилегии отменены, но жизнь большинства людей не стала лучше; более того, с материальной точки зрения она стала гораздо хуже, чем была до 1789 г. Для наиболее радикальных агитаторов и народных лидеров единственно подходящим объяснением служило то, что многие представители старого режима погрязли в такой безграничной коррупции, что они оказались не в состоянии воспользоваться возможностями, которые, предположительно, предоставлял им новый революционный порядок, основывавшийся на идеях свободы, равенства и братства. На этом основании, а также по требованию парижской толпы был начат террор. С 1792 по 1794 г. правительственная политика сводилась к бесперебойной работе гильотины; на эшафот попадал каждый, чья прежняя жизнь сделала его/ее непригодным/ой для жизни в свободном и равном обществе; «Задача республики состоит в искоренении всего, что ей противостоит», — провозглашал Сен-Жюст²⁹.

В ходе мексиканской революции множественный суверенитет приобрел выраженные черты. Свергнув Диаса в 1911 г., Мадеро сам был свергнут и убит вооруженными сторонниками генерала Викториано Уэрты³⁰, в феврале 1913 г. Это немедленно повлекло за собой «конституционалистский» переворот во главе с Венустиано Карранса, губернатором одного из северных штатов, действовавшим в согласии с другими лидерами северных территорий, прежде всего Альваро Обрегоном из штата Сонора и Панчо Вильей в штате Чиауа. В июле 1914 г. конституционалисты свергли Уэрты, одновременно оттеснив от власти Вилью и его состоящую в основном из крестьян Северную дивизию, которая представляла собой крупнейшие вооружен-

ные силы, созданные в ходе революции. Конец 1914 г. стал «кульминацией революционного подъема низших слоев крестьянского населения»³¹. Попытка установить *modus vivendi* между несколькими революционными элитами и движениями, принявшими участие в работе Национального собрания в Агуаскальентес, привела только к дальнейшему обострению ситуации: Карранса лишился поста президента, вслед за чем сапатисты и сторонники Вильи захватили Мехико, а силы Карранса отошли в Веракрус. Несмотря на то, что вскоре они предприняли наступление на армию Панчо Вильи и разгромили ее между апрелем и июлем 1915 г., основная часть территории Мексики, включая крупные города, не контролировалась центральным правительством. Сапатисты и другие крестьянские отряды контролировали сельские территории, в то время как мятежные рабочие, выдвигавшие радикальные эгалитаристские требования, контролировали Мехико и другие города. В результате постоянных забастовок, большинство служб и государственных органов прекратили свою работу, и в стране начался голод³². Две всеобщие забастовки состоялись в 1916г., но Карранса, ставший к тому моменту президентом, подавил вторую забастовку, применив силу, и уничтожил основные организации рабочих. Это завершило наиболее радикальную стадию революции, во время которой вооруженные силы были раздроблены, но, как и в Англии, никогда не были полностью дезинтегрированы.

Характер и содержание революционных идеологий также влияют на исход революций. Ни в одном из трех рассматриваемых случаев основные группы, участвующие в революции, не имели связи и убедительной идеологии. В Англии, как считают исследователи, ярые пуритане следовали необходимости «проведения насильственной, нетерпимой к противникам политики», нацеленной на «нравственные преобразования»...

в рамках которой «принуждение общества к благочестию и социальной дисциплине» рассматривалось в качестве способа для избранных восславить Господа. Но многие пуританские лидеры не стремились навязывать свои убеждения окружающим или уничтожать тех, кто их не разделял. Такой позиции придерживались Кромвель и его военачальники, которым ничего не стоило поступить таким образом, если бы они этого хотели³³. Таким образом большинство пуританских лидеров не придавали большого значения светским эгалитаристским теориям милленаристских сект; в конце концов, они были не чем иным, как элитами, которые не намеревались отказываться от своих привилегий³⁴. Во Франции представители различных революционных политических сил действовали агрессивнее, стремясь навязать окружающим свои политические взгляды. Но их идеи были недостаточно убедительны, и им не хватало системности, необходимой любой политической программе; они сводились к милленаристскому убеждению в том, что простой отказ от традиций, от традиционной системы власти и ликвидация аристократических привилегий тем или иным образом сразу приведут к формированию справедливого и счастливого общества. Когда к 1792 г. этот рецепт политического и социального спасения перестал действовать, единственным доступным ресурсом оказался массовый террор. Не имея серьезного и эффективного, а главное, убедительного плана того, какой могла бы быть новая структура общества, французская революционная идеология не допускала возможности действовать осторожными методами, что могло бы позволить радикалам одержать верх и консолидировать власть. Разработанные гораздо позднее, в «Век идеологий», т.е. в XIX в., либеральная, социалистическая и демократическая доктрины были хорошо знакомы лидерам мексиканской революции, но не их последователям — крестьянским мас-

сам населения. Однако эти убедительные идеологии нашли свое отражение в мексиканской революции в виде сильных региональных и этнических идентичностей, глубокого противостояния по оси «город — деревня», особенно в религиозных вопросах, примитивного популизма, ставшего результатом длительной автономии сельских областей и различных регионов страны, и националистических настроений и устремлений, получивших распространение среди представителей всех классов и иных социальных групп. Таким образом, ни одна из возможных идеологий, несмотря на их внутреннюю логику и убедительность, не выступила в качестве связующего звена какой-либо из групп, участвовавших в мексиканской революции.

С аналитической точки зрения в ходе каждой из трех революций отсутствовала комбинация черт, делающая возможной победу революционных элит, — выраженный множественный суверенитет в сочетании с идеологией, способной стать убедительной политической программой. Вместо этого отдельные группы старых расколотых элит в конце концов вернули себе контроль над властью и возобновили «междоусобную» войну. В Англии в 1653 г. Кромвель и военная верхушка распустили «охвостье», продолжавшее заседать после переломных событий 1648–1649 гг., и установили военную диктатуру. Однако ее немедленное падение после смерти Кромвеля в 1658 г. свидетельствует о том, что эта диктатура не породила и не стала доказательством существования революционной элиты. К моменту смерти Кромвеля большинство пуританских лидеров было разочаровано и связывало будущее страны с восстановлением монархии. В кратчайшие сроки армия была очищена от республиканцев и оказалась глубоко расколота. Роялисты восстановили контроль над политической ситуацией, парламент объявил о самороспуске, вслед за которым последовали новые парламентские

выборы, и Карл II был приглашен на английский престол. Внутриэлитная борьба вокруг монарха и парламента возобновилась, а ее участники разделились на два лагеря, тори и вигов. Кульминацией этой продолжавшейся следующие тридцать лет борьбы стала Славная революция 1688–1689 гг., когда лидеры обеих группировок пришли к ставшему переломным в истории страны соглашению по большинству основополагающих и принципиальных спорных вопросов³⁵.

Революция во Франции, конец которой положил термидорианский переворот в июле 1794 г., имела те же итоги, что и в Англии в конце 1650-х гг. Без каких-либо объяснений Национальный конвент, сменивший Национальную ассамблею, неожиданно проголосовал за арест Робеспьера, представшего перед революционным трибуналом, главой которого он являлся. С помощью вооруженных сил, набранных в более зажиточных кварталах Парижа, удалось подавить протесты сторонников Робеспьера, и он был казнен. Хотя никто не придавал этому значения, это событие полностью изменило характер и содержание французской революции. Правые, до сих пор остававшиеся в тени, немедленно вышли на авансцену политической жизни, и террор был практически прекращен. В течение следующих пяти лет была восстановлена работа гражданских и военных административных органов, центральные органы власти восстановили контроль над территорией страны, и Франция начала ряд военных кампаний, которые способствовали распространению наиболее эффективных буржуазных нововведений революционной эпохи в европейских государствах. Однако, не прибегая к самоубийственным методам террора, лидеры термидорианского переворота и создатели Директории, без сомнения представляли собой расколотую элиту. Между 1794 и 1799 гг., когда Наполеон Бонапарт захватил власть, было совершено несколько попыток го-

сударственного переворота. Получив титул императора, Наполеон ликвидировал политический плюрализм и свободу слова в стране и, не переставая, вел завоевательные войны вплоть до своего поражения в 1815 г., когда Франция была оккупирована. Последующая французская политика характеризовалась борьбой за власть и влияние между различными группами элит, ни одна из которых не доверяла другой, что привело к тому, что в последующие 150 лет во Франции было предпринято с полдюжины попыток изменить государственный строй.

В Мексике, после того, как вторая всеобщая забастовка в 1916 г. была подавлена, была предпринята попытка объединить все революционные группы путем принятия новой конституции, включавшей положения, которые должны были успокоить представителей всех групп. Но ведущие политические лидеры страны, такие как Сапата и Вилья, не откликнулись на эту попытку и оставались в оппозиции к новому политическому режиму. Сохранение множественного суверенитета, несмотря на его менее выраженный характер, привело к дальнейшему кровопролитию. Сапата был убит в апреле 1919 г., в том же году был убит ближайший сподвижник Вильи, в отношениях лидеров конституционалистского движения, Карранса и Обрегона, произошел раскол, когда Карранса выдвинул кандидатуру своего преемника для участия в президентских выборах 1920 г. Обрегон совершил военный переворот, в результате которого в мае 1920 г. Карранса был убит при отступлении в Веракрус. Обрегон стал президентом и приступил к созданию структуры политической элиты и политического режима, которая отражала бы интересы всех политических фракций; стал добиваться подчинения государству организаций рабочих; возобновил отношения с представителями американского и других иностранных капиталов на условиях, которые были минимально приемлемы для национали-

стически настроенных фракций, и начал подготовительные шаги к проведению земельной реформы для успокоения крестьянского населения. Однако военные перевороты, предпринятые в 1922 и 1923 гг. с целью свержения режима Обрегона, убийство Вильи в 1923 г., война кристерос 1926—1929 гг., в ходе которой были подавлены все попытки местных крестьянских восстаний, раздуваемых Церковью, выступавшей против перехода к государству контроля над образовательными учреждениями, — все это свидетельствует о том, что политические элиты, получившие власть, были сильно раздроблены. Потребовался еще один кризис — убийство Обрегона в июле 1928 г. и угроза возобновления революционной борьбы, прежде чем на протяжении последующих нескольких месяцев было выработано межэлитное соглашение, автором которого стал Плутарко Калес³⁶. Таким образом, мексиканская революция не привела к формированию революционной элиты, однако, как и в ходе английской революции, страх перед возобновлением революции стал мощным стимулом к заключению пакта элит несколько лет спустя.

Приведенный анализ, который дополняет анализ российской революции, данный в дальнейшей части работы, позволяет сделать вывод, что английская, французская и мексиканская революции стали классическими примерами революций в доиндустриальных обществах и независимых национальных государствах в Новое время. Я постарался показать, что все три революции в широком смысле сообразовались с «элитными», «массовыми» и «кризисными» условиями революции, переменными революционного периода и результатами революции с точки зрения характера политических элит, как это было описано выше. Теперь я перехожу к анализу трех других революций, результатом которых стало появление революционных элит. Речь идет о российской, итальянской и

немецкой революциях, произошедших после Первой мировой войны, и я считаю, что они также согласуются с предложенной мною схемой, в центр которой я поместил политические элиты. Ход этих революций хорошо известен, и вряд ли необходимо его пересказывать (тем более не в рамках Московского проекта). **Однако моя модель позволяет под новым углом взглянуть на российскую, итальянскую и немецкую революции и на то, почему их результатом стало формирование революционных элит.**

Революции с революционными элитами

В 1914 г. раскол элит и нестабильность политических режимов характеризовали политическую ситуацию во всех европейских государствах, кроме Британии, Швеции, Нидерландов и Швейцарии, а также в странах Латинской Америки и в других независимых национальных государствах за пределами Европы, кроме бывших британских колоний в Северной Америке и в Южном полушарии³⁷. К 1914 г. национальные государства в Западной Европе, Северной Америке и Южном полушарии были индустриально развитыми обществами, в то время как восточноевропейские и другие страны (кроме Японии) все еще оставались на доиндустриальной стадии развития. Таким образом, к началу Первой мировой войны все независимые национальные государства отвечали «массовому» условию революции: наличие рабочей силы, занятой традиционным, крестьянско-ремесленным, или промышленным трудом. Но в результате успешной колониальной политики или действия заключенных ранее межэлитных соглашений, ряд национальных государств (Британия, Швеция, Нидерланды, Швейцария, бывшие британские колонии: Австралия, Канада, Новая Зеландия и Соединенные Штаты Америки) не соответствовали «элитному» условию революции, иными словами, их политические элиты не были расколоты³⁸.

Первая мировая война стала огромным бедствием и крайне негативно повлияла на экономическое развитие как европейских государств, так и большинства стран мира. Когда война близилась к своему завершению в 1918 г., нанесенный ею ущерб был столь значителен, что политические режимы и группы интересов большинства европейских государств столкнулись с угрозой революции со стороны социалистических элит, отстаивавших право представлять интересы рабочего класса и других притесняемых и угнетенных слоев населения. Однако революции произошли только в России, Италии и Германии, и во всех трех странах они привели к формированию революционных элит. Так почему именно эти страны и такой итог? Несмотря на очевидные различия между ними, не в последнюю очередь в характере занятости рабочих слоев населения (Россия по-прежнему оставалась доиндустриальной экономикой, но Италия, по крайней мере север страны, и Германия были промышленно развитыми обществами), было бы разумно считать революции в этих странах взаимосвязанными.

Как уже было сказано, политические элиты всех трех стран были глубоко расколоты накануне Первой мировой войны. Как и французские политические элиты в XVIII столетии, российская элита разделилась на два враждующих лагеря: принадлежащие к одному из них выступали за сохранение абсолютной монархии и традиционного социального порядка, в другом ратовали за парламентскую демократию и иные либеральные реформы. Поражение России в Русско-японской войне дало представителям либерального лагеря кратковременное преимущество и едва не привело к свержению абсолютистского режима в марте 1905 г., но тактические уступки, на которые пошел император Николай II, за которыми, однако, последовали беспощадные репрессии, продлили жизнь монархии еще на десять с лишним лет.

В Италии и Германии консолидация новых национальных государств на протяжении последней четверти XIX столетия сопровождалась чередой глубоких внутриэлитных конфликтов по поводу королевской власти, а в Италии также из-за роли Церкви в новом национальном государстве. Несмотря на национальное объединение, важные группы элит в Италии и Германии с самого начала оставались не согласными с новыми формами политических институтов и с властью адаптировавшихся к ним старых элит. Более того, быстрая индустриализация вскоре привела к формированию широкого и враждебно настроенного рабочего класса, мобилизуемого вновь возникшими элитами, провозглашавшими скорую социалистическую революцию. Однако путем жесткого ограничения избирательных прав в Италии (право голосовать имели около 5% взрослого населения) и принятия ряда мер по повышению уровня благосостояния граждан в Германии, а также апеллируя к националистическим настроениям граждан в ходе текущих внешнеполитических кризисов, правящие элиты в Италии и Германии смогли не допустить серьезной борьбы между различными социальными группами населения до Первой мировой войны.

Безусловно, война спровоцировала начало революций во всех трех странах. В России лишения, которые испытывало население, стали причиной многочисленных крестьянских восстаний и случаев дезертирства из воинских частей, с которыми царский режим оказался не в состоянии справиться. Режим пал в марте 1917 г., когда тысячи солдат отказались участвовать в расстреле демонстрации рабочих в Петрограде. Было сформировано Временное правительство, однако оно не пользовалось поддержкой среди офицерского состава и было не в состоянии предотвратить дальнейшие крестьянские бунты и забастовки промышленных рабочих, в организации которых

все большую роль играли местные Советы. Множественный суверенитет приобрел все большую выраженность. В свою очередь, в Италии война привела к резкому обострению внутренних конфликтов и окончательно лишила действовавшие политические институты общественной поддержки, как среди элиты, так и среди массовых слоев населения. Как отмечал Мартин Кларк³⁹: «Италия и раньше была расколота, но к ноябрю 1918 г. она оказалась расколота больше, чем когда бы то ни было: «комбатанты» против «уклонистов», крестьяне против рабочих, патриоты против капитулянтов. Ни одна из возможных политических систем не отвечала требованиям всех сторон». Результатом стал политический тупик, когда стоящие на непримиримых позициях социалистическая, коммунистическая, католическая и фашистская партии препятствовали формированию правительства, способного на решительные действия. Хаос в общественной жизни, о котором свидетельствовал пятнадцатимесячный мятеж Габриэле Д'Аннунцио в г. Фиуме, захват промышленных предприятий и земель, повальные забастовки и массовые беспорядки, стал казаться неизбежным. В Германии, как и в России, война уничтожила самодержавие, дискредитировав военную и другие, связанные с ним элиты. После принудительного отречения кайзера от престола в ноябре 1918 г., временное правительство, с неохотой возглавленное лидерами марксистской и относительно революционной социал-демократической партий, осуществляло надзор за переходом к республиканской и абсолютно демократической форме государства. Однако пришедшая к власти социал-демократическая элита оттолкнула от себя своих наиболее радикально настроенных сторонников, силой подавив несколько попыток местных революционных переворотов, что предзнаменовало развитие множественного суверенитета, и отказавшись от социалистических

реформ, которые не пользовались поддержкой избирателей. Приход к власти большевиков в России сыграл решающую роль в дальнейшем развитии политической ситуации во всех трех странах, немедленно сделав до сих пор кажущуюся возможность — установление социалистического порядка в национальном масштабе — полновесной реальностью. Стоило большевикам консолидировать власть и доказать, что воплощение в жизнь социалистических лозунгов об обобществлении средств производства не привело к немедленному экономическому краху, как многие представители различных категорий населения в таких промышленно развитых странах, как Италия и Германия, которые в результате социалистической революции рисковали лишиться гораздо большего, чем только «своих цепей», оказались в состоянии, когда они легко могли быть мобилизованы экстремистскими антисоциалистически настроенными элитами для участия в политических движениях, ставящих своей целью предотвращение социалистической революции любой ценой и любыми средствами. Таким образом, победа большевиков в Гражданской войне в России в 1917–1921 гг., длительный раскол итальянских и немецких элит и ущерб, нанесенный обеим странам Первой мировой войной, играют решающую роль в понимании революционных переворотов и их итогов в Италии и Германии.

Что привело большевиков к победе? Такой исход вовсе не был неизбежным. Достаточно сказать, что выраженный множественный суверенитет между 1917–1921 гг., в сочетании с убедительной, выверенной и эффективной большевистской версией марксизма, позволили большевикам захватить и удержать власть. Крестьянские бунты, нехватка зерна и неспособность Временного правительства предотвратить резкий рост инфляции на продукты питания, непрекращающиеся забастовки промышленных рабочих и военные мятежи, включая

попытку военного переворота в августе 1917 г., привели к падению Временного правительства в ноябре 1917 г. Небольшие группы большевиков в Москве и Петрограде просто-напросто взяли власть в результате бескровного переворота, который прошел практически не замеченным рядовыми гражданами. Публично следуя концепции, в соответствии с которой большевики были «авангардом», способным постепенно привести российский общество к социализму, Ленин и его сторонники зимой 1917–1918 гг. совершили ряд секретных и беспощадных шагов для разгрома своих противников, сформировав Чрезвычайную комиссию (ЧК) — орган, выполнявший карательные функции, — разогнав в начале января 1918 г. едва избранную Конституционную ассамблею, обратившись к Германии два месяца спустя с просьбой о заключении мира и создав Красную армию для ведения Гражданской войны и борьбы с интервенцией.

Крупномасштабный характер ведомой большевиками борьбы и порожденная ею чрезвычайная идеологическая поляризация не позволили умеренным политическим силам добиться хотя бы некоторого успеха. Результатом стала военная победа большевиков в 1920 г., хотя национально-освободительные восстания, вспыхнувшие на территориях, контролировавшихся антибольшевистскими силами, способствовали не меньше, чем военная доблесть большевиков. Единственной задачей Ленина и его окружения оставалось безоговорочное лидерство в лагере социалистов, которого они добились, подавив кронштадтский мятеж в марте 1921 г. и одновременно заставив участников X съезда РКП(б) отказаться от попыток руководства действиями Центрального комитета партии, который находился под контролем Ленина и его товарищей. В короткий срок на месте монархии возник новый политический режим без какой-либо действенной системы сдержек и противовесов и в высшей

степени централизованная политическая элита. Таким образом, самое позднее в 1925–1926 г., когда Сталин сменил Ленина после его смерти и лишил Зиновьева, Троцкого, как и остальных своих противников, политической власти, в руках новой политической элиты сосредоточилась безграничная власть.

В равной мере, как и приход к власти в России большевиков, ни итальянская, ни германская революции, произошедшие после Первой мировой войны, не были предопределены заранее. Характер занятости рабочих масс населения в этих странах делал эгалитаристские революции, аналогичные большевистской, для свершения которых необходимо огромное по численности безземельное крестьянское население, невозможными. В 1920 г. фермеры составляли меньше половины германского рабочего населения, большинство из них были мелкими землевладельцами, о чем свидетельствует обозначение «фермер», и католиками, твердо приверженными умеренным взглядам Центристской партии. В 1921 г. численность крестьян и ремесленников в Италии была значительно выше — около двух третей всего рабочего населения, — но они были наиболее многочисленны на юге страны, где особенно сильным было влияние католической церкви, консервативное и антиреволюционное. Кроме того, обезлюдивание сельской местности в результате индустриализации северных территории страны и широкая эмиграция, а также обусловленное послевоенной инфляцией процветание сельской местности привели к тому, что число землевладельцев за предшествующие десять лет возросло в два раза; 30–40 процентов глав крестьянских семей на юге страны в 1921 г. имели землю в собственности⁴⁰. Таким образом, важнейшего «массового» условия эгалитаристской революции — рабочей силы, состоящей в основном из обедневших и безземельных крестьян, — больше не существовало ни в Италии, ни в Германии после окончания Пер-

вой мировой войны. Вместо этого, когда угроза эгалитаристской революции, для свершения которой социалистические и коммунистические политические элиты обеих стран мобилизовывали многочисленный городской рабочий класс, стала ощутимой, массы сельских избирателей в Центральной Италии и Северной Германии и представители многочисленных среднего и верхнего среднего классов безоглядно поддержали антисоциалистические фашистские и нацистские партии соответственно. В результате политические силы, обещавшие предотвратить социалистические революции и, если потребуется, применить силу, получили широкую поддержку среди представителей всех социальных классов.

Безусловно, политическое развитие Италии и Германии было обусловлено не только численным превалированием промышленных рабочих над крестьянами, что позволило осуществить антисоциалистические революции. Необходимо также учитывать отношения между элитами в обеих странах, влияние Первой мировой войны и большевистской революции. Внутриэлитные конфликты разгорелись с началом войны с новой силой. Во-первых, запоздалое вступление Италии в войну в мае 1915 г. вызвало небывалые разногласия, когда ведущие политические лидеры, как, например, Джованни Джолитти, нажили многочисленных врагов среди представителей политической элиты, стремясь удержать Италию от вступления в войну, социалисты отказывались отречься от своих «интернационалистских» принципов и поддержать военные действия, а демагоги, как Муссолини и Д'Аннунцио, агитировали в пользу военных действий и клеймили своих соперников трусами, лишенными чувства патриотизма. После тяжелейшего поражения под Капоретто в конце 1917 г. милитаристски настроенные националисты и либералы сформировали движение «Фашио» для противостояния «поражен-

ческим» элитам; одновременно бесчисленные «фаши», некоторые из которых вскоре составили ядро движения Муссолини, возникали среди местных элит. Результатом этого конфликта, после окончания войны, стал рост недоверия между элитами и непримиримые позиции сторон. Поразительный исход выборов 1919 г, ставший результатом введения всеобщего избирательного права среди граждан мужского пола и пропорциональной избирательной системы, в дальнейшем уничтожил любую возможность формирования сильного правительства, так что к началу 1921 г. «одна недолгая коалиция во главе со слабым премьером сменяла другую, едва сводя концы с концами, когда страна погружалась в хаос»⁴¹.

В Германии начало Первой мировой войны привело к временному прекращению противостояния между основными элитными группами, включая откровенно революционную социал-демократическую партию. Однако к концу 1916 г. растущие внутриполитические трудности и политические разногласия способствовали фактическому установлению военной диктатуры. Военное поражение, последовавшее два года спустя, спровоцировало падение политического режима, провозглашение республики и недолгую гражданскую войну, в ходе которой левые силы предприняли несколько попыток переворота, которые были подавлены силовым путем. Военная и другие правые элиты дискредитировали себя, утверждая, что поражение в войне было вызвано саботажем со стороны левых политических сил, сами левые элиты были поляризованы, расколовшись на непримиримых революционеров и более умеренных социалистов. Таким образом, Веймарская республика с момента своего возникновения в 1919 г. была лишена поддержки со стороны единого фронта политических элит, неспособных к его формированию, что немедленно подтвердили организованные левыми силами восстания и попытка государствен-

ного переворота, предпринятая правыми в марте 1920 г. В последующие десять лет широко исследованные и описанные многими учеными⁴² центристские элиты и партии постепенно теряли влияние и поддержку избирателей в пользу революционных элит и партий правого и левого крыла, так что к 1930 г. формирование парламентского большинства, поддерживающего действия правительства, перестало быть возможным, и осуществление правления путем издания президентских декретов превратилось в норму.

В обеих странах сложился множественный суверенитет, что создало условия для прихода к власти Муссолини и Гитлера. Ни итальянское, ни германское правительства не смогли бы или не стали бы мешать полувоенным формированиям наиболее радикальных партий и движений, особенно крайне правым, взять под свой контроль многие населенные пункты и запугивать и убивать своих политических противников. На протяжении 1921–1922 гг. города на севере Италии были охвачены мятежом, носящим более или менее открытый характер и поднятым представителями рабочего класса, придерживавшимися социалистических и коммунистических взглядов, что порождало «призрак» неизбежной социалистической революции, устраняющей все классовые и иные различия, как это произошло в России. В ответ фашистские военизированные отряды, часто получавшие оружие, аммуницию и др. поддержку от военных и полиции, брали под свой контроль один за другим города на севере Италии, что дало Муссолини необходимый козырь: король был вынужден поручить ему формирование правительства в октябре 1922 г. Спустя год в Мюнхене с позором провалился путч, организованный Гитлером для свержения баварского правительства и повторения успеха Муссолини, после чего Нацистская партия стала использовать свои военизированные формирова-

ния для запугивания противников, нередко с молчаливого одобрения военных и полиции, а также судебных органов. Вместе с ростом численности и агрессивности штурмовых отрядов Нацистской партии в 1920-е гг., все большей становилась выраженность множественного суверенитета, хотя никогда не достигала той глубины, которая характеризовала политическую ситуацию в Италии в 1921–1922 гг.

Таким образом, Гитлер и нацисты были лишены возможности проложить себе путь к власти с помощью силы и вместо этого вынуждены были участвовать в длительной электоральной борьбе, в ходе которой, благодаря эффективной деятельности своих военизированных отрядов и партийных кадров — так называемого организационного оружия — и не скупясь на обещания сокрушить марксизм и «большевизм», освободить фермеров от долгового бремени и уничтожить богатых и процветающих евреев, как и всех остальных, кто препятствовал возрождению национального величия Германии, Нацистская партия стала основным игроком на политической арене после 1930 г. Получив поддержку абсолютного большинства членов сельскохозяйственных протестантских общин и многих избирателей из среднего и высшей прослойки среднего класса, напуганных кажущейся силой левых движений и вместе с тем разочарованных политикой правящих правых партий, национал-социалисты стали крупнейшей партией, получив больше трети голосов избирателей на выборах 1932 г. Это позволило Гитлеру требовать от Гинденбурга своего назначения на должность канцлера, которое последовало, после сложных интриг в окружении президента между лидерами консерваторов, 20 января 1933 г.

В какой степени идеология повлияла на приход к власти антисоциалистических движений? Несмотря на утверждения фашистов и нацистов, что они

стремятся к созданию новых индустриальных обществ и, таким образом, новой идеологии, их политические программы, по своей сути, были прежде всего реакцией на существующие в обществе проблемы. Они выступали против социализма и демократических институтов и процессов, которые, по утверждению многих социалистов, в конце концов должны были привести к формированию социалистического общества. В действительности обе стороны, как социалисты, так и антисоциалисты, верили в пророчество Маркса, что промышленно развитые капиталистические общества порождают огромный класс пролетариев, который уже благодаря одной своей многочисленности сможет захватить власть. Поскольку возможности повлиять на траекторию развития рабочего класса и политическое развитие промышленно развитого общества на рассматриваемом историческом этапе оставались весьма ограниченными, то такая точка зрения казалось очень правдоподобной. Ни в одном капиталистическом промышленно развитом обществе доля враждебно настроенных и готовых перейти к активным действиям промышленных рабочих, занятых ручным трудом, не переставала расти или снижалась, как в конечном счете происходит, когда общества переходят к постиндустриальному этапу развития, в результате чего меняется характер труда работающего населения. Больше всего социалисты и антисоциалисты расходились во взглядах на последствия неизбежной победы социализма: если социалисты рассчитывали на формирование более или менее утопического общественного порядка, то их противники были уверены, что за ней немедленно последует падение экономики, общий экономический регресс и их собственная деградация.

Таким образом, те, кто считал себя неудачниками, с социальной точки зрения, или сочувствовал неудачникам, предвкушали приход социализма.

Но множество итальянцев и немцев, стоявших на более высоких ступенях социальной лестницы, или те, кто, как многие бывшие крестьяне, лишь недавно приобрели собственность, видели в социализме серьезную угрозу, с которой готовы были бороться. Представители населения, занятые интеллектуальным или любым иным видом непромышленного труда, и мелкие собственники из числа бывших крестьян и ремесленников, взятые вместе, они превосходили численностью рабочий класс, и многие из них могли быть мобилизованы с помощью антисоциалистических лозунгов беспринципными политическими авантюристами, как Муссолини и Гитлер, чтобы обеспечить их политическую победу. Иными словами, фашистско-нацистская идеология являлась прежде всего зеркальным отражением революционного социализма, и ее насильственный характер был обусловлен произошедшими в России политическими изменениями.

С приходом к власти фашистов и нацистов революционные элиты сменили прежние расколотые группы элит. В Германии это принципиальное изменение стало заметно уже через восемнадцать месяцев после прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. Фальсификация выборов в марте 1933 г. предоставила необходимые средства для того, чтобы протолкнуть через парламент законодательный акт, дававший Гитлеру право править при помощи декретов. После чего он распустил парламенты, запретил деятельность профсоюзов, объявил вне закона все партии, кроме национал-социалистической немецкой рабочей партии. В апреле 1934 г. по приказу Гитлера были убиты Ром и другие радикально настроенные члены национал-социалистической партии, что должно было обеспечить Гитлеру поддержку военных при объединении должностей канцлера и президента и создании единого поста, который Гитлер занял после смерти Гинденбурга в августе того же года. Таким образом, начиная с

августа 1934 г., в крайнем случае, революционная элита установила полный контроль над Германией.

В отличие от Германии, фашистам потребовалось гораздо больше времени, чтобы консолидировать власть, и этот процесс всегда оставался в какой-то мере не завершенным. После формирования правительства в ноябре 1922 г. Муссолини отказался распустить отряды сквадристов, однако не предпринял решительных действий для уничтожения своих противников и последующей монополизации власти. На выборах, прошедших в апреле 1924 г. в соответствии с новым, но получившим широкую поддержку законодательством, избирательный блок во главе с фашистами получил две трети голосов. Когда Джакомо Маттеотти, новый лидер Социалистической партии, отказался признать результаты выборов, утверждая, что они были проведены нечестно, с многочисленными нарушениями, а избиратели были запуганы, он был убит шестью фашистскими сквадристами, возможно, с согласия самого Муссолини. Однако вместо того, чтобы использовать это убийство для начала полномасштабной парламентской кампании против правительства Муссолини и его движения, социалисты, коммунисты и другие оппозиционные элиты предпочли бойкотировать работу парламента, таким образом дав Муссолини достаточно пространства для маневра. Однако Муссолини и его окружение начали систематическое уничтожение оппозиционной политической элиты как в парламенте, так и за его пределами только в 1925–1926 гг., и только после четырех попыток убийства Муссолини они стали настаивать, в 1926 г., на формировании политической иерархии, основанной на беспрекословном подчинении, и централизации принятия политических решений на всех уровнях, что служит критерием революционной элиты. Но даже тогда многие важные элитные группы, в частности военные, церковь, некоторые

группы гражданских служащих, и некоторые члены сената не были полностью «фашизированы». Безусловно, сама фашистская партия стала скорее придатком правящей элиты, нежели ее центральным организующим звеном. Тем не менее значительная трансформация политических институтов и подчинение всех остальных элит автократическому государству, где слово Муссолини было законом, позволяет сделать вывод, что государственный переворот и смена элит в Италии носили безусловно революционный характер.

В заключение следует сказать, что успехи революционных элит в России, Италии и Германии носили взаимосвязанный характер. Все три общества удовлетворяли как «массовому», так и «элитному» условиям революции, несмотря на то, что вероятность возникновения революционных элит определялась, прежде всего: 1) катастрофическими последствиями Первой мировой войны для всех трех стран; 2) влиянием российской революции на Италию и Германию. Впервые революция привела к формированию революционной элиты, положив этому «задел», и с этой точки зрения российская революция стала уникальным явлением в современной истории. Несмотря на то, что ряд более ранних революций также носили эгалитаристский характер, российская революция стала первой породившей революционную элиту, оказавшуюся способной оставаться у власти долгие годы. Не имеющий себе равных кризис, которым стала для царской власти Первая мировая война, последовавший за ним период между 1917–1921 гг., когда множественный суверенитет приобрел исключительно выраженные черты, и убедительная, детализированная и эффективная большевистская идеология помогают понять этот не имеющий исторических аналогов итог революции. Влияние российской революции, а затем и ее итогов, проанализированных ранее, на разоренные войной страны, чьи элиты

были глубоко расколоты, такие как Италия и Германия, было безмерным. Заставив поверить в реальность претворения в жизнь идеи социалистической революции и, таким образом, воодушевив левые политические элиты и ужаснув правых, российская революция стала самой непосредственной причиной антиэгалитаристских революций и агрессивно наступательной политики революционных элит в Италии и Германии.

Траектории революционных элит

Из трех революционных элит, возникших в различных странах в межвоенный период, только российско-советская элита пережила Вторую мировую войну. На протяжении последующей четверти века, при помощи прямого применения военной силы либо путем идеологической пропаганды, опиравшейся на поддержку военных, она создала своих политических клонов как в странах, расположенных по периметру границ Советского Союза, так и вдалеке от него: сразу после окончания войны в Югославии и Албании, в странах Восточной Европы между 1947 и 1949 гг., в Северной Корее между 1945 и 1948 гг., в Китае в 1948 — 1949 гг., в Северном Вьетнаме в 1954 г., на Кубе в 1959 — 1960 гг., в Южном Йемене в 1970 г., в Камбодже и Афганистане на короткие периоды после 1975 г.

В последовавшие за этим долгие годы правящие элиты в перечисленных странах представляли собой не что иное, как слепок с советской элиты, и отстаивали за собой право на свое революционное происхождение, как оно понимается в контексте советского революционного опыта. В действительности ни одна из рассматриваемых политических элит не возникла в ходе революции, которую можно было бы сравнить с российской революцией или соответствующей разработанной мною концепции революции. Советский Союз использовал различные способы для создания политиче-

ских клонов: путем прямого применения военной силы и завоевания территории либо путем распространения региональной гегемонии; способствуя победе одной из сторон в хорошо организованной, длительной гражданской войне или антиколониальной войне за национальное освобождение; путем политических ухищрений и уловок. Идеологическая сплоченность и единство элит, появление которых не стало результатом вызревших на местной почве революций, каковой была российская революция, были менее прочными, нежели у советских элит. Например, в Восточной Европе борьба между элитными группами «нативистов» и «москвитов» была глубокой и упорной, так что доминирование фракции «москвитов» в значительной мере зависело от присутствия или близости советских вооруженных сил. В ряде других стран, в частности, в Северной Корее, в Китае, в Северном Вьетнаме и на Кубе решающую роль в поддержании политической элиты, которая, пусть грубо, но должна была соответствовать советской модели элит, играл культ личности вождя и отца — основателя новой политической системы.

Наибольшее значение имеет пример Китая. Как уже отмечалось выше, принято считать, что элита КНР сформировалась в ходе революции, длившейся, возможно, с небольшими промежутками, с 1911 по 1949 г.⁴³ Однако хорошо организованная и длительная гражданская война, в которой участвовали многочисленные полевые командиры и представители различных политических лагерей, из которых и состояла расколотая китайская политическая элита — самыми крупными из которых были гоминьдановский и коммунистический лагери — более точная характеристика политического развития Китая на протяжении этих бурных четырех десятилетий. Только после военной победы коммунистов и прихода их к власти в Пекине в 1949 г., вероятно, можно говорить о том, что события

стали приобретать революционный характер, как это понятие понимается автором. Во-первых, коммунистической элите потребовалось несколько лет для того, чтобы распространить контроль на всю территорию страны к югу от Янцзы⁴⁴, которого она никогда не имела во время гражданской войны с силами Гоминьдана под руководством Чан Кайши. Это привело к серьезному элитному конфликту, о чем свидетельствует организованная Мао Цзэдуном кампания «пусть расцветают сто цветов» и выступления левых краснокнижечников в середине 1950-х гг. Во-вторых, закончившийся провалом «Большой скачок» в 1958–1960 гг., во время которого погибло от 20 до 30 млн человек, практически полностью уничтожил ту ограниченную солидарность, которая существовала в рядах коммунистической элиты, и привел к борьбе между антиэлитистской фракцией Мао Цзэдуна и другими фракциями в Коммунистической партии Китая⁴⁵.

Между 1966–1968 гг. этот конфликт привел к пароксизму Великой культурной революции. Революция, отличительной и неотъемлемой чертой которой являлся выраженный множественный суверенитет, закончилась, только когда Мао Цзэдун и его сподвижники распустили структуры хунвейбинов и призвали по-прежнему действовавшую Народную армию восстановить порядок. Однако конфликт между элитными группами перерос в жестокую борьбу за право занять место Мао Цзэдуна после его ухода, повлекшую за собой, среди прочего, убийство Линь Бяо и, в конце концов, уничтожение маоистской фракции («Банды четырех») после смерти Мао. Последующая борьба между сторонниками жесткого курса и мягкого подхода по поводу масштаба необходимых политических и экономических реформ достигла своей кульминации во время расстрела студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь и практически открытого столкновения политических элит в

1989 г. Следует отметить, что, несмотря на то, что атмосфера холодной войны между 1950—1975 гг. породила у большинства зарубежных аналитиков уверенность в том, что китайская политическая элита сформировалась в ходе революции и была революционной по своей сути, как с точки зрения структуры, так и идеологического единообразия, эта точка зрения никогда не имела достаточных оснований. Если Китай и пережил революцию, то в середине 1960-х гг., когда коммунисты уже давно находились у власти, в результате провала «большого скачка» и последовавшей за ним жестокой межфракционной борьбы.

Нереволюционное происхождение правящей политической элиты Кубы во главе с Фиделем Кастро представляется еще более очевидным. Кастро и его товарищи захватили власть в условиях, ни одно из которых не удовлетворяло описанному в этой работе понятию эгалитаристской революции, о свершении которой они позже заявили. К началу 1950-х гг. и, возможно, с начала 1930-х гг., когда закончилась военная оккупация Кубы США, рабочий класс в стране находился скорее на раннеиндустриальной, нежели доиндустриальной стадии развития, что повышало вероятность начала антиэгалитаристской революции, но не наоборот. Кубинские элиты долгое время оставались раздроблены на множество фракций, диктатура одной из которых, возглавляемой бывшим армейским сержантом Фульхенсио Батистой, продолжалась большую часть времени после ухода американских войск и до победы Кастро в конце 1958 г. В годы правления Батисты не случилось ни одного крупного кризиса, который привел бы его режим к падению, и его вынужденный отъезд из страны в конце 1958 г. перед лицом требований со стороны военных и делового сообщества, с которыми он столкнулся, не привел к формированию ни одного условия множественного суверенитета. На протяжении дливше-

гося три года восстания, которое Кастро и его соратники вели в горных регионах страны, они не создали никакой убедительной идеологической платформы, ограничившись расплывчатыми популистскими и реформистскими обещаниями в духе Робин Гуда. Как замечательно написал Теодор Драпер, так называемая Кубинская революция состояла из «лидера, искавшего движение, которое он смог бы возглавить, движения, стремившегося к власти, и власти, которой не хватало идеологии»⁴⁶. Кастро и его сподвижники захватили власть при помощи политических уловок и ухищрений, убедив своих сторонников в том, что они ничем не напоминали ту революционную элиту, которой они и стали, получив контроль над правительством и армией, что дало им возможность навязать кубинскому обществу коренные изменения «сверху». Поскольку в кубинском обществе отсутствовали условия для эгалитаристской революции, «обман», к которому прибегли Кастро и его сподвижники, был, вероятно, единственным способом, с помощью которого провозгласившая в дальнейшем эгалитаристские и уравниательные идеалы и цели элита могла прийти к власти. Так или иначе, вплоть до того, как болезнь и старость вынудили Ф. Кастро отойти от управления страной в 2007 г., кубинская политическая элита оставалась всего лишь декорацией для представления, разыгрываемого одним актером, и ее дальнейшее существование без Ф. Кастро представляется маловероятным.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что среди ряда политических элит, считавшихся продуктом революций, произошедших в соответствующих странах, по-видимому, только советская политическая элита, после тщательного анализа, соответствует этому понятию, однако советской элиты больше не существует. Несмотря на своих многочисленных политических клонов, их безусловное отличное происхождение привело к

тому, что каждая национальная модель оказалась менее всеобъемлющей и более ориентированной на лидера и его личность, нежели советская модель политической элиты. Если все основания полагать, что крах советской элиты окажет сильнейшее, если не решающее, влияние на судьбу этих далеких от оригинала подражаний.

Доказательством этого служат некоторые события в Китае и Вьетнаме. В результате ослабления партийного контроля, который, конечно, не исчез полностью, широкое распространение получила коррупция. С другой стороны, благодаря ослаблению партийного контроля, большому количеству дешевой рабочей силы и успешному привлечению иностранных инвестиций, развитие Китая и Вьетнама полностью противоречит характеру развития Советского Союза в последние годы своего существования. Обе страны демонстрируют устойчивый экономический рост, средний класс продолжает расти, а масштабные инфраструктурные проекты и быстрая индустриализация обеспечивают работой и вызывают миграцию в города многочисленного незанятого на селе крестьянского населения и улучшают условия жизни населения. Социальные науки гласят, что подобные социально-экономические изменения в конечном счете делают невозможным свершение революции: либо контроль со стороны правящей элиты задушит дальнейший экономический рост и приведет к кризису, по своим масштабам далеко превосходящему события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., либо продолжающийся рост среднего класса и другие социальные различия вызовут раскол внутри китайской и вьетнамской элит.

Однако эти возможные варианты развития политической ситуации в условиях XXI в. могут оказаться обманчивыми. Они служат отражением текущего развития событий в Северной Корее, где правящая элита оказалась

неспособна предотвратить и даже некоторым образом ускорила появление социальных условий, обусловивших в стране нехватку продовольствия и голод, и в меньшей степени — событий на Кубе и в Иране, где революционные элиты, придерживающиеся единой идеологии или исповедующие общие религиозные принципы, значительно тормозят социально-экономическое развитие. Однако развитие событий по одному из этих сценариев кажется менее вероятным применительно к Китаю и Вьетнаму, где экономика развивается быстрыми темпами и где возникновение и дальнейший рост процветающего среднего класса остается возможным, не подрывая власти идеологически сплоченной элиты. Можно добавить, что понятие государственного социализма становится все более выхолощенным в Китае и Вьетнаме, но правящие элиты обоих государств замещают его националистической идеологией. Национализм в сочетании с ярым антиамериканизмом на протяжении долгого времени оставался той стратегией мобилизации народных масс, которую использовали Фидель Кастро и правящая кубинская элита, и остается одним из средств удержания власти иранской клерикальной элитой.

Есть и другие причины сомневаться в том, что приведенные выше альтернативные сценарии описывают судьбу революционных элит в XXI в. Во-первых, они получили важный исторический урок. Став свидетелями распада советской политической элиты, китайская, вьетнамская, а возможно, даже иранская правящие элиты могут с чрезвычайной бдительностью и осторожностью следить за возможными ситуациями и действиями, способными привести к их собственному падению. Может также оказаться, что ставшая уже прописной истиной о том, что между быстрым социально-экономическим развитием и прочностью революционных элит суще-

ствует обратная взаимосвязь, может оказаться не столь очевидной, если не ошибочной, поскольку в современном мире революционные элиты имеют возможность совместить высокий экономический рост и дальнейшие политические репрессии. Это может сопровождаться резким расширением предоставляемых населению основных общественных благ (транспорт, здравоохранение, начальное образование, национальная оборона, большее свободное время и больше способов развлечься) и одновременно ограничением распространения важных с политической точки зрения координационных благ — политических прав, гражданских свобод и прав человека, в более широком смысле слова, нецензурируемых средств массовой информации и Интернета, доступа к высшему образованию, которые ведут к мобилизации политических противников правящего режима, но менее значимы для развития экономики⁴⁷.

Сказанное выше не служит предположению, что правящие политические элиты и их преемники будут оставаться у власти бесконечно. Сохраняющийся на селе избышек рабочей силы, проблемы загрязнения окружающей среды, глобальное потепление, обеспечение водоснабжения и сокращение запасов нефти и других энергетических ресурсов или, по крайней мере, их резкое подорожание, без которых невозможен высокий и устойчивый экономический рост, являются причиной серьезных вызовов и угроз, с которыми описанные выше элиты (как и все другие) могут оказаться не в состоянии справиться. Нельзя исключать возможность распада политической элиты, как это произошло в Советском Союзе. Тем не менее в новых и продолжающих меняться условиях XXI в. революционные элиты обладают преимуществами, которых не было у советской политической элиты, либо она слишком заостенела, чтобы суметь воспользоваться ими.

Заключение

Отличительной чертой теории элит является то, что она утверждает, что характер, структура и другие характеристики политических элит в любых исторических обстоятельствах служат внешними ограничителями социальных и политических возможностей. Ничто не служит этому большим подтверждением, чем тот факт, что революции никогда не уничтожают элиты, как социально-политическую группу, а только изменяют их. Взяв за отправную точку приведенные Парето доказательства этого утверждения, я постарался поместить революции в рамки элитологических исследований. Я утверждаю, что революции происходят только при определенных условиях: в частности, когда элиты расколоты и фрагментированы, а рабочую силу формируют либо крестьяне и ремесленники в доиндустриальном обществе, либо промышленные рабочие в индустриально развитом обществе. Но даже в этом случае революция становится возможной только в результате чрезвычайного политического кризиса или полной непригодности правящей элиты. Революции невозможны в обществах, чьи политические элиты не расколоты, а работающее население занимается трудом, характерным для постиндустриальных обществ. Таким образом, революции не являются периодически повторяющимися, циклическими явлениями, как считал Парето; наоборот, они представляют собой редкие, обусловленные историческими обстоятельствами события, которые происходят только в некоторых обществах и только на определенных этапах развития.

Я задался вопросом: что определяет итог революции, если она все же происходит? Я исхожу из убеждения, что, чем более выраженным является множественный суверенитет в период революции и чем убедительнее и более разработанной, с инструментальной точки зрения, является идеология, которой придерживается

бывшая ранее периферической элита, тем больше вероятность того, что она сможет одержать победу и сформировать революционную элиту. И наоборот, когда многокомпонентный суверенитет ограничен, а идеологии, исповедуемые конфликтующими группами элит, находятся в зачаточном состоянии, то наиболее вероятный исход — смена персонального состава элит, но не их полная трансформация.

Английская и французская революции, которые подразумевал Парето, когда писал перед Первой мировой войной, были революциями, которые внесли значительные изменения в состав политических элит, не изменив существовавшую ранее модель раскола элит. В одном ряду с этими классическими европейскими революциями стоит революция в Мексике, которая только начиналась в тот момент, когда писал Парето, и о которой он мало знал. Но, опираясь на те исторические события и факты, которые были ему известны, нельзя не согласиться, что Парето был совершенно прав в своем анализе политических элит, сформировавшихся в результате революций. Однако впоследствии произошли еще три революции, итог которых, с точки зрения характера сложившихся элит, оказался совершенно иным: революция в России, свидетелем которой Парето стал в последние годы жизни, и итальянская и немецкая революции после его смерти в 1923 г. В результате каждой из этих революций сформировались особые революционные элиты. Я, однако, продолжаю подчеркивать существование взаимосвязи между этими тремя революциями, каждая из которых была спровоцирована беспрецедентным кризисом, которым обернулась Первая мировая война, и вместе с тем российская революция, чей «элитный» итог был определен выраженностью множественного суверенитета и убедительным и эффективным характером большевистской идеологии, стала непосредственной причиной революций в Италии и Германии.

В своем анализе я пришел к двум достаточно оригинальным выводам. Во-первых, при анализе антиэгалитаристских фашистских революций, вероятно, необходимо исходить из убеждения, что они оказались следствием исторических обстоятельств, сложившихся лишь в некоторых европейских индустриальных обществах с расколотыми элитами в межвоенные десятилетия. В этих обществах до сих пор не обращавший на себя внимание рабочий класс, в отношении которого было широко распространено ошибочное, однако, мнение, что отчужденные от результатов своего ручного труда промышленные рабочие и их семьи вскоре составят большинство населения, соседствовало с неожиданно возросшей уверенностью, что социалистические программы и цели возникли и получили распространение в результате большевистской революции. Это сочетание породило панику в среде в целом обеспеченных служащих, людей умственного труда, и имеющих некоторую собственность деревенских жителей и ремесленников. Антиэгалитаристские фашистские революции произошли в странах, а именно в Италии и Германии, где политические элиты были глубоко расколоты и готовы мобилизовать широкие массы населения как под про-, так антисоциалистическими лозунгами, опираясь на экстремистские доктрины и человеческие страхи, и где социальные и экономические последствия Первой мировой войны были особенно тяжелыми. Но вероятность того, что это сочетание, а также ряд вызванных войной дополнительных и непредсказуемых заранее обстоятельств, вновь повторятся, столь мала, что стремится к нулю. Это значит, что фашистские революции невозможно отнести к классификационной категории общего характера в изучении революций и революционных элит.

Мое второе заключение вытекает из первого: российская революция была

первым в своем роде, продуктивным по своим последствиям и совершенно уникальным событием. Ее итог — победа революционной элиты — был определен обстоятельствами, которыми другие революционные элиты не имели возможности воспользоваться в той же мере. В связи с этим необходимо быть особенно осторожными, пытаясь сформировать некие общие категории и модели на основе итогов большевистской революции. Широкие выводы о сходных с российскими революционными элитами и «революционном пути к современности», сделанные Баррингтоном Муром и другими, придерживающимися сходных взглядов, сторонниками эффективно-

сти революционного пути развития, не выдерживают критики по крайней мере по двум основаниям. Во-первых, помимо российского, сложно найти иные, не вызывающие сомнений, эмпирические примеры, которые могут служить основанием для таких выводов. Во-вторых, гибель советской элиты, а также очевидные изменения среди китайской и вьетнамской правящих элит заставляют предположить, что революционные элиты не являются неспособными к существованию и удержанию власти на протяжении жизни более чем двух или трех поколений. Как писал Парето, вырождение революционных элит также неизбежно.

- ¹ Pareto V. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. N. Y. : Dover, 1916/1935. P. 2227.
- ² Finer S. E. 1966. Introduction / Pareto Vilfredo. *Sociological Writings*. Tottawa NJ: Rowman & Littlefield, 1966. P. 1–91; Finer S. E. Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to the Galapagos // *American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. P. 440–450; Powers Ch. H. Vilfredo Pareto. L. : SAGE, 1987; Crippen T., Lopreato J. Pareto's 'The Transformation of Democracy' and Modern Political Theory // *Revue Europeenne des Sciences Sociales*. 1988. Vol. 27. P. 47–86; Femia J. Pareto and Political Theory. L. : Routledge, 2007.
- ³ Goodwin J. *No Way Out. States and Revolutionary Movements 1945–1991*. N. Y. : Cambridge University Press, 2001.
- ⁴ Lane D. The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? // *British Journal of Politics and International Relations*. 2008. Vol. 10. P. 525–549.
- ⁵ Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press. 1979. P. 4.
- ⁶ Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. New York: Random House, 1978. P. 191; Tilly Ch. *European Revolutions 1492–1992*. Oxford: Blackwell, 1993. P. 234.
- ⁷ Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 264.
- ⁸ Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966.
- ⁹ Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. L. : New Left Books, 1974.
- ¹⁰ Wallerstein I. *The Modern World System II*. N. Y. : Academic Press, 1980.
- ¹¹ Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. N. Y. : Random House, 1978; Tilly Ch. *European Revolutions 1492–1992*. Oxford: Blackwell, 1993.
- ¹² Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press. 1979.
- ¹³ Goldstone J. A. Introduction: The Comparative and Historical Study of Revolutions/ *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*/Ed. J. A. Goldstone. N. Y: Harcourt Brace Jovanovich, 1986. P. 1–17.
- ¹⁴ Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham MD; Rowman & Littlefield, 2006. P. 33–54.
- ¹⁵ Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited: The Contemporary Debate*. Chatham NJ: Chatham House Publishers, 1987. P. 224.
- ¹⁶ Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966; Paige J. M. *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. N. Y. : Free Press, 1975; Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press.

- 1979; Goldstone J. A. Introduction: The Comparative and Historical Study of Revolutions/ *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*/ Ed. by J. A. Goldstone. N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1986. P. 1–17.
- ¹⁷ Trimberger E.K. *Revolution From Above*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1978.
- ¹⁸ Field G.L., John H. *Elitism*. Boston: Routledge, Kegan Paul, 1980. P. 21–32.
- ¹⁹ *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*/Ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 1998; Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham MD; Rowman & Littlefield, 2006.
- ²⁰ Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966. P. 143.
- ²¹ Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. New York: Cambridge University Press. 1979. P. 54.
- ²² Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 258.
- ²³ Lachmann R. *From Manor to Market: Structural Change in England, 1536–1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987; Lachmann R. *Elite Conflict and State Formation in 16th and 17th–Century England and France* // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. P. 141–162.
- ²⁴ Aylmer G. E. *Rebellion or Revolution? England from Civil War to Restoration*. L. : Oxford University Press, 1986. P. 12–15.
- ²⁵ Schama S. *Citizens. A Chronicle of the French Revolution*. N. Y. : Knopf, 1989.
- ²⁶ Период его правления получил название «Порфириато» (Прим. пер.).
- ²⁷ Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 259.
- ²⁸ В русском языке установившуюся в Англии политическую систему принято называть Английской республикой (1649–1660 гг.) (Прим. пер.).
- ²⁹ Schama S. *Citizens. A Chronicle of the French Revolution*. N. Y. : Knopf, 1989. P. 787.
- ³⁰ Викториано Уэрта дослужился до звания генерала армии во время правления Порфирио Диаса (Прим. пер.).
- ³¹ Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 305.
- ³² Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. —Berkeley: University of California Press, 1987. P. 312–313.
- ³³ Aylmer G. E. *Rebellion or Revolution? England from Civil War to Restoration*. L. : Oxford University Press, 1986. P. 183–6.
- ³⁴ Bendix R. *Kings or People: Power and the Mandate to Rule*. Berkeley: University of California Press, 1979. P. 320.
- ³⁵ Barone M. *Our First Revolution. The Remarkable British Upheaval that Inspired America's Founding Fathers*. N. Y. : Crown Publishers, 2007.
- ³⁶ Knight A. *Mexico's Elite Settlement: Conjuncture and Consequences/ Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Ed. by J. Higley, R. Gunther. N. Y. : Cambridge University Press, 1992. P. 113–146.
- ³⁷ Higley J., Michael B. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham MD; Rowman & Littlefield, 2006. P. 33–54.
- ³⁸ Ibid. P. 107–134.
- ³⁹ Clark M. *Modern Italy, 1871–1982*. N. Y. : Longman, 1984. P. 200.
- ⁴⁰ Ibid. P. 209.
- ⁴¹ Ibid. P. 213.
- ⁴² Hamilton R.F. *Who Voted For Hitler?* Princeton: Princeton University Press, 1982; Evans R. J. *The Coming of the Third Reich*. N. Y. : Penguin, 2003.
- ⁴³ Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press. 1979.
- ⁴⁴ Янцзы — самая большая река в Китае и на всем материке Евразия (Прим. пер.).
- ⁴⁵ Fairbank J.K. *The Great Chinese Revolution, 1800–1985*. N. Y. : Harper & Row, 1986. P. 296–314.
- ⁴⁶ Draper Th. *Castroism: Theory and Practice*. N. Y. : Praeger, 1965. P. 132–3.
- ⁴⁷ De Mesquita B.B., George W.D. *Development and Democracy* // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. P. 77–86.

КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ, РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ, РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.Д. Воскресенский¹

1. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений: постановка проблемы

Из всего многообразия теоретических подходов к исследованиям международных отношений одним из наиболее продуктивных «макроподходов» при анализе региональных измерений, как выяснилось за последние пятнадцать — двадцать лет интенсивных исследований в этой области, является системный, так как он является комплексным, т.е. как бы «вбирает» в себя многое из того, что по отдельности реализуется в других подходах, но главное — позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (собственно «региональные подсистемы» и «региональные комплексы») в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования. Кроме того, этот подход позволяет решать наряду с теоретическими и вполне практические, прикладные задачи: вычленять и сравнивать ключевые макрорегионы мира и уже на региональном уровне анализировать, как модифицируются общие (глобальные) закономерности применительно к более крупным, чем страны, макрорегиональным и региональным географическим/историческим/историко-культурным/цивилизационным образованиям, региональным организациям разного типа, собственно странам, трансгранич-

ным регионам, а также применительно к внутристрановым регионам. Вычленение регионального уровня анализа как теоретическая и практическая проблема одновременно позволяет более адекватно и корректно подойти к проблематике страновой специфики, так как ставит ее в контекст региональных (т.е. модифицированных применительно к конкретной группе, связанных определенными общими основаниями объектов) закономерностей, а не интуитивных неформализованных историософских умозаключений страноведческого характера.

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных отношений: глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и в связи с этим конкретное региональное членение мира, являются дискуссионными в мировых общественных науках. Однако от результатов этой дискуссии в конечном счете зависит, какой мир мы увидим в самом близком будущем, так как проблематика регионального уровня непосредственно связана с практикой международных отношений и дипломатии.

Когда мир анализировался в категориях биполярного взаимодействия или в категориях взаимодействия двух центров и двух типов периферий, подчиненный характер проблематики региональных и

субрегиональных подсистем не вызывал сомнений, поскольку объяснялся логикой глобальной системной проблематики биполярного противостояния. После распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась и возникло много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа: если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, «соответствующие» тому или иному центру международной системы, а значит, нет и не будет общих/глобальных закономерностей, а есть только сочетание мегарегионального и субрегионального уровней взаимодействия? Или мы можем говорить о принципиально новом качестве влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений? Каковы могут быть критерии членения мирового пространства в этих новых условиях и нуждаемся ли мы в этом? Возникают в этой связи и более конкретные вопросы: как методологически корректно определить границы между регионом (и региональной подсистемой) и субрегионами (субрегиональными подсистемами)? Каковы взаимоотношения между макрорегионами (Азиатско-Тихоокеанским регионом и Восточной, Южной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азией, к примеру, или внутри панамериканской подсистемы отношений между латиноамериканским и североамериканским региональными комплексами) не в географическом смысле, а с точки зрения образования подсистемных региональных и субрегиональных взаимосвязей и противостояний? Каковы принципы и пределы «расширения» макрорегионов, ЕС или «Большой Восточной Азии», «Большого Ближнего Востока», «Большой Центральной Азии», к примеру? Совпадают ли границы макрорегионов и региональных подсистем? Как соотносятся концептуально

и географически «региональные подсистемы» и «цивилизационные миры»? Каково соотношение между глобализацией и регионализацией и не является ли процесс регионализации отражением того факта, что планетарная международная система распалась на макрорегиональные подсистемы со сложным взаимодействием между собой, каждая из которых является фактически независимой системой? Или же все-таки лишь подсистемой, т.е. «просто» существуют модификации общих закономерностей, связанные с политико-географической, историко-экономической и культурно-цивилизационной спецификой?

В этой связи последнее десятилетие актуальным становится вопрос: не способствует ли регионализация фрагментации (выпадение ряда стран и регионов из мирового процесса взаимосвязей — самый яркий пример — так называемые «неудавшиеся государства» (*failed states*) и депрессивные регионы) или фрагментация есть побочный продукт и теневая сторона глобализации и регионализации? Большинство из сформулированных выше вопросов вызывает сегодня оживленную дискуссию, поскольку тенденции макрорегионализации находятся в стадии становления, а обсуждаемые вопросы имеют как теоретическое, так и прикладное значение. Ясно, однако, что системный подход в сочетании с другими подходами в принципе дает исследователю богатый теоретический и методологический инструментарий для поиска адекватных ответов на эти вопросы.

Системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 1950-х гг. Очевидно также, что многие из положений теории международных отношений, которые относятся к системному подходу, разрабатывались и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая

система рассматривалась в виде определенной системной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики. Одновременно исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику: прежде всего по своему характеру они являются социальными отношениями, а значит, международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах сложно провести четкую границу, а соответственно, и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят условный характер. То есть подсистемы (к примеру, ЕС или Азиатско-Тихоокеанский регион) хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, хотя часто эти границы меняются, накладываются друг на друга, носят условный характер. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные, в реальности очень сложные комплексные связи между существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системно-пространственной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений и составляющих ее региональных подсистем связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельные индивиды), т.е. они

являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения. То есть даже при увеличении количества акторов отношения между ними и государством в основном продолжают носить политический характер, а по степени влияния на стратегические вопросы государство остается вне конкуренции по сравнению с другими акторами.

В общественных науках существуют разные конкретные подходы к международным отношениям как системе (в этом смысле мы и говорили о том, что системный подход как бы «вбирает» в себя основное содержание того, что по-разному может интерпретироваться в других подходах), из которых наиболее известными являются традиционно-исторический (международная система — это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период), историко-социологический (с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений), структурно-исторический (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях структуры), эмпирико-региональный или, в другой терминологии, социоестественный (определенные географические регионы, как системы (подсистемы) в рамках международных, экономических, политических и др. отношений), структурно-дипломатический (система — это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической деятельности) и реалистический (различные модели

баланса сил или баланса мощи, т.е. международной системы без политических подсистем, с двумя-пятью участниками, а также определенными правилами, по которым играют эти участники). Общим и/или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (глобальной) системы международных отношений, т.е. некоей самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще.

В 1990-е гг. некоторые теоретики международных отношений в полный голос заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений и выделить региональный уровень международных отношений как самостоятельный уровень анализа. Связано это было с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации и фрагментации, с другой. То есть теоретики международных отношений заговорили о том, что ряд международных взаимодействий, помимо взаимодействий глобального уровня, обладает определенной автономией, нуждающейся в объяснении и концептуализации. Они обратили внимание на то, что существуют частные закономерности, связанные со спецификой (прежде всего географической, территориально-экономической, цивилизационной, культурной, этнопсихологической, этноконфессиональной и т.д.) функционирования частей международной системы, т.е. подсистем международных отношений. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем, т.е. совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая и культурно-цивилизационная, т.е. пространственная (в широком смысле), принадлежность. При этом тенденции последних десятилетий позволяют утверждать, что:

— в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;

— глобальная повестка дня переформируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах;

— региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным; региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;

— иерархия глобальных проблем и угроз разная в различных региональных подсистемах;

— различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;

— относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международным отношениям, «достройке» общей теории с учетом регионального уровня или же (более радикальное предложение) построении «незападной» (корректнее — незападноцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);

— относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) «реабилитирует» категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей «на стыках» международных отношений/мировой политики и политологии (мировое/зарубежное срав-

нительное/комплексное регионоведение, сравнительный макрорегиональный политический анализ/кроссрегиональный политический анализ, региональная политология, политическая регионалистика, политическая география, геополитика), в которых категория пространства становится центральной или играет стержневую роль;

— в последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное, если не определяющее влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые, в конечном счете, определяют конфигурацию нового регионального порядка второй четверти XXI в. и характер системы глобального управления.

— сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с проблематикой регионального уровня (подъем новых мировых держав незападного мира, подъем Азии, дискуссия о роли Запада и месте Востока, «реинтерпретация» основ западной цивилизации, последствиях перераспределения влияния между регионами мира, незападном мировом порядке и незападной теории объяснения этого порядка, роли исламского, китайского факторов в мировой политике, роли стран БРИК и т.д.);

— неверный или неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального и регионального уровня отношений, их взаимовлияний, неумение адекватно концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике конкурентную региональную модель модернизации и развития увеличивает цену внешнеполитической ошибки, ускоряет отставание стран и регионов,

приводит к фрагментации части мирового пространства и образованию «неудавшихся», стагнирующих или автаркических государств и депрессивных регионов, причем выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития становится все более и более затруднительным.

2. Проблема «многослойности» пространства в современных международных отношениях и мировой политике

Современный мир в дискурсе международных исследований можно охарактеризовать как разноразмерную («многоэтажную») систему, состоящую из множества разновеликих акторов, взаимосвязей между ними и подсистем, организующих эти взаимосвязи, и одновременно как сложную систему, где взаимодействия элементов внутри структуры и вне ее, со средой системы, дифференцированы, функционально упорядочены, изменчивы и обладают пространственно-временным измерением.

Пространственное измерение в дискурсе международных исследований можно рассматривать как в теоретическом, так и в прикладном ракурсе. В теоретическом ракурсе пространственное измерение современного мира как системы не входит в предметное поле классических теоретических исследований в области международных отношений и мировой политики, а если и входит, то не является для них структурообразующим. То есть пространственное измерение как автономная категория обычно не является объектом изучения в международно-политических исследованиях классического типа в рамках ведущей англосаксонской традиции теории международных отношений. Связано это с тем, что пространственное измерение предстает в научном дискурсе международных исследований как свойство пространственности (территориальности), имманентное всем явлениям. Поэтому

получается парадокс: не являясь предметом изучения или не являясь структурообразующим понятием, пространственное измерение одновременно присуще любому международному исследованию в прикладном ракурсе в рамках предметного поля практически любой гуманитарной и социальной дисциплины.

Соответственно в англосаксонской традиции исследования мировой политики и международных отношений существует достаточно распространенная радикальная точка зрения об «исчезновении пространства» в «плоском» глобальном мире и об «освобождении» человечества от пространственной дифференциации (теория Т. Фридмана о «плоском мире»). Более «умеренные» исследователи-международники критически относятся к такому радикальному тезису, но также подчеркивают, что дифференциация пространства, включающая в себя такие категории, как «географическое положение», «географическая близость/удаленность», утрачивает свое значение по мере усиления процесса глобализации. Такая точка зрения не лишена серьезных оснований, если подразумевать под «пространством» все еще достаточно ограниченную урбанизированную часть современного мира, называемую постиндустриальной, или развитой, или же рассматривать эту часть и урбанизированные точки неурбанизированного пространства и ограничивать исследования, либо материал для построения теорий и концепций, только этой частью мира, считая, что она является основной, а «периферия» либо всегда останется периферией в силу централизованного характера мировой системы, либо будет постепенно преобразована и войдет составной частью в состав урбанизированного центра.

Однако наряду с «плоской» современной частью мира по-прежнему существует и традиционная часть — «сферическая», хотя благодаря глобализации «сферическая» часть мира достаточ-

но быстро, но неравномерно «уплощается». Жизнь наполнена контрастами между «плоской» и «сферической» частями мира (городские макроагломерации Нью-Йорка, Лондона, Токио, Нью-Дели, Мумбаи, Шанхая, Чунцина и их пригороды или/и места проживания племенных социальных организаций в Афганистане, Африке или Австралии и т.д.) и переход из одной части в другую сопряжен со сложностями. Перенесясь на скоростном транспорте (самолет, «синкансен»/TGV/«сапсан») со скоростью 300–900 км/ч в другую урбанизированную точку страны или мира, вы двигаетесь дальше с максимальной скоростью 5–90 км/ч, и это передвижение может быть ограничено или затруднено «географически». Мобильный телефон и Интернет сокращают расстояние и «уплощают» мир, но пока не могут перенести индивида физически в любую точку мира, а применение этих технологий также может ограничиваться. То есть в реальной жизни эти два типа пространства сосуществуют и даже как бы накладываются друг на друга, создавая единое и одновременно структурно дифференцированное «многослойное» пространственное поле международных отношений и мировой политики, хотя их соотношение и меняется не в пользу «сферического». В то же время, казалось бы, локальные проблемы, характерные для «сферической» части мирового пространства, могут выходить на глобальный уровень, хотя иногда и весьма причудливым образом (Таджикистан, Руанда и Дарфур, Синьцзян, Тибет, Чечня, пиратство у берегов Сомали, проблемы Афганистана и Ирака, экологические проблемы Китая для его соседей, несменяемость политических режимов в Тунисе и Египте и т.д.), создавая ложное представление о возможности окончательного «реванша» сферического мира. В частности, понятия обществ-конгломератов, «спаянных» из «традиционных» (сферический мир) и «современных» (плоский мир),

и «анклавного развития» (концепции Н.А. Симонии, А.Д. Богатурова) основаны на идее сосуществования разных типов пространственно-временной организации.

Признавая существенные контрасты двух типов пространств, оптимисты (Т. Фридман и др.) делают предположение, что именно «плоский» мир является неизбежной перспективой развития мира «сферического». Такая постановка вопроса означает «трансформацию» и отрицание пространственности как фактора международных отношений и ограничивает его анализ в рамках встроенных в систему глобальной мировой политики политико-экономических концепций регионализации и регионализма как прежде всего и по большей части экономических процессов мирового хозяйства (интеграция/региональная интеграция/регионализм/регионализация). Ряд теоретиков-скептиков (к примеру, И. Валлерстайн, А. Франк, С. Сандерсон и др.), однако же, сомневаются в необратимости «сжатия» мира в одну-единственную «плоскость-пространство» и продолжают анализировать пространственные факторы в мировой политике как структурообразующие (теории центра/периферии, мир-систем, разнотипных цивилизаций). Именно структурное неравенство и функциональная дифференциация элементов мировой системы и взаимосвязей между ними, как считают представители второй точки зрения, являются залогом ее развития. Одновременно часть вполне «респектабельных» исследователей говорят о возможности концептуализации такой точки зрения вплоть до создания «незападной (точнее: незападноцентричной) теории международных отношений» (А. Ачирая, Б. Бузан и др.)².

Интересно, что проблематика синтеза этих подходов почти не разработана. Теории регионального уровня как бы восполняют «пробелы» в концепциях, основанных на превалировании «плоского мира», а в некоторых, самых

продвинутых из них, делается попытка представить «незападное» (незападноцентрическое) видение (т.е. видение не из центра мировой системы, видение как бы «с другого регионального полюса», с точки зрения логики другого регионального комплекса или «синтетическое», комплексное видение) всего мирового процесса. Соответственно, представители этих взглядов считают, что в исследованиях можно абстрагироваться от сохраняющегося деления мир, на «плоский» и «сферический», акцентировать внимание только на одном или только на другом объекте, но можно и рассматривать проблему, в частности, с точки зрения путей трансформации одного и другого объекта в новое качество каждого из них, как проблему «срачивания» в специфические конгломераты, либо «синтеза» в новое комплексное теоретическое видение. Такая постановка проблемы дает дополнительный импульс дискуссии о возможности построения «незападной теории международных отношений», основанной, в частности, на идее разного типа влияния различных сегментов регионального уровня на глобальный и анализа этого процесса с прикладной точки зрения.

Дифференциация пространства, внешней составляющей которой является контраст разных частей мира, не была бы актуальной в научных дискуссиях, если бы не находила отражение в краткосрочных и долгосрочных политических процессах, которые необходимо анализировать практикам международных отношений — дипломатам и политическим аналитикам. А таких практических задач становится все больше, к примеру: как оценивать подъем Китая и характер этого подъема, как анализировать подъем Азии, роль «новых поднимающихся государств» и последствия этого процесса для международных отношений, роль и перспективы стран БРИК, роль новых формальных и неформальных региональных образований и организаций,

которых насчитывается уже не один десяток, к примеру: ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и его подварианты (УНАСУР), Организация Исламская Конференция (ОИК), Лига арабских государств (ЛАГ), Арабский социально-экономический совет (АСЭС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Объединенный совет стран Персидского залива, Союз арабских стран Магриба, Арабский совет экономического сотрудничества, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН (АРФ), БИМСТЕК (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мьянма, Таиланд), «Форум диалога Индия — Бразилия — ЮАР», ЕврАзЭС, Восточно-Азиатский саммит, Экономическое сотрудничество стран Тихоокеанского региона (АПЕС), Тихоокеанский экономический совет сотрудничества (РЕСС), Экономический совет тихоокеанских стран (РВЕС), Тихоокеанская торговля и сотрудничество (PAFTAD) Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона (PAFTAD), СНГ и др. Как спрогнозировать роль и значение политической составляющей экономических региональных процессов, роль и значение экономических импульсов для формирования политической составляющей региональных процессов и др. Как оценить конкурентоспособность различных моделей модернизации, политических систем и моделей политического развития, перспективы использования зарубежного политико-экономического опыта, последствия отставания и цену «прорыва» и т.д.

Ясно, что категория пространства не перестает влиять на международно- и внутриполитические явления и трансформирует общие глобальные тенденции в специфические (региональные и локальные), т.е. в практически востребованную проблематику, которой необходимо

заниматься специалистам-практикам по безопасности, дипломатии, экономике и политике. Дифференциация пространства является реальным феноменом, а значит, анализ пространственного измерения может иметь и имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических, исследований, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни.

Таким образом, глобализация, независимо от того, какое ей дается определение, идентифицируется через свойство пространственности, в частности, и через процесс регионализации в случае международных отношений. Эти понятия можно далее конкретизировать — определять применительно к каким-либо сферам (функциональным подсистемам): к политике, экономике, культуре, экологии. Глобализацию можно пробовать рассматривать комплексно, как явление существенно возросшей взаимозависимости между функциональными подсистемами. Но и тогда встает вопрос: взаимозависимости между чем? и насколько существенной взаимозависимости?

Как только заходит речь о «конкретной глобализации» — мнения начинают резко расходиться. Возникают вопросы не только о том, что в разных сферах (функциональных подсистемах) глобализация реализуется в разных формах, с разной интенсивностью и с различными последствиями, но и об историческом времени (происхождении и развитии) глобализации, ее идеологическом характере и т.п. В итоге представление о глобализации размывается настолько, что в научном дискурсе остается лишь консенсус относительно всеобщности/всеохватности/всемирности этого явления, а реально изучаются глобализирующиеся регионы (макрорегионы) и макрорегиональная проблематика.

В соответствии с этим взглядом, удачно сформулированном в литературе по международным отношениям Б. Бузаном и О. Вевером, глобализация

воспринимается как вызов или угроза, потому что она интерпретируется как синоним униполярности (unipolarity) и материализуется по-разному на локальном и региональном уровне. То есть «отторжение» глобализации происходит из-за недостаточно глубокого понимания этого процесса, неумения найти ее адекватную макрорегиональную форму, а также из-за того, что одна из региональных форм глобализации (ее американизированная и западноцентричная версия) выдается за ее единственную модель для подражания без учета региональной специфики. Б. Бузан и О. Вевер также считают, что большинство считающихся глобальными проблем (глобальное потепление, транснациональная преступность, международный терроризм) имеют региональную (географическую) природу, неразрывно связаны с территориальной (пространственной) динамикой, т.е. имеют «территориальную» базу.

С региональным уровнем концептуализации, т.е. с исследованием регионализации, ситуация на порядок сложнее из-за того, что регионализацию не обязательно можно понимать как противоположность глобализации, но регионализация может выступать и в форме противоположности глобализации, и усиливать фрагментацию мира. С другой стороны, регионализация оказывается несколько более определенным понятием, чем глобализация, поскольку ее «основным различием» является понятие региона, одного из таксонов иерархичной дифференциации пространства, в то же время само понятие региона — многозначно. Одновременно одно из определений региона подразумевает понимание его как географических и функциональных группировок государств и обществ, которые можно классифицировать по общим для них характеристикам и по общему для всех членов группировки способу взаимодействия с внешним для них миром.

Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий — измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и взаимодействие, — порождающую межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.

Регионализацией можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически, в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими национальными государствами независимо от их географического положения.

(Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. М. : Праксис, 2004. С. 19).

Таким образом, можно определить глобализацию как возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени либерализации движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, тех-

нологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, возникновении межнациональных социальных движений, интернационализации образования, что сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуни-

кационных потоков и выражается в параллельно идущих процессах регионализации и фрагментации мира. При таком понимании глобализации регионализация предстанет как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически.

Определение понятия регионализации требует определить понятие **регионализма как взаимозависимости стран и выхода интересов национальных субъектов за их границы, но в национальных рамках**, либо («экономизированное» определение) как **формирование экономических сообществ близкорасположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа.**

Классификации и типологии представляют собой «горизонтальные» и «вертикальные» способы дифференциации пространства/территории соответственно по количественным и качественным критериям. Классификации (как условно «горизонтальный» способ классификации территории) и типологии (как условно «вертикальный» способ) в международных исследованиях преимущественно связаны с дифференциацией государств — основных субъектов международно-политического процесса — по пространственно-географическому/цивилизационно-географическому признаку или какому-либо критерию (к примеру, политическому, политико-экономическому, экономическому и др.): скажем, демократические государства с развитой рыночной экономической системой, новые индустриальные государства, сверхкрупные индустриальные государства с развивающимися или переходными экономиками, «неудавшиеся» государства (*failed states*), государства-изгои (*rogue states*) или же «вертикальные» группировки принадлежности к «первому», «второму», «третьему» миру/эшелону развития с различным содержанием каждой из этих категорий. Границы между категориями в таких классификациях и ти-

пологиях достаточно размыты и иногда, несмотря на наличие количественных характеристик, субъективны, хотя типологии, например, могут иметь в своей основе применение математических методов для анализа качественных критериев³. Как правило, в типологиях и классификациях наибольшее внимание уделяется географической/исторической близости или степени выраженности выбранного критерия в пределах существующих государственных границ. Среди очевидных примеров классификаций можно выделить дифференциацию государств (а также существующих внутри них политико-административных единиц) и международных регионов (по уровню экономического развития, к примеру, по ВВП на душу населения; в соответствии с уровнем политического развития, анализ которого основан на количественных и/или качественных характеристиках). Помимо типологий и классификаций государств можно выделить и типологии, связанные не только с основным критерием, но и с таксонированиями, прежде всего, основанные на использовании таксона «регион»⁴. Большое значение в международных отношениях приобрели и простейшие типологии, основанные на бинарных оппозициях — Запад/Восток⁵; Север/Юг; а также на триадах (Центр/Полупериферия/Периферия)⁶.

Проблема дифференциации пространственного измерения начинается с проблемы различения среды (окружающего мира) от социальной системы, т.е. физико-географического пространства от социальной системы в целом. При этом в каждом случае различения системы и окружающей среды накладываются друг на друга (перекрывают друг друга). Именно потому с каждым различением происходит редукция комплексности, что требует рассмотрения пространственности не только в абстрактном (теоретическом) ракурсе, но и в конкретном — прикладном: нужно решать конкретный практический вопрос: как «чле-

нить» мировое пространство, ответ на который различается от точки пространства, в которой он ставится.

Если понимать систему международных отношений «по Луману»⁷ как одну из функциональных подсистем общей социальной системы, то исследование пространственного измерения может использоваться лишь в ракурсе понимания глобализации и регионализации как коммуникативных, соположенных, но в первую очередь функциональных, а не территориальных дифференциаций. Таким образом, исследование и описание пространственного измерения невозможно без временного измерения, а понятия глобализации и регионализации могут анализироваться как новые системные дифференциации, и соположенные, и противопоставляемые по отношению друг к другу и по отношению к дифференцируемому ими пространству.

Такое понимание роли пространства дает методологическую возможность ввести эту категорию как системообразующую и выделить региональный уровень международных отношений как относительно независимый для теоретико-практического анализа (региональные аспекты мировой политики) и как системообразующий (мировое комплексное регионоведение/зарубежное регионоведение, сравнительный макро-региональный анализ/кроссрегиональный политический анализ, политическая регионалистика, региональная политология, политическая география) и говорить о регионализации как относительно самостоятельном явлении, соположенном и одновременно противопоставленном глобализации.

3. Макрорегионализация и практика мирополитического взаимодействия

Регионализация в ее современном виде является относительно новым феноменом. Не случайно до сих пор четко не разработаны критерии и параметры понятия «регион» и существует бесчис-

ленное множество вариантов прикладной классификации регионального членения мира. Это касается как масштабов регионов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому/политическому/цивилизационному региону.

Понятие «регион» достаточно многозначно. *Во-первых*, данный термин может относиться как к внутристрановому делению пространства (административно-юридическое понимание региона, частично синонимичное понятию «район»)⁸, так и к делению мирового пространства (внешнеполитическое, или международно-политическое понимание региона)⁹. *Во-вторых*, регион может определяться по группе признаков¹⁰ либо по базовой функции, которая является основной для того или иного исследования (географические, экономические, геополитические, социокультурные регионы)¹¹. Следовательно, региональное деление как «средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений»¹², как правило, будет зависеть от поставленных исследовательских задач и будет носить характер социального конструкта¹³.

Как аналитический конструкт региональное деление мира обладает также особенностями образной репрезентации: регион может представлять собой политико-географический образ определенной территории и тем самым демонстрировать характерные черты и закономерности ее развития¹⁴. В отечественной науке анализ специфики регионального уровня с точки зрения системного подхода выразился в идее **международно-политического региона**, который рассматривался как «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений»¹⁵. Это определение основано, в свою очередь,

на определении **политического регионализма** как взаимоотношений географической группы смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт, высоким уровнем взаимодействия и институализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры (определение Д. Хэлда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Д. Перратона).

Попытки аналитически выделить отдельные региональные пространства/регионы/региональные подсистемы имели несколько оснований. *Во-первых*, представлялось очевидным, что анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не взаимодействием супердержав, либо имеют к этому взаимодействию лишь опосредованное отношение. В связи с этим была предложена модель (О. Янг) анализа международной политики, в рамках которой задачей исследователя было определить, какой из факторов, соответствия (*congruence*) или разрыва (*discontinuity*) глобального и регионального, доминировал в том или ином вопросе. *Во-вторых*, анализ взаимосвязей в рамках того или иного региона позволял расширить рамки классического страноведения (*area studies*) и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального, уже в рамках международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения/зарубежного регионоведения (*global/world comprehensive regional studies*), сравнительного макрорегионального политического анализа/кросс-регионального политического анализа. *В-третьих*, анализ соотношения глобального, регионального и национально-локального уровня давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы в рамках международной системы.

Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран. Под термином «**регионализация**» в литературе и жизни в действительности понимаются три различных по содержанию явления:

— **возрождение/подъем региональных держав** (неформализованное понимание регионализации в мировой политике);

— **формирование региональных интеграционных группировок, в том числе и преференциального типа** (классическое политико-экономическое определение регионализации);

— **политическую основу, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма и/или регионализации** в первом и втором значении этого понятия (формирующееся направление в международной политике, экономической политологии, комплексном регионоведении).

Таким образом, понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут — в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм («макрорегионализм» или «мини-глобализация») выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой уровень, но в региональных рамках.

В биполярный период региональные державы появлялись, в первую очередь, в тех районах, где существовала конфликтная взаимозависимость и крайне медленно происходила интеграция (Восточная Азия). Противоположная картина наблюдалась в регионах, где племенная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы (Европа), в основе которых лежали:

1) рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов;

2) наличие общего внешнеполитического противника;

3) отсутствие явного доминирующего центра, либо доминирующее «ядро», состоящее из двух-трех государств.

После краха социалистической системы противостояние двух региональных процессов стало не столь очевидным.

Таким образом, глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга и в то же время в определенной степени противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам отдельных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. При этом существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель на данном историческом отрезке, т.е. при определенных условиях она может стать и препятствием на пути дальнейшего развития глобализации.

Промежуточным, а поэтому весьма вероятным вариантом глобализации является стяжение «старых» регионов в макрорегиональные комплексы (макрорегионализация), начальным этапом которого является региональная интеграция, прежде всего — экономическая, а потом и политическая (в разных формах, различного характера и в различной степени). Подобный процесс дает возможность различным странам:

— участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;

— резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;

— улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;

— укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы рынков становятся намного крупнее, и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции.

По существу, с учетом теории регионального уровня можно считать, что макрорегиональный комплекс (а не отдельное государство по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений — реализма) представляет собой прообраз одного из центров формирующейся полицентричной мировой системы. По данному пути уже пошла Европа, создав Европейский Союз, и частично США, создав группировку НАФТА. Такой же путь пытается нащупать Китай, формируя так называемый «Большой Китай» на основе массовой эмиграции и нового качества экономико-политической зависимости «периферийного пространства» от «новой метрополии» (современная китайская концепция *Тянься/Поднебесной*) и пытаясь стать единственным государством-лидером в Восточной Азии. По всей видимости, в связи с мировой дискуссией о подъеме Восточной Азии будет правомерно говорить о формировании макрорегиона или макрорегионального комплекса «Большая Восточная Азия» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия), прежде всего, с экономи-

ческой и культурно-цивилизационной точки зрения. В этом же ключе происходят дискуссии о «возрождении» СНГ, структурировании Центрально-Восточной Евразии и т.д.

Позитивными факторами, способствующими образованию макрорегионов, являются:

1) полная или частичная экономическая взаимодополняемость в макрорегионе, когда комплементарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную, т.е. если в регионе существует экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость и происходит существенное сближение экономических интересов;

2) начало и развитие интеграционных экономических процессов, когда доля торгового оборота стран друг с другом приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата «АСЕАН плюс» до Восточноазиатского сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт — вплоть до образования зоны свободной торговли (НАФТА и ЕС давно сформировали единые рынки);

3) движение в сторону валютно-финансовой интеграции (у НАФТА в качестве таковой выступает мировая валюта доллар), ЕС ввел единую региональную валюту — евро, обсуждался и вопрос о единой азиатской валюте на базе йены или юаня, но он не перешел в практическую плоскость как недостаточно созревший);

4) новые формы кооперации;

5) выступление крупных или крупнейших государств макрорегиона за расширение экономического сотрудничества в рамках макрорегиона (МЕРКОСУР, БРИК, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН+ и т.д.);

6) определенная культурно-цивилизационная близость стран региона и их отличие от других макрорегионов. Циви-

лизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие в разных регионах, обширно — от индивидуализма, основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов;

7) в макрорегионе появилось теоретическое обоснование специфики развития государств макрорегиона как целого (у ЕС есть единая экономическая политика, общее понимание основ внутренней политики, и формируется единая внешняя и оборонная политика);

8) началось формирование региональной идентичности (европейцы ее давно сформировали, в других макрорегионах она находится на разных стадиях формирования).

4. Связь между теоретическими и практическими аспектами региональных трансформаций

Прямая связь между глобальными проблемами международных отношений и новыми тенденциями, обусловленными трансформационными региональными процессами (изменение военной политической силы, экономической мощи, конфессиональные конфликты и проецирование политического, цивилизационного и конфессионального влияния), которые в значительной степени влияют, а в отдельных случаях могут и переформатировать глобальный уровень отношений, очевидна. Поэтому в современном мире регион может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики, или же национальной (националистической) политики и дезинтеграционной политики и антиглобалистских решений, т.е. регион может возникать как особая пространственно-временная конструкция в определенной ипостаси мирового порядка, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические, геоэкономические и

этноконфессиональные) содержатся в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной исключительности. Содержание и направленность эволюции этих понятий сегодня оживленно (а иногда и ожесточенно) дискутируется в мировой науке о международных отношениях.

Регион как фрагмент глобального социума обладает способностью интегрировать, разграничивать, распределять, организовывать и трансформировать, т.е. наполнять абстракцию глобальной взаимозависимости реальным содержанием. Таким образом, взаимодействие макрорегионов Восточной Азии, Америк и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс ясно указывает на утрату отдельными субъектами международных отношений монопольной функции в формировании мирового порядка. Это и предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности.

Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что это пространство меняется в мире в целом (меняется его конфигурация — степень «искривленности» — в связи с расширением «плоского» мира и уплотнением «сферического»), и в границах макрорегионов, в частности (гомогенизация регионального пространства внутри макрорегионов). Изменение регионального геополитического и геоэкономического пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессов новых региональных трансформаций. Одновременно направленность и содержание региональных трансформаций может как способствовать угасанию старого ми-

рового лидера («закат Европы», «закат Запада») и появлению нового (за последние сто лет предлагались разные «претенденты»: СССР, Германия, Япония, Китай), так и обратному процессу «переформатирования» прежнего глобального лидерства и наполнению его новым содержанием («структурное лидерство», дискуссия о «старом вине в новой бочке», реинтерпретации «западных ценностей»). Новое макрорегиональное пространство сегодня детерминировано скорее геополитическими, цивилизационными, культурными, этноконфессиональными и этнополитическими параметрами, которые не всегда имеют непосредственное сопряжение с физико-географическими границами государств, а не экономическими, географическими или физическими границами, как это было в XIX или XX в. То есть географические и физические границы становятся относительными, экономическое пространство стремительно гомогенизируется, политическое — как бы «уплощается» (уменьшается количество конкурентоспособных политических систем), а геополитической, цивилизационной, культурной, этноконфессиональной и этнополитической гомогенизации не происходит, либо дифференциация макрорегионов даже увеличивается. К тому же дифференциация определяется другими закономерностями, которые нуждаются в дальнейшей концептуализации и исследовании.

Таким образом, понятие физических и политических границ в настоящих условиях приобретает оттенок относительности, хотя эти границы и продолжают существовать, а между некоторыми геополитическими ареалами (к примеру, между западным и незападным миром) они даже ужесточились в связи с этнополитическими, этноконфессиональными, цивилизационными различиями или конфликтами. Отсюда следует задача дальнейшего «стирания» физических и политических границ как в пределах

макрорегионов, так и между макрорегионами, что уменьшает «кривизну» мирового пространства и увеличивает сегменты «плоского» мира, а значит, повышает степень глобализации в целом (к примеру, проблема отмены виз между Россией и ЕС), или возведение новых границ (визовые режимы, плата за визу, специальные паспорта, правила, ужесточение иммиграционного законодательства, бюрократические препоны и др.), гарантирующих «нужную» степень «кривизны» мирового пространства в соответствии с внутренними запросами как «плоской», так и «сферической» части мира.

Одновременно появились и новые («не прямые», «мягкие» и т.д.) формы контроля над территориями и воздействия на пространственные ареалы «через» или минуя государственные границы. При этом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, а экономическая мощь и экономические взаимосвязи (экономическая интеграция) стали играть самодавлеющую роль, а не только как основа военной мощи. Таким образом, глобализация, во всяком случае, в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XIX в., все же пока не смогла полностью сnivelировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов внутри и между макрорегионами, хотя общая степень гомогенизации мирового пространства в целом все же значительно увеличилась.

Важно понимать, что сегодня изменились критерии, по которым оценивается мощь государства, изменилась структура политической силы, но понятия границ и суверенитета не исчезли, как это предсказывалось некоторыми аналитиками (к примеру, ранним Ф. Фукуямой, констатировавшим «конец истории»), а трансформировались в новое, еще мало исследованное качество. Регионализация с этой точки зрения в ряде случаев выступила как форма защиты

трансформированного национального суверенитета. Таким образом, мировой процесс остается субъектным, мировое пространство — дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока оно не полностью гомогенно, хотя общая степень его глобальности, особенно экономической, и повышается. В этой связи регионализация может означать и, соответственно, интерпретироваться, как мы уже отмечали выше, как процесс дифференциации мира, а может как процесс гомогенизации регионального уровня, за которым последует новый этап глобализации.

Если анализировать связь новых соотношений с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то необходимо отметить увеличивающуюся географическую размытость последних. Следовательно, многоформатность и взаимосвязанность проблематики международных и региональных отношений в новых геополитических и геоэкономических условиях требуют анализировать тенденции развития регионов вместе с «сопряженными» территориями и во взаимосвязи с новой, более сложной и рафинированной системой геоэкономических, этноконфессиональных, ценностно-цивилизационных и других факторов, одновременно в сопряжении с глобальным уровнем отношений. Отсюда появление новых геоэкономических и геополитических концепций, типа «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большая Восточная Азия», «Большой Китай» и дискуссий о пределах расширения ЕС, «сферах ответственности» ЕС, НАТО и др.

Таким образом, процессы, которые сегодня происходят в одном государстве, косвенно связаны с проблематикой макрорегионального развития, а потом уже с глобальной проблематикой, а регионально-географические, геочивилизационные и этноконфессиональные факторы в этой «сопряженности» про-

должают играть очень важную, а в некоторых случаях и главенствующую роль, несмотря на процессы экономической и политической глобализации.

5. Проблема практического макрорегионального/регионального членения мирового пространства

Пространственное (спатильное или плоскостное) членение мира в международных отношениях, теоретически обоснованное в предыдущих разделах, исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональной совокупности явлений, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.

Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного/зарубежного комплексного регионоведения (*global/world/comprehensive regional studies*) и одновременно вспомогательного в международных отношениях позволяет расположить материал в определенной пространственной (спатильной/плоскостной) системе координат.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках. Так, мы выделяем мировые континенты: Америку (Северную и Южную), Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду, — подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты (Европа, Азия) и более мелкие таксономические единицы (географические регионы и субрегионы): Северную, Центральную и Южную Америку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Африку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Европу, Северную, Центральную, Восточную, Юго-Восточную, Южную, Юго-Западную и Западную Азию.

Определение: Под *регионом* в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию.

Определение: *Международно-политический регион* — привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индо-иранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Белоруссия или, в другой интерпретации, страны СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную (или Дальний Восток), Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема «пограничных» государств, не принадлежащих в полной мере ни одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам. Так, некоторые исследователи полагают, что Афганистан принадлежит не Средневосточному, а Южноазиатскому региону, поскольку эта страна входит в число государств Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран, образующих Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппи-

ны, — относят к Юговосточноазиатскому региону, при этом исключая из него «пограничные» государства Папуа — Новую Гвинею и Тимор-Леште. Другие считают, что логика политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

В рамках системного подхода к международным отношениям была предусмотрена возможность рассмотрения частей системы как подсистем, в том числе региональных подсистем, обладающих собственными закономерностями международного взаимодействия. Исследовательские взгляды на функционирование **региональных подсистем** представлены следующими подходами:

1) параметры международной политической динамики едины для всего мира, региональные подсистемы формируют международное взаимодействие более низкого уровня, однако идентичное по своим характеристикам глобальной системе;

2) регионы уникальны, изучение параметров функционирования одной региональной подсистемы может иметь ограниченное значение для понимания функционирования других региональных подсистем;

3) регионы рассматриваются как отдельный уровень анализа, понимание структуры и особенностей функционирования одной региональной подсистемы может помочь в понимании других регионов, даже если процессы, происходящие в их рамках, принимают различные формы¹⁶.

Соответственно этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о *панамериканской (межа-*

американской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы (причем

специфика этих субрегиональных подсистем стирается на наших глазах), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юговосточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д.

Определение: Региональная подсистема МО — это совокупность специфических политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социокультурных взаимодействий в пространственном кластере системы МО. То есть региональная подсистема МО — это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности, и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты. Эти перекрещивающиеся принципы цивилизационно-пространственного членения, позволяющие выделять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой определения наиболее важных международно-политических макрорегионов. В рамках границ этих макрорегионов имеет смысл проводить

параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера. Одновременно они являются основой традиционного практического историко-дипломатического и структурного политико-экономического анализа и используются МИДами разных стран в своей организационной деятельности.

Кроме цивилизационно-пространственной (спатальной/плоскостной), существует, как мы отмечали выше, и возможность содержательной (аналитической) группировки стран (классификация versus типология). Она так же, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами спатально-плоскостная. Однако аналитическая модель при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специ-

фику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей аналитической красоте такие типологии иногда плохо применимы при практической подготовке регионального/странового специалиста, так как позволяют хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» не могут быть применены в реальной жизни, а значит, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. Другой пример противопоставления двух принципов иллюстрируется дискуссией об универсальности/уникальности принципов демократии (дискуссия о экстралиберальной, либеральной, нелиберальной, незападной демократии). Спациальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику международно-политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры, сходные формы реакции на явления международной жизни. Такой методологический подход более практикоориентирован и, в некотором смысле, конечно же, более утилитарен, но в реальной политической жизни и при проведении прикладного международно-политического анализа нередко дает достаточно весомые и реалистические с точки зрения применения в жизни результаты. В то же время и в аналитических моделях есть свои сильные стороны, они позволяют вычленять общие черты, увидеть закономерности, нередко скрывающиеся пространственными или «страновыми» характеристиками, поэтому

продуктивной представляется разработка комплексных спациально-аналитических принципов дифференциации, позволяющих сочетать элементы пространственного анализа (классификации) с аналитическими принципами построения типологий.

6. Эволюция концепции регионализации и динамика трансформации региональных комплексов

Как мы уже отмечали выше, понятие «глобального», призванное обозначить некие общие политические, экономические и социально-культурные процессы, отнюдь не обязательно является отражением мира как целого. То есть глобальность не обязательно является синонимом мироцелостности (М. Чешков). Как раз наоборот, в таком случае из рассмотрения оказываются исключенными целые части и регионы земного шара, а «глобальное» представляет собой скорее не отражение целого, а оппозицию «региональному», «национальному» или «локальному». Учитывая отмеченные особенности глобального уровня современной системы, следует понимать, что он представляет собой достаточно высокую степень обобщения и не дает понимания специфических региональных особенностей проявления явлений.

Отметим, что в международных исследованиях попытки создания теоретической концепции промежуточного (регионального) уровня между уровнем международной системы (глобальный уровень) и национального государства (национально-локальный уровень) предпринимались еще с 1960-х гг. В качестве примеров можно привести концепцию «политических разрывов» (*political discontinuities*) О. Янга, концепцию международных регионов Б. Рассета, идею о существовании региональной «подчиненной системы» (*subordinate system*) С. Кантори и Л. Шпигеля, концепцию выделения региональных подсистем (*subsystems*) М. Бричера и концептуальные построения ряда других исследователей.

На протяжении достаточно долгого времени взаимосвязь между процессами регионализации и проблемами безопасности фиксировалась преимущественно в отношении традиционных, военно-стратегических угроз или в рамках анализа региональных проекций биполярности, т.е. исключала экономическую проблематику и изучалась в рамках не международных отношений, а мировой экономики. Необходимость компенсировать ограниченность глобальных и частных подходов к новым региональным процессам стимулировала развитие исследовательской мысли в направлении создания концепции регионального уровня с учетом новых комплексных параметров.

Еще в конце 1980-х гг. британский исследователь Б. Бузан отметил тенденцию к проявлению в рамках региональных пространствах проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию «региональных комплексов безопасности» (*regional security complexes, RSCs*), т.е. групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом в настолько значительной степени, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга», а Э. Лейк и П. Морган попытались применить идею о региональных комплексах безопасности к анализу постбиполярных международных отношений, однако сконцентрировали внимание на вопросах регионального порядка, под которым понимали модель управления конфликтом в рамках регионального комплекса безопасности.

В свою очередь, Б. Бузан и О. Вевер предложили свой вариант применения концепта регионального комплекса безопасности как практической проблемы макрорегионализации в рамках всей международной системы, при этом понимая, что в новых условиях уже нельзя ограничиться рассмотрением исключительно военно-стратегических вопросов, предполагая, что такого рода анализ может послужить дальнейшей основой для дальнейших теоретических концептуализаций регионального уровня международных отношений. В то же время Б. Бузан и О. Вевер не стали формулировать расширительное понятие регионального комплекса, понимая дуалистичность процесса регионализации как соположенного и одновременно противопоставленного глобализации. В связи с этим региональный комплекс (в интерпретации Бузана и Вевера — региональные комплексы безопасности) формулировался как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе или, наоборот, понижает значимость угрозы (секьюритизация и десекьюритизация), или оба эти процесса настолько связаны между собой, что проблемы безопасности данных единиц не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга. Региональный комплекс при таком понимании фактически представляет собой встроенную в политико-экономическую структуру макрорегиона комплексно структурированную проблематику безопасности и развития¹⁷.

Определение: *Секьюритизация* — дискурсивный процесс, в рамках которого политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о значимой угрозе и выражает призыв к принятию срочных и исключительных мер по противодействию данной угрозе.

Десекьюритизация — дискурсивный процесс, в рамках которого политическое сообщество понижает значимость угрозы или прекращает рассматривать что-либо в качестве существенной угрозы.

Результатом исследования регионального измерения проблем безопасности стала общая концепция **региональных комплексов безопасности**, нацеленная на то, чтобы объединить достоинства неореалистического, глобального и постмодернистского направлений в международных отношениях и вместе с тем предложить достаточно операциональную теорию регионального уровня.

Б. Бузан и О. Вевер вслед за рядом исследователей отмечали, что после окончания холодной войны процессы регионального уровня проявляются гораздо более отчетливо, что дает достаточные основания для их самостоятельного теоретического анализа на новой стадии обобщения. Причинами **усиления региональной динамики** конфликтности или сотрудничества стали:

1) снижение вмешательства глобальных держав в процессы, протекающие в других частях мира;

2) переход многих великих держав в «легковесную» категорию (*lite powers*), что означало существенное ограничение их намерений быть вовлеченными во внешние военные конфликты.

Как уже отмечалось, процессы глобального и регионального уровня стали разделяться исследователями (к примеру, такими как Б. Бузан и О. Вевер, А.Д. Воскресенский, Параг Ханна, Ян Цзэ-мянь, Шри Н.С. Сисодиа, Арвинд Гупта) за счет определения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого и второго и др. эшелонов), и механизмов их взаимодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Великие державы (в другой терминологии — государства-лидеры), в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов, не обязательно обладают исключительными возможностями во

всех сферах международной деятельности, однако их отличает то, что их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы/государства-доминанта или пытаться форматировать или переформатировать мировой порядок¹⁸. Великие державы активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира, при этом являясь региональными лидерами по крайней мере в одном регионе, т.е. они активно участвуют в форматировании макрорегионального уровня. Различие терминологии связано с различным пониманием и различными градациями этой категории у разных исследователей в разных странах (китайцы употребляют термин «великие» (досл. *даго* — «большие») государства, который используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином *the great powers*, который используется американцами и англичанами, в свою очередь выделяющими *the great powers* — «старые великие державы, т.е. страны Запада (США, Францию, Германию, Японию, Великобританию) — и *aspiring powers* — новые «великие» («поднимающиеся») державы, стремящиеся изменить статус-кво в международной системе: Китай, Россия, Индия, Иран, Бразилия. Подъем великих держав (иногда также используется термин «великие региональные державы», «новые великие державы» или «сверхкрупные страны»/«новые сверхкрупные индустриальные державы») происходит либо за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии, либо за счет упадка бывших сверхдержав.

Региональные державы обладают значительными возможностями действовать в пределах своих регионов, опреде-

ляют параметры региональной полярности, однако, как правило, не выходят на глобальный уровень и не могут успешно действовать в нескольких регионах, хотя иногда пытаются, даже довольно успешно, это делать (к примеру, война Великобритании с Аргентиной за Фолклендские острова).

Базовой посылкой концепции Б. Бузана и О. Вевера является утверждение, что комплексы безопасности — это макрорегионы, рассматриваемые в качестве таковых в первую очередь с точки зрения проблем безопасности, однако в то же время понятие регионального комплекса не может быть применено к любой группе государств: для того, чтобы представлять собой региональный комплекс безопасности, группа государств должна обладать высокой степенью взаимозависимости структурно-пространственного характера в области безопасности, которая отграничивала бы ее от других регионов. Понятие регионального комплекса безопасности, с одной стороны, за счет фокусирования внимания на аспектах безопасности аналитически оказывается уже, чем понятие региональной подсистемы, а с другой стороны, может рассматриваться как элемент региональной подсистемы.

Таким образом, становится ясна взаимосвязь и иерархия понятий «региональный комплекс безопасности», «региональный комплекс», «региональная

подсистема», «региональный порядок», «регион». Понятие регионального комплекса в его экономической ипостаси обозначается разными этапами/формами «зрелости» региональной интеграции (зоны свободной торговли, таможенный союз, платежный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, военно-политический и экономический союз), а в ипостаси безопасности связано с понятием регионального комплекса безопасности: Бузан и Вевер выделяют следующие типы региональных комплексов безопасности: «перекрываемые» (*overlaid*), «неструктурированные» (*unstructured*), «незрелые», т.е. «предшествующие комплексу» (*pre-complex*), «протокомплекс» (*proto-complex*) и собственно комплекс безопасности (*security complex*). Понятие региональной подсистемы шире понятия регионального комплекса, одновременно оно является «плоскостным» понятием, а региональный комплекс — «объемным» (т.е. оно уже, но комплексно и многомерно). Понятие региональной подсистемы акцентирует внимание прежде всего на макрорегионе как субъекте международных отношений вообще, а региональный комплекс может являться асимметричной частью, центром (стержнем) региональной подсистемы, а может полностью совпадать с ней. При этом для всех понятий базовым для выделения является понятие «региона».

Определение: Региональный комплекс — группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса. То есть региональный комплекс — это многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде.

Понятие регионального комплекса аналитически уже, чем понятие региональной подсистемы, с другой стороны, может рассматриваться как элемент региональной подсистемы.

Определение: Региональный порядок — это способ организации внутренней структуры региональной подсистемы или регионального комплекса.

Узловые проблемы, формирующие комплекс, обуславливаются тем, что теория региональных комплексов, несмотря на широкое понимание безопасности, в значительной степени концентрирует основное внимание на межгосударственных отношениях дружбы — вражды и рассматривает стандартную форму регионального комплекса безопасности как модель соперничества, баланса сил или союза в рамках региона с возможным влиянием внешних держав. Идею (конструктивистское) измерение регионального комплекса основывается на исследованиях А. Вендта и предполагает определение и анализ тех моделей (вражды, соперничества, дружбы), которые доминируют в социальной структуре регионального комплекса. Согласно логике концепции региональных комплексов безопасности, данный аспект существенно дополняет понимание региональной ситуации, поскольку анализ одного лишь распределения мощи не является достаточным: факторы исторической вражды или дружбы приобретают существенное значение в рамках общего понимания тех идейных процессов, которые формируют региональный комплекс, поскольку именно они могут рассматриваться как изначально присущие региону, а не привнесенные с уровня международной системы.

Региональные комплексы безопасности рассматриваются как взаимоисключающие пространства. В то же время великие державы (государства-лидеры) и особенно глобальные державы (супердержавы и государства-доминанты) об-

ладают существенными возможностями оказывать влияние на ситуацию в региональных комплексах и даже в предельном выражении определять динамику их безопасности, подменяя региональные и локальные процессы (к примеру, в период холодной войны). С другой стороны, существуют также «буферные» пространства/государства (*insulators*), которые «изолируют» динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах.

Концепция Б. Бузана и О. Вевера предусматривает три возможных варианта эволюции региональных комплексов: сохранение существующего положения, внутренняя трансформация и внешняя трансформация комплекса. Внутренняя трансформация подразумевает изменения в структуре комплекса, модели его полярности, либо в доминирующих в рамках комплекса отношениях дружбы/вражды. В свою очередь, внешняя трансформация может происходить в форме слияния или раскола существующих региональных комплексов.

Таким образом, концепцию региональных комплексов и таких его видов, как региональные комплексы безопасности, все еще отличает преимущественно неореалистический подход к территориальности, которая рассматривается в связке с проблемами безопасности, и конструктивистское понимание безопасности, поскольку основной акцент в рамках регионального комплекса делается на том, какое значение тому или иному явлению придается участниками регионального комплекса без-

опасности с точки зрения безопасности. Следовательно, при традиционном государственно-центричном понимании регионального комплекса все негосударственные акторы, экономические и транснациональные процессы оказываются, по сути, исключенными из повестки дня, а при преимущественно экономическом его понимании проблематика безопасности, особенно традиционной безопасности, и политической специфики протекания мировых процессов, как правило, исключается из повестки дня. Эта методологическая проблема объективно усложняет процесс построения междисциплинарной многомерной теории макрорегиональных комплексов.

В настоящее время становится понятно, что концепция Б. Бузана и О. Вевера не отражает всей совокупности формирующих регион процессов безопасности, возникших в контексте трансформации мировой системы, в частности, минимизирует влияние экономических и новых политических процессов и не учитывает «новые вызовы» и «новые угрозы». Следовательно, возникает потребность в ее переосмыслении. Один из подобных примеров — попытка корейских исследователей Джонг Юн Ба и Чунг Ин Муна переформулировать традиционную концепцию региональных комплексов безопасности за счет выделения новых параметров¹⁹. Первый параметр касается определения характера базовых элементов региональных комплексов безопасности: с традиционной точки зрения такими элементами являются государства, однако в современных условиях при активизации деятельности таких негосударственных акторов, как ТНК, террористические и преступные группировки, группы гражданского общества, позиции государства в межрегиональном взаимодействии были существенно ограничены. Второй параметр касается модели взаимосвязи элементов, которая может быть анархической, гегемонистской (или централизованной, в другой терминологи-

гии), иерархической, моделью баланса сил или децентрализованного порядка. Третий параметр — функциональное измерение регионального комплекса, связанное с пониманием характера безопасности. Джонг Юн Ба и Чунг Ин Мун отмечают, что военная безопасность в современном мире является лишь одним из аспектов регионального комплекса безопасности и необходимо учитывать изменения в повестке дня безопасности за счет включения экономической, социальной, экологической и других областей. Четвертый параметр связан с комплексом представлений, норм, идей, образов исторической памяти, которые определяют поведение участников регионального комплекса в области безопасности. И наконец, пятый параметр относится к механизмам урегулирования проблем безопасности в рамках регионального комплекса, которые условно можно разделить на реалистические (союзы, концерт держав, проецирование мощи державы-доминанта) и либеральные (многосторонние режимы регионального сотрудничества, системы коллективной безопасности)²⁰.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время в мировом исследовательском сообществе концепции и параметры регионального уровня, международно-политического региона, региональных подсистем, региональных комплексов дискуссионны. В ходе этих дискуссий разрабатываются новые теоретические положения и теории регионального уровня, в которых объективно в связи с переформатированием глобального уровня (подъем Азии, подъем не-Запада (*the rise of the rest*, по выражению декана факультета публичной политики Сингапурского университета К. Махбубани), значительную роль призваны играть «незападные» (точнее, незападноцентричные) подходы и незападные теории меж-

дународных отношений. Именно эти дискуссии определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй половины XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями²¹:

Происходит трансформация Вестфальской системы: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство — не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют в новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, по видимому, не является достаточным.

Становятся более выпуклыми проблемы трансформации суверенитета, которые в региональном плане усугубляются еще и тем, что после распада колониальной системы западная идея суверенного государства была привнесена извне в незападный мир в глобальных масштабах и не везде адекватно соответствовала местной специфике. В сложившейся ситуации оказалось, что незападные страны с формальной точки зрения обладают международно-правовым суверенитетом, однако многие из них свою территорию могут контролировать лишь частично либо вообще не обладают полноценным контролем над территорией. В то же время меняющееся содержание суверенитета требует перехода от тотального контроля всех параметров к вычлениению и обеспечению ключевых контролируемых параметров, что государства со слабыми институтами и системой закрытого/полужакрытого социального доступа не способны обеспечить.

Не учитывается транснациональная составляющая мировых процессов, которая охватывает не только одно государство, но и региональные группы государств и отдельные части государств. Не учитывается также явное противо-

речие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. К примеру, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание также деятельность негосударственных акторов, а также комплекс вызовов и угроз, источником которых не является государство в прямом смысле слова (к примеру, террористические группировки, наркокартели). Предложенный в традиционных концепциях региональных комплексов безопасности (концепция «новых центров силы», «новых великих держав») взгляд на государство не дает полного понимания контекста транснациональности.

Одна из аналитических проблем концепции региональных комплексов связана с достаточно жесткой фиксацией их границ. Как удачно отметил американский исследователь А. Дирлик, любое критическое в интеллектуальном и политическом плане понятие «пространства» должно признавать и некое понятие «границ», при этом проницаемость границ не означает их полного устранения. В то же время проблематика «нового качества» границ (концепции «проницаемости границы», границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, трансграничных процессов, границ «трансформеров») трудно концептуализируется и встраивается в традиционные (т.е. основанные прежде всего на реалистических представлениях) теории международных отношений.

В мире явственно происходят процессы «теневой интеграции» регионов — «стягивания» за счет нетрадиционных/неформальных/неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции (макрорегионализация). Современные исследователи (к примеру, уже упоминаемые нами Б. Бузан и О. Вевер) предусматривают

возможность трансформации регионального комплекса. В то же время механизм подобной трансформации пока не совсем ясен (соответственно, трудно выработать практические рекомендации), и, кроме того, в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых «внешних» для других участников процессов и трендов (к примеру, нетрадиционных угроз безопасности), а также такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному охвату, нежели национальное государство, либо группа государств.

В условиях слабой практической применимости и малой практической отдачи концепций моноцивилизационного/моноконфессионального национализма для формирования конструктивных внешних политик поликонфессиональных и полиэтнических государств («осажденная крепость» не может развиваться, а может только защищаться и нападать), а также невозможности на их основе бесконфликтно конструировать единую (общую) идентичность поликонфессионального и полиэтнического государства, дальнейшая теоретическая и практическая концептуализация процессов регионализации может позволить разрабатывать прикладные теории конкурентной национальной модели регионального и национального развития, основанные на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации и развития при адекватной защите национальных интересов.

Необходимо отметить появление целого ряда операциональных концепций, которые фиксируют отдельные макрорегиональные изменения, в том числе связанные с процессами в области экономики и безопасности. В качестве примеров следует привести концепцию мезо- и мегарайонов (японский исследователь О. Йеда), а также концепцию Центрально-Восточной Азии (российский политолог А.Д. Богатуров).

Концепция О. Йеды характеризует региональные трансформации как процесс зарождения и изменения положения мезорайонов в рамках более крупных региональных образований (мегарайонов). Региональная трансформация возможна в том случае, когда мегарайон уже не генерирует центростремительные импульсы, необходимые для поддержания целостности своей территории, что может совпасть с влиянием внешних факторов (в качестве таковых можно отметить процессы политической и экономической интеграции в соседнем регионе, культурное и/или экономическое влияние, процессы глобализации). Сформировавшийся в рамках мегарайона мезорайон характеризуется параметрами региональной интеграции, институциональной идентичности, самоидентичности и внешней идентичности. Процесс региональных трансформаций О. Йеда рассматривает на примере пространства, входившего ранее в состав Советского Союза, а ныне претерпевающего выделение из некогда единого мегарегиона трех самостоятельных мезорайонов: Восточно-Европейского, переходящего к Западной Европе, Центрально-Азиатского, тяготеющего к Южной Евразии, а также Дальневосточного и Сибирского, который в перспективе может включиться в состав мегарегиона Восточной Азии.

Другой подход к оценке процессов региональных трансформаций был предложен выдающимся отечественным исследователем А.Д. Богатуровым, высказавшим идею о формировании пространства Центрально-Восточной Азии, которая в военно-политическом и политическом отношении включает в себя как зоны прибрежной и островной Тихоокеанской Азии, так и глубинные материковые пространства внутреннего Китая и сибирских регионов России с выходом к восточным степным и горным массивам Казахстана, Киргизии и таджикского Памира. Одним из факторов формирования данного пространства яв-

ляется наличие общих угроз безопасности (экстремизм, наркотрафик, энергетические проблемы).

И наконец, необходимо выделить более широкий комплекс отечественных исследований и концепций, посвященных тенденциям макрорегионализации (А.Д. Воскресенский, С.И. Лунев) на материале Европы (В.Г. Барановский, О.В. Буторина, М.В. Стрежнева, Ю.В. Шишков и др.) и Восточной Азии (В.Я. Белокреницкий, А.Д. Воскресенский, В.В. Михеев, Г.И. Чуфрин и др.), происходящих под влиянием целого ряда факторов (регионального и глобального лидерства, «старых» и «новых» проблем безопасности, трансформации политических систем). Концепция макрорегионализации как нового тренда мировой политики как бы «вбирает» в себя более операциональные концепции ме-

га- и мезорегионов и идею «стягивания» регионов. Эти новые теории регионального уровня международных отношений должны стать прообразом оригинальных отечественных конкретных исследований регионального и странового характера, основанных на более высоком уровне теоретической концептуализации регионального уровня и, соответственно, приводящих к более глубоким и оригинальным выводам прикладного характера, особенно в тех частях мира (не-Запад), которые традиционно плохо прорабатываются западными исследователями, теоретиками и практиками. Они, видимо, окажут существенное влияние на концептуализацию внешних политик великих и великих региональных держав, а также на выработку новых практических концепций внешних политик, соответствующих реалиям XXI в.

- ¹ При участии С.И. Лунева, Е.В. Колдуновой и Е.А. Пронина.
- ² Non-Western International Relations Theory / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010.
- ³ К примеру, Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2007.
- ⁴ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 29–37; Он же. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток — Запад — Россия : сборник статей. М. : Прогресс-Традиция, 2002. С. 139–143; Доклад о мировом развитии. 2009. Новый взгляд на экономическую географию / пер. с англ. М. : Издательство «Весь мир», 2009. С. 36; Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение : учебник. М. : Гардарики, 2003. С. 147–166.
- ⁵ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007.
- ⁶ Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 1 N.Y.: Academic Press, 1974. P. 347–357.
- ⁷ Глобализация и регионализация / Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. М. : Издательство «Логос», 2006. С. 239–245.
- ⁸ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М. : Просвещение, 2004. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 10.
- ⁹ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М. : Просвещение, 2004. С. 596; Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М. : Наука, 1984. С. 363.
- ¹⁰ К примеру, ландшафтный регион, в выделении которого сочетаются несколько факторов: климатический, гидрографический, почвенный и т.д.
- ¹¹ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М. : Просвещение, 2004. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Указ. соч. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 11–12.
- ¹² Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. М. : Гардарики, 2002. С. 22.
- ¹³ Die Region als soziale Konstruktion / Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Konomie. Wiesbaden: VS Verlag, 2005. P. 100.
- ¹⁴ Подробнее о структуре политико-географических образов см.: Замятин Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. С. 83–91.
- ¹⁵ Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М. : Наука, 1984. С. 363. См. в этой связи расширительную трактовку международно-политического

региона: Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М. : Восток-Запад, 2006. С. 7.

¹⁶ Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М. : Навона, 2010. С. 71.

¹⁷ Подробнее см.: Колдунова Е.В. Указ. соч. С. 73–76.

¹⁸ Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Ленанд, 2006. С. 20; «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 17.

¹⁹ Jong-Yun Bae, Chung-in Moon. Unraveling the Northeast Asian Regional Complex: Old Patterns and New Insights // The Korean Journal of Defense Analysis. 2005. Vol. XVII, No. 2. P. 7–34.

²⁰ Колдунова Е.В. Указ. соч. С. 81–82.

²¹ Подробнее см.: Колдунова Е.В. Указ. соч. С. 83–88.

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ ГЕОМЕТРИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Ал.А. Громыко

Что стоит за изменениями в конфигурации мировых и региональных центров влияния после окончания холодной войны? За последние двадцать лет был пройден большой путь. Начало ему положил крах биполярной системы мира, на обломках которой был поднят флаг «конца истории». Вместе с этим новую популярность обрела идея отмирания суверенных национальных государств, размывания государственного суверенитета и стирания государственных границ. Резонируя с этим, ускорились темпы наднациональной интеграции в рамках ЕС. Внимание уделялось проекту по созданию мирового правительства на базе ООН. Все это происходило параллельно тому, как на деле мир превращался в де-факто однополярный. Диссонансом с ожиданиями, вызванными окончанием холодной войны, стала теория столкновения цивилизаций. В категорию взгляда на будущее как на возрастание конфликтотенгенного потенциала в мировой политике стали концепции «молекулярных гражданских войн» и «теория хаоса».

Среди этих идей и подходов шаг за шагом дорогу себе пробивала концепция «многполярности» («полицентричности»). Во многом она была интегральной, так как сочетала признание важности в системе международных отношений и традиционных, и новых субъектов, в ней было место и национальным государствам, и наднациональным объединениям и структурам, и межгосударственным формированиям, и негосударственным игрокам. Главное, что ухватил этот подход, — ситуацию быстроизменяющегося баланса сил и интересов, постоянного переформатирования их расстановки.

Особенно быстро идея многосторонности стала овладевать умами после того, как свою несостоятельность обнаружило стремление к закреплению однополярного мира. При всей своей многосторонности мир продолжал оставаться некоей иерархией, однако представляющей собой уже не две пирамиды влияния, как в биполярную эпоху, и не одну пирамиду однополярного мира, а некую многоярусную структуру, где есть первые среди равных, равные, второстепенные и маргинальные центры влияния. В этом смысле мир стал неполярным. Процессы выкристаллизовывания контуров многполярного мира ускорились вместе с приходом мирового кризиса. В 2011 г. он вступил уже в свою третью фазу — политическую, которая наложилась на две предыдущие — финансовую и экономическую.

В новую многполярную структуру оказались вмонтированными и послевоенные институты глобального и регионального управления, такие как ООН, МВФ, НАТО и др., и новые — ЕС, возникший в своем современном виде в 1992 г., «Большая восьмерка», «двадцатка», СНГ, ШОС и др.

С точки зрения России, ее позиции в начале XXI в. были достаточно прочными. Да, геополитическая катастрофа состоялась, но Россия сумела избежать соскальзывания в категорию второразрядных субъектов международных отношений. Ей удалось сохранить свое влияние и в ряде послевоенных структур, прежде всего в Совете Безопасности ООН, так и способствовать созданию новых — СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕвразЭС и др.

БРИК, а теперь и БРИКС, занял особое место в этом ряду. Он отображает

стратегию, в соответствии с которой Москва не собирается встраиваться ни в Запад, ни в Восток, а утверждает себя в качестве автономного межрегионального центра влияния с элементами глобальной державы, конечно, насколько это подкреплено ее реальными ресурсами, а не только декларациями. Россия — в основном европейская держава по своей культуре и истории, но по ментальности и психологии — трансконтинентальная, если не глобальная. Имея протяженные границы и на западе, и на юге, и на востоке, она геополитически не может, даже если захотела бы, замыкать свою внешнюю политику, включая экономическую, только на одном направлении.

Это не означает, что у Москвы не должно быть своих приоритетов при выстраивании отношений с различными «частями света». Ключевые приоритеты давно (по крайней мере, более десяти лет) известны: постсоветское пространство, затем Евросоюз и остальная часть Европы, США, Китай, другие страны БРИКС и т.д. Так как внешняя политика и национальные интересы любого государства многомерны, то их многофакторность в каждой конкретной ситуации диктует свою иерархию приоритетов. Например, с точки зрения поддержания мировой стратегической стабильности, никто в качестве ведущего партнера Москвы не может до сих пор конкурировать с США. Но все же есть регионы, которые по насыщенности интересов для той или иной державы, а значит, и по приоритетности превосходят остальные. На сегодняшний день и на обозримую перспективу таким регионом для России и в политическом, и в экономическом, и в финансовом, и в культурном плане остается Большая Европа.

Возможно, динамика мирового развития могла бы намного скорее привести к изменению приоритетов во внешней политике России, хотя трудно судить априори, насколько ее гипотетическое превращение в евразийскую державу с

переориентацией на регион АТР стало бы более выигрышно, чем нынешние геополитические склонности Москвы в сторону запада. Но, несмотря на громкие заявления, на деле Россия в последние годы еще больше стала европейским, нежели азиатским или, тем более, евразийским государством. Действительно, миграция россиян из Сибири и Дальнего Востока в европейский регион страны продолжается, львиная доля зауральской экономики завязана на западных рынках, инфраструктура на двух третях территории страны, т.е. на востоке, развивается крайне медленно, финансовые потоки из-за рубежа почти полностью сосредоточены также в европейской части России. И несколько новых газо- и нефтепроводов, связывающих ее с Китаем, Японией или другими неевропейскими государствами, не изменят этой картины. Для такого разворота потребовалась бы огромная воля государства и огромные ресурсы сродни эвакуации на восток советской промышленности в годы Великой Отечественной войны; никакой рыночной саморегулирующей этого не добиться. Однако очевидно, что такой воли у Российского государства нет; и близко не просматриваются какие-либо восточные проекты наподобие целины или БАМа.

Никто не будет спорить с тем, что России необходимо диверсифицировать свою внешнеторговую, внешнеэкономическую и инвестиционную деятельность, особенно в свете беспрецедентного подъема Китая, Индии, появления быстрорастущих рынков на огромном пространстве от Турции до Индонезии. Но зададимся вопросом: если лозунг модернизации страны воспринимается российским политическим и деловым классами, хотя бы их прогрессивной частью, серьезно, то ориентация на какую часть света быстрее способствовала бы реализации этой задачи? Вряд ли в этом есть и в скором времени появится более удобный партнер, чем европейский бизнес

(при понимании того, что в его же лице российский деловой мир одновременно сталкивается по многим вопросам с жестким конкурентом). Напротив, переориентация экономики страны на новые экономические центры Азии, наверняка, привела бы к консервации сырьевого характера российской экономики. Например, экономический рывок Китая и быстро идущий процесс модернизации его экономики связан именно с использованием потенциала западных рынков и интересов западных предпринимателей и инвесторов.

При всем сказанном вновь подчеркну, что европейская ориентация России по ряду ключевых вопросов своего развития не должна превращаться в монополярную и тем более эксклюзивную. В сфере безопасности, политики, экономики многовекторная внешняя политика, политика «по всем азимутам», политика стратегической глубины должна всячески приветствоваться и поддерживаться. Это в полной мере относится и к проекту БРИКС, обладающему огромным потенциалом.

Часто говорят, что БРИКС — это самосбывающееся пророчество, но надо помнить, что из ста пророчеств на деле сбывается только одно. Про БРИКС рассуждают много, поэтому укажу лишь на то, что этот статусный клуб или, другими словами, диалоговый форум, безусловно, преодолел к сегодняшнему дню границы виртуальной реальности. Его уникальность в том, что он включил в себя признанные четыре центра силы в мире — Россию, Китай, Индию, Бразилию. ЮАР в каком-то смысле получила фору, но не на ровном месте: эта страна претендует на лидерство в Африке. По представленности мировых центров силы БРИКС уступает только таким международным структурам, как Совбез и «Большая двадцатка».

БРИКС появился не случайно: он вырос из двух проектов — РИК (Россия, Индия, Китай) и ИБСА (Индия, Бра-

зилия, ЮАР). Интересно, что в 2001 г. формальным признаком для составления Джимом О'Нилом аббревиатуры БРИК были экономические критерии. Но сам формат состоялся в первую очередь благодаря политической воле, которая только еще должна была быть подкреплена экономическим фундаментом. Например, при создании европейских сообществ в 1950-е гг. движение было противоположным — от экономики к политике, хотя экономика и должна была рано или поздно решить масштабные политические задачи, быть не конечной целью, а инструментом в превращении Западной Европы в зону вечного мира.

Помимо БРИКС существуют и другие не менее амбициозные проекты по координации действий различных центров силы в мире: это и КЕС (Китай, Евросоюз, США), и КАР (Китай, Америка, Россия), и АРЕ (Америка, Россия, Евросоюз), и «Большая четверка» (США, ЕС, Китай и Япония), и, конечно же, Чаймерика (Китай и США). Какие-то из них сугубо умозрительные, под другими есть реальные основания. Но в отличие от БРИКС, эти конструкции менее перспективны. Что касается КЕС и КАР, то эти конфигурации имеют очевидные политические лимиты роста по линии авторитарных и либеральных ценностей. Это относится в полной мере и к Чаймерике, но здесь главным препятствием служат даже не столько ценностные различия, сколько геополитическое соперничество. АРЕ, безусловно, обладал бы большим потенциалом, однако при условии превращения ЕС в реального мирового автономного политического игрока. Пока это остается делом среднесрочного будущего. Обратим внимание на то, что единственным связующим звеном между всеми из названных конфигураций является повсеместное участие в них США.

Вклад БРИКС, уже сделанный, но в основном потенциальный, в формирование многополярности — это не воспроизведение баланса сил в класси-

ческом смысле, а, скорее, способ увеличения адаптивности к мировым реалиям, не навязывание своего взгляда на вещи, но в то же время стремление к усилению влияния на мировые и региональные процессы. Здесь не заложен вектор противопоставления; речь почти исключительно идет об инструментарии «мягкой силы».

Идея, которая изначально была заложена в концепции БРИК, т.е. анализ возможных конфигураций новых центров влияния в мире, развивается дальше. Так, все чаще говорят о группе «следующие одиннадцать» (Next 11), в которую входят «перспективные рынки», о группе «Восточная семерка» (East 7) — расширенный первоначальный состав БРИК плюс Турция, Индонезия и Мексика.

В обиход экономистов и политологов вошло понятие «рынков роста», среди которых, а их насчитывается восемь, лидерами являются опять же страны БРИК, т.е. те, у кого два и выше процентов от мирового ВВП (всего 17%, из которых у России 3%). За ними следует второй эшелон — Индонезия, Мексика, Южная Корея и Турция, т.е. страны, имеющие свыше одного процента от мирового ВВП (всего 6%). То есть в сумме рынки роста — это 23% мирового ВВП. Насколько рынки роста смогут координировать усилия для продвижения своей повестки дня в мировых делах, согласовывать свои позиции для превращения арифметической суммы их национальных ВВП в объединенное экономическое и политическое влияние, пока сказать трудно. Вероятнее всего, что они будут стремиться наращивать свою роль в рамках уже действующих структур, таких как «Большая двадцатка», БРИКС и др.

Что касается позиций России в треугольнике Россия — Б(Р)ИКС — ЕС, который, в отличие от всех других, не включает США, то уникальность ее положения в том, что, образно говоря, одной ногой она стоит у порога ЕС в качестве его стратегического партнера (да-

же при частичной декларативности этого принципа), а другой — в БРИКС в качестве стратегического партнера каждой из стран-участниц, что закреплено в их внешнеполитических документах. Конечно, у каждого из членов БРИКС есть свои, двусторонние отношения и с ЕС, и с США, но это отношения, если хотите, одного региона с другим или даже одной цивилизации с другой. В силу своей географической и цивилизационной специфики у России таких барьеров меньше, по крайней мере они ниже, возможно, за исключением связки США — Бразилия.

Эти же сравнительные преимущества Россия распространяются и на ее отношения в «Большой восьмерке» и «Большой двадцатке». В первой она образует фактически собственную категорию в одном лице и способна предлагать, по крайней мере теоретически, свою повестку дня, в том числе с точки зрения интересов своих стратегических партнеров, включая членов БРИКС. Во второй участие России более органично, так как там у нее открываются возможности разыгрывать не только карту своего вхождения в элитный клуб «восьмерки», к которому она до сих пор принадлежит лишь отчасти (не будучи членом «финансовой семерки»), но и солидаризироваться с Китаем и другими новыми центрами влияния в мире во взаимодействии с участниками «семерки», которые могут считаться полноценными единомышленниками.

Возвращаясь к конфигурации Россия — Б(Р)ИКС — ЕС, зададимся вопросом, что отличает все из его высот с точки зрения вопросов глобального управления от внешнеполитических подходов США? Попробуем перечислить эти отличия. Это упор на:

- многополюсность (многосторонность, полицентричность);

- примат международного права и центральную роль ООН в глобальном управлении;

- необходимость модернизации существующих механизмов глобального управления;

- принцип коалиционности в принятии решений;

- первостепенное значение «мягкой силы» при сохранении ресурсов на применение в форс-мажорных ситуациях «силы жесткой».

В таких новаторских форматах, как БРИКС или вышеназванный треугольник, Россия обретает не на словах, а на деле возможность играть, помимо прочего, роль страны-связки, страны-моста между другими крупнейшими мировыми игроками. Насколько ей это удастся, зависит от нее самой, другими словами — от всех нас с вами.

THE EUROPEAN UNION IN THE LIGHT OF COMPARATIVE POLITICS

Danuta Kabat-Rudnicka

Introductory remarks — the European Union in theoretical perspectives

The European Union is a relatively new phenomenon, starting in the 1950s from three Communities, *i.e.* European Coal and Steel Community (1951), European Economic Community (1957) and European Atomic Energy Community (1957). The primary objective of setting up the Communities was to make the European states cooperate, to create an ever closer union, in order to preserve peace and prosperity on the continent. The European Communities were based on a functional rationale, namely the cooperation in chosen, strategic fields, which then spread to other areas according to the neofunctional approach. Nowadays, the cooperation takes place not only in an economic domain, but it extends to the social, cultural and political areas. This, in turn, has contributed to a substantial change in the legal, political and institutional arrangement that have been established to carry out assigned tasks.

In academic writing, especially when a new treaty enters into force, a discussion develops about what is the nature of the European Union. Is the European Union an international organization since it is based on an international treaty; is it a *quasi*-state entity, *i.e.* a federation because it carries out tasks previously assigned to states or is it a *sui generis* structure, without any equivalent? The answer to this question is important and varies depending on the perspective adopted. Looking at the issue from the perspective of international relations, the European Union is an international organization or — as some authors want — a confederation, a structure based on an international accord between 27 sovereign states that are ‘masters of the treaties’. It is up to the member states to de-

cide whether to deepen and widen integration processes or to retreat to a looser structure, limited to a voluntary cooperation between high contracting parties. On the other hand, taking the perspective of comparative politics, the European Union emerges as a *quasi*-state structure since it enjoys control over a nation (however not in the ethnic sense),¹ has defined territory (although with changing borders)² and the Union and the member states share sovereignty (the accession to the Union results not only in the common sharing of sovereignty but *de facto* in the limitation of national sovereign rights, or in other words limitation in the exercise of sovereign rights).³ However, the European Union lacks a political dimension and it needs a greater involvement in the area of foreign policy as well as security and defence policy.⁴

The European Union falls somewhere *in between*. It ranges from an intergovernmental organization to a *quasi*-state structure, being neither a classical international organization nor a federal state. It reveals intergovernmental features when cooperation is a means that facilitates an achievement of common goals, and supranational ones when decisions taken bind not only member states but also citizens as well as features that are characteristic only for the Union, a *sui generis* entity — the European Union as an original structure, *tertium genus* that requires new terminology and original ideas.⁵ The governance school perceives the European Union as a new, emerging system of *governance without government*,⁶ a non-hierarchical system, involving public and private actors that are deliberating to solve common problems, led by informal rules and formal institutions.

Each theoretical approach underlines different features that determine the structure; each brings a new perspective and adds new

elements. With the subsequent treaties, the European construction has undergone changes, evolving from an international organization — however a special one — to a political organism, a *quasi*-state entity. At the present stage of development, when the European Union resembles many features characteristic for the federal system, the most appropriate seems to be the comparative approach. The comparison of the European structure with the fully-fledged, established federal political systems will reveal similarities and differences and will help define the *differentia specifica* of the European Union system in institutional, political and legal terms.

Another issue that deserves attention concerns integration processes in Europe. The difficulties with the proper labelling of the European Union⁷ are caused *inter alia* by the fact that integration — a term from the domain of international relations — is severely lacking in clarity. Integration is a term, which is used for various actors, situations and functions that are present and contribute to the integration processes. This ambiguity is also seen when making an attempt to make a proper distinction between integration as a process and integration as a state, integration of masses and integration of elites, international interaction and international integration, and finally the distinction between economic, political, social and military integration.

Based on the comparative method, the analysis will focus on two leading traditions, namely: cooperative and dual federalism, to which we now turn to. The traits of dual federalism are still to be seen in the United States, whereas the cooperative federalism is present in Germany. The comparison of a derived, international entity with fully-fledged, established federal systems is possible, since federalism is not limited to the national context, but can be used in the international arena.

The concept of federalism

The term *federal* derives from the Latin term *foedus*, which means an accord (an

agreement, a covenant). Federalism as a result of an agreement unites parties, without leading to merging in one entity.⁸ Among many definitions that can be found in the academic literature one defines federalism as an instrument that relates to the division of competences, the structure of public authority and to the application of law. The aim of federalism is to guarantee unity of the whole structure, while at the same time preserving an independence, autonomy and identity of constituent units. The essence of federalism can be reduced to: *united in diversity*.

An issue that deserves here clarification is a distinction between federalism, federation and a federal political system — the terms that are easily and often mixed. Generally speaking federalism provides a technique for a political organization of power, making possible on the one hand the federal government to carry out activities to achieve common goals whereas on the other autonomous actions of regional entities (governments) to preserve their regional (national) identity and distinctiveness. Federation, in turn, is a form of political integration where constituent entities are united in a special kind of a political union, and where at least two autonomous and independent governments are present: central and regional.⁹ Federalism is a normative term that refers to a multi-level government combining shared-rule and territorial self-rule as well as adjustment, maintenance and promotion of distinct territorial identities within a political union. The essence of federalism as a normative concept is guaranteeing at the same time union and non-centralization. On the other hand, the federal political system is a descriptive term that can be applied to a broader category of political systems, where — in contrast to a single central source of the constitutional and the political power (as is the case in unitary political systems) — there are two levels of government, linked by mechanisms of shared-rule, embodied in common institutions and territorial self-rule, embodied in the governments of constituent units.¹⁰

A federal political system is a broad category that includes: federations, *quasi*-federations, confederations, associations of states, leagues, *etc.* Federation is one, a special arrangement, where neither the federal government nor the constituent entities are constitutionally subordinated to each other. Each of them disposes of a sovereign power derived from the Constitution and can take direct actions *vis-à-vis* citizens in carrying out legislative and executive authority as well as a power to levy taxes, moreover, each government (of federation and constituent entities) is directly elected by citizens.¹¹

Federalism is a form of political organization that unites separate *polities* in a political system and distributes power between central government and the governments of constituent entities. It allows for joint participation in a decision-making and an implementation process. In general terms, federalism means a union of free citizens and communities within stable, however limited political arrangements to guarantee the rights and freedoms and an achievement of common goals, while preserving integrity of all.¹²

The European Union (previously the European Community) is a combination of different principles, types and forms. Depending on the reference point we can speak either about confederation, when we focus on the institutional structure, or a federation, when we pay attention to legal principles on which the European Union is based. Legal principles, *i.e.* the primacy of the European law over law of the member states and the direct effect of the European law in the member states' legal orders represent a federal form of government, whereas the decision-making procedures at the European level point to federal as well as confederal qualities. Besides, the unanimity rule in the Council of the European Union is a confederal element, while the majority rule represents a federal solution, especially when the ordinary procedure applies (previously the codecision procedure). Moreover, the so-called practical politics to which the cohesion policy belongs represent this, what in the Ger-

man tradition is called interlocking politics, on the other hand the European Union's finances have a confederal character — the Union can determine neither the source nor the level of its revenues, since it does not have a financial autonomy.¹³

The tradition of dual (inter-state) and cooperative (intra-state) federalism

As it was mentioned there is no one model of federalism but, instead, we are dealing with many paradigms of *federalisms*. However, we can distinguish two leading traditions, namely the dual federalism, which is characteristic for the United States and the cooperative federalism of which Germany is the prime example. The dual federalism implies that competencies and finances as well as partly institutions should be separated, and this should guarantee not only an independent functioning of federation but also its constituent entities. In federal systems, both in the dual and the cooperative model of federalism a special role is assigned to the constituent units that exert influence on federal legislation *via* votes of its representatives in the federal upper chamber. However, in case of the dual federalism the representatives of the constituent entities are directly elected by citizens whereas in the cooperative model of federalism this representation is indirect.

An important issue from the point of view of federal models is the division of competences, for when it comes to exclusive competencies then we can speak about the dual federal model, whereas in case of the shared and the complementary competencies we can assume that we are dealing with the cooperative model of federalism.¹⁴ The European integration, *i.e.* integration within the European Communities (now the European Union) was essentially limited to economic aspects and was primarily carried out using an instrument that allowed for the harmonization of law.¹⁵ Over the course of time, the European Union undertook activities that went beyond economic issues, although some of them were conducted within a limited intergovernmental cooperation. Howev-

er, the problem with competences remained and it was the task of the European Court of Justice to rule on the question of competences. Now, with the Lisbon treaty the situation has changed. The treaty provides for a clear distinction between exclusive and shared competences as well as competences to support, coordinate or supplement actions of the member states.¹⁶

The dual federalism is characterized by the constitutional allocation of competencies to the federation and the constituent units. Besides, each level of government is responsible for making, financing, implementing and administering its own policies. And this is not a coincidence that in the works of the German authors, the United States model of federalism is referred to as a *Trennsystem*, which means a duality but duality of a special kind, where the federal level is responsible for enacting laws, and the constituent entities act under the control of the federation and assume responsibility for the implementation of law. This model is sometimes referred to as the functional federalism due to the fact that the legislative function in principle falls to the federation, whereas the administrative function belongs to the constituent entities. However, unlike in the case of the functional federalism, the cooperative federalism is also characterised by sharing of responsibility for decisions taken, both in the financial and the administrative sphere.¹⁷

The model of dual federalism underlines the autonomy of different levels of government (at least two) as well as the clear separation of powers. This results in each government having its own sphere of responsibility. Besides, what is important and what distinguishes at the same time the dual from the cooperative federal model is the fact that competences are allocated according to policy sectors rather than policy functions. This in turn means that each level of government carries out legislative, executive and adjudicative functions, which results in the duplication of functions. Another consequence of such an allocation of competences is that there is no need for a strong representation

of the constituent units at the federal level, *i.e.* in the central government. Therefore, the second chamber is structured according to the senate principle — an important feature distinguishing the dual from the cooperative model, where the federal council principle applies. This in turn means that each constituent unit is represented by an equal number of senators, irrespective of the size of territory and the size of population. Hence, the upper chamber does not represent territorial interests but the interests of the electorate and the political parties that directly elect their representatives. In such a model cooperation prevails, usually conducted within inter-governmental conferences. Moreover, such an institutional autonomy favours fiscal independence of the constituent units and this fiscal autonomy allows them to levy taxes and dispose of independent sources of revenue. On the other hand, the German model which is an *exemplum* of the cooperative federalism emphasizes cooperation both as far as competences and finances are concerned.

The cooperative federal model is based on a functional division of competences among all levels of government (at least two). The result of a functional division of competencies is apparent in the federal law making and the constituent units law implementing. However, there is no strict division of competences, on the contrary, the competencies overlap, hence we are dealing with shared, concurrent and complementary competencies. This implies a strong representation of the constituent units at the federal level what can be clearly seen in strong rights in the federal decision-making process. This in turn means that the major policies require the consent of both the federal government and the constituent units, *e.g.* lands, cantons, provinces, regions, states, *etc.* Thus the upper chamber, *i.e.* the chamber of the territorial representation is organized according to the federal council principle, where the constituent units are represented by the governments, according to the size of the territory but above all to the size of the population. It should be noted that in such a system

smaller units are usually overrepresented. Furthermore, sharing of competences is complemented by a joint tax system that results in a redistribution of revenues between the constituent units and a flow of money from the stronger to the weaker units — the so-called fiscal equalisation. This functional and fiscal interdependence gives rise to a joint decision-making and interlocking politics, known as an executive federalism — a political system where policies are formulated and implemented by both levels of government.

Principles of cooperative federalism provide an additional instrument that allows for an improvement of mutual relations between the federation and the constituent units. The cooperative federalism means a flexible system of mutual cooperation between the federation and the constituent units at all levels where by way of negotiations and cooperation, often in the form of cooperation agreements, common policy goals are carried out. Particularly preferred is cooperation in the legislative field, both when it comes to a framework legislation, where the federation (in the EU context — the Union) sets a general framework, which is then 'filled' by the legislation of the constituent units (respectively the member states), and when the federal legislation is implemented by the constituent units. Cooperation is also present at other levels and in many different bodies and fora of both a formal and informal character.

The European Union between dual and cooperative federalism

As it was already mentioned, there is no one federal system; however, there are two leading models, *i.e.* dual and cooperative federalism. The European Union is an example where elements of both federal models are present. Like in most federal systems, so in the European Union, we have a mixture of different federal solutions. However, in most cases we are dealing with two leading models, one that is characteristic for the U.S. federal system the other for the German federal system. Thus, depending on the intensity of one

or the other elements, we can speak about dual or cooperative federal system.

There are many areas where we can look for elements of both the dual and the cooperative federalism. One of them is the domain of competences. The division of competences between the European Union and the member states is essential for the identification of federal elements drawn from the leading federal models, since the presence of exclusive competences in the European Union indicates that we are dealing with the dual federalism, whereas the existence of shared and complementary competencies indicates that the adopted solutions originate in the cooperative federalism. However, in case of shared competences a certain problem arises, for these are the competences to which aspires at the same time the legislator of the Union and the member states. Hence, it is difficult to say in advance whether we are dealing with the cooperative or a dual federal model in a given case. However, when it comes to the field preemption by the European Union, then we can assume that *de facto* we are dealing with an exclusive competence of the Union, and *ipso facto* with the dual federalism. In another case we should assume the dominant influence of the cooperative federalism. So, as Robert Sch tze rightly observes, the doctrine of preemption shifts the boundaries of jurisdiction and establishes the federal balance in policy areas.¹⁸

The doctrine of preemption is important for each federal structure, so also for the two leading models of dual and cooperative federalism. The classic doctrine of preemption means an exclusion of the constituent units from legislating in a given area, which is then governed by the federation. This is the case of the just mentioned field pre-emption that is characteristic of the dual federalism and which amounts to the maintenance of two mutually exclusive areas of authority. This in turn prevents the exercise at the same time and in the same area of competences of both the federation and the constituent units.

The Lisbon treaty specifies and orders exclusive and shared competencies as well as

competences to support, coordinate or supplement the actions of the member states.¹⁹ Taking into account what was said, the conclusion can be drawn that the European Union finds itself somewhere *in between* the dual and the cooperative federalism, since it contains the elements characteristic for both models. The solutions adopted may on the one hand point to the dual federalism when we are dealing with the exclusive competencies and the principle of conferral,²⁰ whereas on the other to the cooperative federalism when we are dealing with the complementary competences and the principle of subsidiarity.²¹

An element which encourages cooperation and which is an inherent feature of federal arrangements, in particular of the cooperative federalism is the principle of federal loyalty. The principle of federal loyalty can be defined as an obligation — both of the national (federal) government and the governments of the constituent units — to respect mutual interests and to take them into account when acting. The federal loyalty is associated *inter alia* with the fact that the constitutional division of power in federal states is limited to the assignment of responsibility without stating how tasks are to be carried out. Thus, the underlying principle of *Bundestreue* represents a *modus operandi* where two levels of government, as federal partners, use the constitutionally assigned powers and functions in a way that takes into account the good of the whole country. The principle of federal loyalty is also present in the European Union, however, it operates under the sincere (loyal) cooperation.²²

Another element that speaks for federal arrangements is the principle of supremacy, which is also present in the European Union. The supremacy principle was not included in the treaty provisions but it was stated in the case law of the European Court of Justice. Although the European Union structure differs from the fully-fledged federal arrangements, the effect as to supremacy is federal — the federal law trumps the law of the constituent units;²³ whereas in the

European Union (previously the European Community) context the Community law prevails over inconsistent national law.²⁴ The principle of supremacy of the European law in the legal orders of the member states is an important element of a fully-fledged federal system for it concerns the hierarchy of legal norms.²⁵

Another principle that speaks for the federal structure is the principle of subsidiarity. Subsidiarity is a general rule of conduct, applicable to the democratic structures, especially to federal arrangements. The principle of subsidiarity operates at different levels and applies to relations between the state and the citizens, the organizational structures of higher and of lower level as well as between the member states and the European Union. The principle of subsidiarity is a political and a legal directive, since it concerns, on the one hand, the allocation of powers between different levels, on the other, the exercise of concurring powers. As it was already mentioned, the majority of competencies in the European Union create a category of shared competences; only a small part has been allocated to the Union as exclusive competences. And it is the domain of non-exclusive competences where the principle of subsidiarity applies, the principle that was introduced for the first time as a general rule under the provisions of the Maastricht treaty (1992).²⁶ The principle of subsidiarity has always been associated with a federal form of government and is widely regarded as an inherent feature of federalism. The subsidiarity principle is important in the context of the examined federal models, since it applies to the shared and the complementary competences, characteristic for the cooperative federalism. The principle of subsidiarity is — not without reason — considered as a political guarantee of federalism in the European legal order. The Lisbon treaty having entrusted the national parliaments with the task to ensure compliance with the subsidiarity principle, strengthened the federal and the democratic guarantees in Europe.²⁷

Concluding remarks — the European Union as a federation

As was already mentioned, depending on the perspective chosen the European Union can be seen as a loose structure, an intergovernmental organization or a confederation, or a more integrated entity, a federation, a *quasi*-state or a state in the making. However, from the perspective of comparative politics, the European Union is a federation.

In the academic literature most of the authors agree that the European Union is a 'hybrid' structure. It reveals features that are characteristic for an international organization, a federal state and those that are just typical only for the Union. At the present stage of development the European Union is closest to the federation, but federation understood not as a federal state but a federation as an alternative to the federal state, a federation where member states retain their sovereign status, while at the same time accept a new entity with an international legal personality, based neither on the treaty (as is

the case for a confederation) nor on a constitution (as is the case for a federal state) but on a constitutional treaty, which in material terms resembles a constitution, a federation, which is neither based on a hierarchical order, nor dispose of a competence-competence, and where the federal law is supreme only in those areas in which it has competence to take actions, a federation without a federal state, *i.e.* the European federation that requires neither the creation of the state nor the emergence of the European nation.²⁸

In the studies on the European integration a shift can be observed from the research based on the international relations theories towards the use of comparative methods. The research based on the theories of international relations was justified at the initial stage of the European integration. However now, when the European Union reveals features that are characteristic for the state structure, although it still remains an international organisation, the comparative method seems to be more desirable.

¹ In principle nation is defined in ethnic terms. Relying on Kielmansegg's definition (*community of memory, communication and experience*), we cannot speak about the European nation, since at least two conditions are not met. However, nation can be also defined in civic terms, *i.e.* people (or precisely societies, peoples) sharing ideas and values with regard to democracy, economy, solidarity, respect for human rights and political freedoms and the joint problem solving; see: Kielmansegg P.G. *Integration und Demokratie/ Europäische Integration*, M. Jachtenfuchs, B. Kohler-Koch (Hrsg.), Laske+Budrich, Opladen 1996. P. 55; see also: Kielmansegg P.G., *Lässt sich die Europäische Union demokratisch verfassen?/ Die Verfassung Europas. Perspektiven des Integrationsprojekts*, F. Decker, M. Höreth (Hrsg.), VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden 2009. P. 228.

² In fact, the European Union does not dispose of its own territory. It is the territory of the member states on which the European Union (previously the European Community) law is applicable. Hence, it changes with each enlargement of the European Union. Recently the accession treaty has been signed with Croatia, which will allow Croatia to become the 28th member of the European Union on 1 July 2013, in case the ratification process is successful.

³ Many academic writings are devoted to the question of sovereignty. With the membership in the European Union (earlier the European Community) the sovereignty question arises: does a state loose sovereignty or preserve it. The answer varies depending on the definition adopted. According to Bodin's definition (Bodin J. *Les Six Livres de la République* (1576)) sovereignty is undivided, hence there can be only one sovereign, on the other hand according to Althusius's definition (Althusius J. *Politica methodice digesta* (1625)) sovereignty can be divided and is embodied in the nation, not in a person, *i.e.* a monarch. The concept of sovereignty changes, hence the question what nowadays makes a state sovereign: the possibility to regulate and control all affairs both in an internal as well as in an external sphere, or an influence, a state can exert on other states? In case of the European Union, it is the sovereign right of each state to participate in the integration processes. When a member, the state 'gives up' sovereign rights or in other words allows the others to have a say in the exercising of state's sovereign rights. In the European parlance we are speaking about pooling of sovereignty. What's even more important, in the Lisbon treaty there is a provision, which makes possible to withdraw the membership, thus 'regaining' sovereignty (see: art.50 TEU). We have to bear in mind that the European Union is a derivative structure whose competences are

limited by the principle of conferral and the competence-competence belongs to the sovereign member states.

- ⁴ This slightly changed with the Lisbon treaty. Art.24 TUE (ex art.11 TEU) states that the Union's competence shall cover all areas of foreign policy and all questions relating to the Union's security, including the progressive framing of common defence policy that might lead to common defence. Moreover, new posts were created, namely the President of the European Council who shall ensure the external representation of the Union on issues concerning common foreign and security policy (art.15(6) TUE), and the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy whose task is to contribute to the development of common foreign and security policy as well as conduct political dialogue with third parties on the Union's behalf and express the Union's position both in international organisations and at international conferences (art.27(1)(2) TUE). However, despite significant changes provisions on common foreign and security policy have an intergovernmental character.
- ⁵ Kabat D., Rudnicki Z. „*Integracja międzynarodowa: Problemy konceptualizacji i definicji*” *Prace z zakresu spraw europejskich i międzynarodowych*, Zeszyty Naukowe nr 795, Uniwersytet Ekonomiczny w Krakowie, Kraków 2009. P. 57-101.
- ⁶ See also: Pollack M.A. *Theorizing the European Union: International Organization, Domestic Polity, or Experiment in New Governance*/ *Annu. Rev. Polit. Sci.* — 2005. — Vol. 8. P. 380 *et seq.*
- ⁷ In the literature we can encounter more or less accurate labels describing the European Union, such as: „a member-state-dominated political arrangement, see: Morgan G. *The Idea of a European Superstate. Public Justification and European Integration*. Oxford, Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 14; „a constitutional order of sovereign States” and „a federation of sovereign States”, see Dashwood A. *The Relationship Between the Member States and the European Union/European Community/ A Review of Forty Years of Community Law. Legal Developments in the European Communities and the European Union*. Ed. by A. McDonnell. The Hague: Kluwer Law International, 2005. P. 38; „*Res Publica Europea*”, see: Giegerich T. *Europäische Verfassung und Deutsche Verfassung im transnationalen Konstitutionalisierungsprozess: Wechselseitige Rezeption, konstitutionelle Evolution und föderale Verflechtung*. Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer, 2003. P. 620; as well as „supranational Union”, see: Bogdany A., *Die Verfassung der europäischen Integrationsgemeinschaft als supranationale Union/ Die Europäische Option. Eine interdisziplinäre Analyse über Herkunft, Stand und Perspektiven der europäischen Integration*. Baden-Baden: Nomos, 1993. P. 119 *et seq.*
- ⁸ See: Elazar D.J. *The Federal Polity*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1974. P. 4; see also: Forsyth M. *Union of States: The Theory and Practice of Confederation*. Leicester: Leicester University Press, 1981. P. 2.
- ⁹ See: Watts R.L. *Federalism, regionalism and political integration/ Regionalism and Supranationalism. Challenges and Alternatives to the Nation-State in Canada and Europe*. Ed. by D.M. Cameron. Montreal: Institute for Research and Public Policy, 1981. P. 4-5.
- ¹⁰ See: Abromeit H. *Contours of a European Federation*// *Regional and Federal Studies*. 2002 (Spring). Vol. 12. No. 1. P. 5.
- ¹¹ See: Watts R.L. *Origins of Cooperative and Competitive Federalism/ Territory, Democracy and Justice. Regionalism and Federalism in Western Democracies*. Ed. by S.L. Greer. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 201—202; see also: Watts R.L. *Comparing Federal Systems*. 3rd ed. Montreal, Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2008. P. 8.
- ¹² See: Elazar D.J., Greilsammer I. *Federal Democracy: The USA and Europe Compared. A Political Science Perspective/ Integration through Law. Europe and the American Federal Experience*. Ed. by M. Cappelletti, M. Seccombe, J. Weiler. Vol. 1, *Methods, Tools and Institutions*, book 1, *A Political, Legal and Economic Overview*. N. Y.: Walter de Gruyter, Berlin, 1986. P. 90.
- ¹³ It can be clearly seen now, in the time of crises, when in order to save the Eurozone the member states agreed to lend some money to the special fund. To this end an international agreement will be signed, however, it will not be based on the provisions of the treaty since not all member states agreed to contribute to and to participate in.
- ¹⁴ It has to be mentioned that the treaties did not regulate the issue of the division of competencies, an important question from the standpoint of federal models. However, the situation changed with the Lisbon treaty where different categories of competencies were listed, *i.e.* exclusive, shared and to support, coordinate or supplement the actions of the member states.
- ¹⁵ Harmonization of member states' laws primarily took place when an internal market program was being implemented that referred to four freedoms (of people, goods, services, capital) to constitute an area without internal borders (see: art.8a TEEC). The legal instrument, which was then widely used was a directive. Members states prefer directives to other legal instruments (regulations, decisions), since a directive as an instrument of international law does not interfere in national legal orders, for it binds upon each member

state to which it is addressed as to the result to be achieved, leaving to the national authorities the choice of form and methods (see: art.288 TFUE). The directive has to be transposed to national legal orders, and, in principle, operates *via* national legislation, thus it is an instrument of indirect legislation. On the European Community/Union legislative instruments see more: Schütze R. *The Morphology of Legislative Power in the European Community: Legal Instruments and Federal Division of Powers/* Yearbook of European law. 2006. Vol. 25. P. 91-151.

- ¹⁶ See: art.2 TFUE till art.6 TFUE. Under the Lisbon treaty there is no distinction between the Community and the Union, since the Union replaced and succeeded the European Community and became its legal successor (see: art.1 TUE).
- ¹⁷ See: Gunlicks A. *The Länder and German Federalism*. Manchester, N.Y.: Manchester University Press, 2003. P. 385.
- ¹⁸ Schütze R. *From Dual to Cooperative Federalism. The Changing Structure of European Law*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 100.
- ¹⁹ See art.2 TFUE till art.6 TFUE.
- ²⁰ Art.5(2) TUE states that the Union shall act only within the limits of the competences conferred upon it by the member states in the treaties to attain the objectives set out therein, whereas competences not conferred upon the Union in the treaties remain with the member states. Thus, the Union can only act within the limits of the competencies conferred upon by the member states that dispose of the competence-competence and remain 'masters of the treaties'.
- ²¹ Art.5(3) TUE states that in areas which do not fall within the exclusive competence, the Union shall act only if and in so far as the objectives of the proposed action cannot be sufficiently achieved by the member states, either at central, regional or local level, but can rather, by reason of the scale or effects of the proposed action, be better achieved at the Union level. The principle of subsidiarity is used for allocation of competences not for carrying them out.
- ²² According to art.4(3) TUE the Union and the member states shall, in full mutual respect, assist each other in carrying out tasks which flow from the treaties, the member states shall take any appropriate measure, general or particular, to ensure fulfillment of the obligations arising out of the treaties or resulting from the acts of the institutions of the Union and shall facilitate the achievement of the Union's tasks and refrain from any measure which could jeopardize the attainment of the Union's objectives.
- ²³ The supremacy clause is clearly stated in the German constitution in art.31 GG „Bundesrecht bricht Landesrecht” as well as in the U.S. Constitution in art.VI cl.2 „This Constitution, and the Laws of the United States which shall be made in Pursuance thereof; and all Treaties made, or which shall be made, under the Authority of the United States, shall be the supreme Law of the Land; and the Judges in every State shall be bound thereby, any Thing in the Constitution or Laws of any State to the Contrary notwithstanding”.
- ²⁴ (...) the transfer by the states from their domestic legal systems to the Community legal system of the rights and obligations arising under the Treaty carries with it a permanent limitation of their sovereign rights, against which a subsequent unilateral act incompatible with the concept of the Community cannot prevail”. Judgment in the case *Costa v. ENEL*, case 6/64 (1964) ECR 585.
- ²⁵ See: Starr-Deelen D., Deelen B. *The European Court of Justice as a Federator/* Publius. — 1996 (Fall). — Vol. 26. No. 4. P. 83.
- ²⁶ See: fn. 21.
- ²⁷ See: Protocol (no 1) on the role of national parliaments in the European Union (Lisbon treaty).
- ²⁸ See: Pech L. *The European Union and its constitution: from Rome to Lisbon*. Dublin: Clarus Press, 2008. P. 89-90.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЕС И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ РАКУРС

В.И. Якунин

Более полувека Европейский союз идет по пути экономической и политической интеграции. Произошло масштабное расширение Союза, введена единая валюта евро. Впрочем, евроинтеграции сопутствуют и острые проблемы экономического и политического характера. Существенно, что они *усугубляются* развернувшимся глобальным финансовым кризисом.

На ближайшие 5–10 лет перспективы развития ЕС будут определяться тем, каким образом он сможет решить свои ключевые проблемы, актуальность которых значительно возросла в первой декаде XXI в. Перейдем к их анализу.

I. Внутриполитические проблемы ЕС

1) Реформа институционального устройства

Проблема институционального устройства ЕС связана с вопросом политической интеграции стран — членов Союза, уровень которой отстает от уровня экономической интеграции. Общий рынок и валютный союз до сих пор не имеют общего правительства. После неудачи с конституционным проектом страны ЕС на время отказались от попыток форсированного политического сплочения, приняв вместо «Конституции для Европы» Лиссабонский договор (2009 г.), который лишь зафиксировал достигнутый уровень интеграции, только отчасти решив вопрос институтов.

В Договоре не говорится о приоритете европейского права над национальным, что является серьезным препятствием на пути к созданию «брюссельского супергосударства». Структуры Евросоюза не могут сами наделять себя все новыми полномочиями.

Глубинной проблемой остается процедура голосования в Совете

ЕС. Попытки ограничения права «вето» натолкнулись на противодействие государств-членов, которые не желают передавать свой суверенитет в вопросах внешней, налоговой политики, политики безопасности и обороны на наднациональный уровень. Введение Лиссабонским договором принципа «двойного большинства» (с 2014 г.), которое якобы должно ограничить влияние Германии, Великобритании и Франции, в действительности не окажет существенного влияния на принятие решений, так как традиционно вместе с перечисленной «большой тройкой» в Совете ЕС голосует Италия.

Хотя Европарламент и приобрел некоторые новые компетенции, однако говорить об их существенном расширении, как это делают некоторые европейцы, ошибочно.

В результате пока и на ближайшую перспективу (пять лет) ЕС, скорее, останется союзом государств, а не союзным государством, которым его хотят видеть многие эксперты.

Следует отметить, что по итогам экономического кризиса, который подорвал доверие населения к институтам ЕС, задача усиления наднациональных институтов ЕС значительно усложняется. Впервые уровень недоверия к ЕС превысил уровень доверия (рис. 1).

2) Внутриполитическая консолидация, проблема адаптации и полной интеграции новых стран-членов

Расширение ЕС 2004 и 2007 гг. сильно затруднило процесс интеграции стран-членов. Двадцать семь государств не могут сотрудничать так же монолитно, как в свое время шесть стран-основателей. Процесс принятия решений стал затруд-

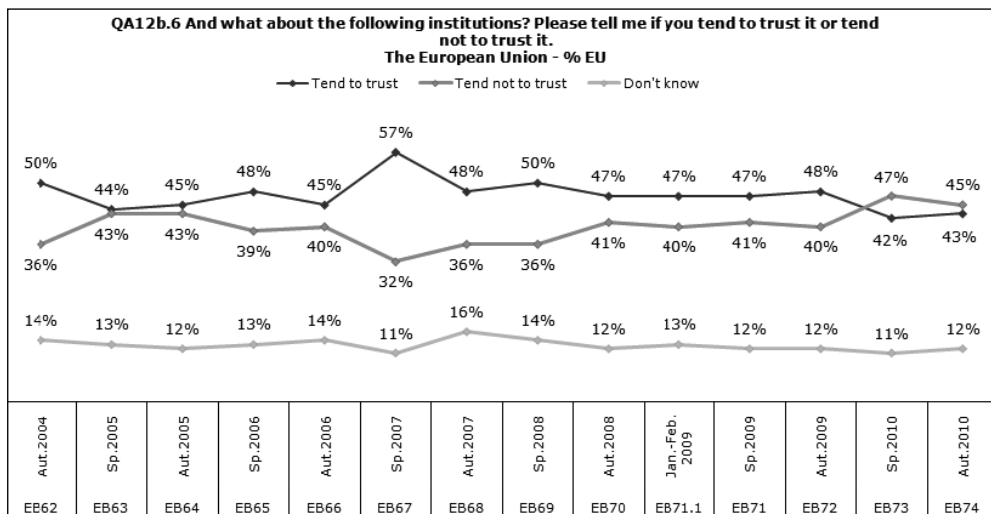

Рис. 1. Доверие и недоверие к ЕС

Map 2.2.1: GDP per inhabitant, in PPS, by NUTS 2 regions, 2007 (as percentage of EU-27 = 100)

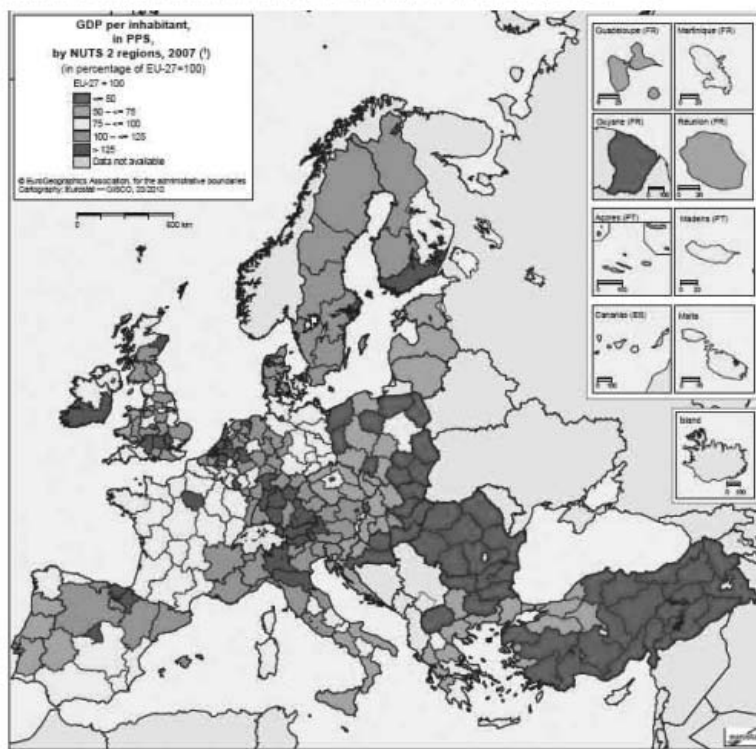

Рис. 2. Различия экономик стран — членов ЕС

нителен из-за возросшего количества голосов, гетерогенности экономик членов группировки и различий их интересов (рис. 2).

Проблему выравнивания уровня экономического развития стран Старой и Новой Европы значительно осложнил финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Глобальный кризис сбил экономику новичков ЕС, его последствия оказались для них более тяжелыми, чем для других стран. Это было неожиданным. Прогнозы Всемирного банка, МВФ, рейтинговых агентств с осени 2008 г. стали для новых стран ЕС ухудшаться, однако предполагалось, что их экономика лишь замедлит рост, избежав спада.

Действительность оказалась хуже: экономика почти всех новичков ЕС совершила «жесткую посадку». Уже в четвертом квартале 2008 г. ВВП в Венгрии, Словении и странах Балтии сократился в годовом выражении. В 2009 г. негативные тенденции усилились. Наиболее глубокой рецессия оказалась в странах Балтии, где сокращение ВВП составило от 16 до 20%. Но и в Центрально-Восточной Европе спад был стремительным. Инвестиции замерли, строительный бум закончился, промышленное производство резко сократилось.

С учетом экономического отставания, которое, вероятно, закрепилось в странах-новичках на ближайшую перспективу, а также в отсутствие легальных способов влияния на принятие ключевых решений в ЕС, страны Новой Европы, судя по всему, и в дальнейшем будут продолжать политику шантажа крупных стран ЕС и наднациональных институтов (как это делали Литва и Польша во время переговоров с Россией), что ставит под удар дальнейшую политическую консолидацию стран — членов союза.

3) Проблема демократической легитимации принимаемых решений, или «Дефицит демократии»

О «дефиците демократии» в ЕС впервые заговорили в середине 80-х годов

XX в. Прежде наличие в Евросоюзе политического компонента не принято было замечать — тем более что он был действительно невелик. Считалось, что интеграционные институты политически нейтральны, а принимаемые ими решения основаны на консенсусе. Однако по Единому европейскому акту 1986 г. существенные властные полномочия были переданы на европейский уровень при отказе от национального вето в принятии ряда решений, тогда как адекватного парламентского или судебного контроля над использованием этих наднациональных полномочий обеспечено не было. Попытку решить вопрос демократической легитимации принятием Лиссабонского договора следует признать не вполне удачной. Основные решения на уровне ЕС продолжают приниматься, по сути, исполнительной властью (в первую очередь Советом министров и Европейским советом, в которые входят министры и главы государств и правительств стран — членов ЕС). Предписанные Лиссабонским договором открытые заседания при обсуждении и принятии законов усилият прозрачность принимаемых решений, но не их демократическую легитимацию. Она останется опосредованной — представитель правительства Германии, например, может голосовать в Совете за тот или иной закон лишь в том случае, если 2/3 Бундестага и Бундесрата дадут свое согласие. Именно поэтому любой общеевропейский договор, предполагающий существенные изменения процессов интеграции, не минуя национальных парламентов, Именно в зависимости от них он получит свою демократическую легитимацию.

В этом отношении реформа Европарламента с позиций усиления европейского единства неудачна.

Лиссабонский договор существенно расширил компетенции Европарламента в вопросах внутреннего развития ЕС. Однако, сколько бы компетенций данному, как называют его критики, «Страс-

бургскому собранию» ни передавали, непосредственной демократической легитимации ему это не прибавит, его суть остается неизменной. Говоря о Европарламенте как «непосредственном представителе граждан и граждан» на уровне ЕС (ст. 10-2 Договора о ЕС), Лиссабонский договор выдает желаемое за действительное, старается изобразить его представительством народа в целом.

Однако на деле в Европе нет единого народа-суверена, а есть народы государств — членов ЕС. Если же «европейского народа» нет, то и выбирается парламент не напрямую, не по принципу равенства голосов, не в политической борьбе «европейских партий», а в государствах — членах ЕС и на основании предусмотренного для этих государств числа мандатов. Раз в ЕС нет народа-суверена, то нет в нем и политических партий. «Политические семьи», образующие фракции Европарламента, в демократическом смысле партиями не являются, так как не имеют реального электората. Предвыборная борьба за членство в Европарламенте ведется на уровне национальных государств, поэтому люди выбирают не «европейские», а свои национальные партии, причем в по-

следние годы у депутатов, выдвигаемых этими партиями в Европарламент, хорошим тоном стало в ходе предвыборной борьбы обещать избирателям защитить их от «брюссельского Молоха».

II. Экономические проблемы

1) Преодоление последствий кризиса

Формально кризис в Европе начался еще 9 августа 2007 г., когда первым о своих потерях на рынке ипотечного кредитования США объявил французский банк BNP Paribas. Обвальное падение курсов акций в ЕС началось во втором квартале 2008 г. Индексы ценных бумаг от максимальных значений середины 2007 г. упали на 30–50%, а разного рода деривативы полностью обесценились. До конца 2008 г. кризис унес с биржевых торговых площадок Европы в общей сложности 30 трлн долл. С середины ноября 2008 г. 15 стран — участниц еврозоны погрузились в рецессию. В результате индекс делового доверия потребителей сократился на 30 пунктов до наименьшего, начиная с 1993 г., значения, а индекс общей деловой активности в ЕС — до значений, не наблюдавшихся с 1985 г.

Экономический спад и медленный процесс восстановления после кризи-

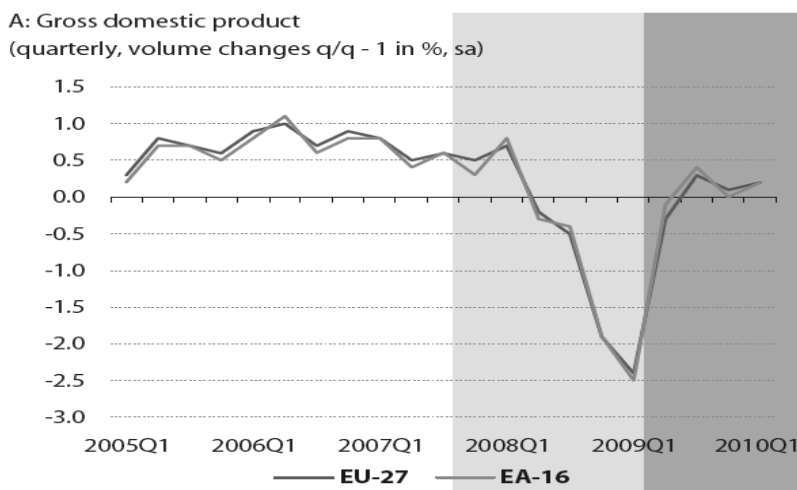

Рис. 3. Развитие кризиса в Европе

са можно проследить по динамике поквартального роста (в %) ВВП стран ЕС (EU27) и еврозоны (EA-16). Хотя спад ВВП был преодолен еще в 2009 г., рост ВВП в 2010 г. не превышал 0,5% (рис. 3).

Следствием экономического спада стало ухудшение ситуации на рынке труда. Спрос на рабочую силу упал, начались увольнения, выросла безработица, с которой регион до кризиса успешно боролся.

Кризис в Греции и балансирование на грани финансового обвала таких стран, как Португалия, Испания и Италия (все четыре страны в ЕС принято называть PIGS), породили у экспертов сомнения в возможности дальнейшего существования и успешного функционирования «зоны евро». Наиболее остро в 2008 и 2009 гг. встала проблема дефицита бюджета, потолок которого на уровне ЕС (3% от ВВП, согласно Пакту стабильности) превысили более 50% стран-членов (рис. 4).

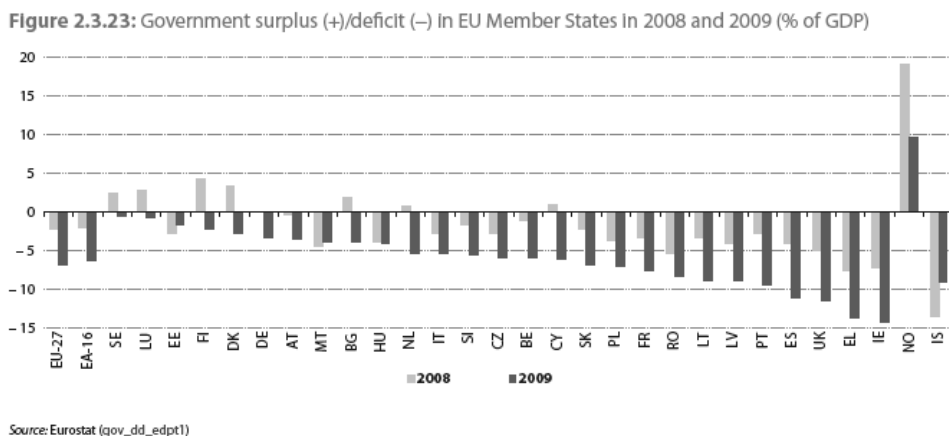

Рис. 4. Дефицит бюджета европейских государств

Однако с учетом временных послаблений в бюджетной дисциплине, а также благодаря скоординированным действиям правительств стран — членов ЕС (в первую очередь Франции и Германии) тотального обвала удалось избежать. Тем не менее доверие населения ЕС к финансовым институтам, резко упавшее во время кризиса, еще только предстоит восстановить (рис. 5).

Экономический кризис (как и все предшествующие кризисы) привел к росту национализма, однако экономические проблемы приводят и к сплочению стран-членов перед лицом экономических неурядиц. Например, в энергетической политике ЕС. Однако после провала климатического саммита ООН в Копенгагене ЕС столкнулся с тем, что

обязательные цели по сокращению выбросов углекислого газа и развитию альтернативной энергетики не так-то просто навязать развивающимся странам (в первую очередь Китаю) и США. Следовательно, формирование рынка сбыта для «зеленых технологий», в развитие которых активно вкладывается ЕС, может оказаться делом далекого будущего.

2) Энергетические проблемы

Зависимость от внешних поставщиков энергии остается одной из главных проблем ЕС. Из-за импорта энергоносителей в ЕС наблюдается дефицит торгового баланса (рис. 6).

В результате дефицита торгового баланса растет государственный долг стран — членов ЕС (рис. 7).

In this country, do you have confidence in each of the following, or not? How about financial institutions or banks?

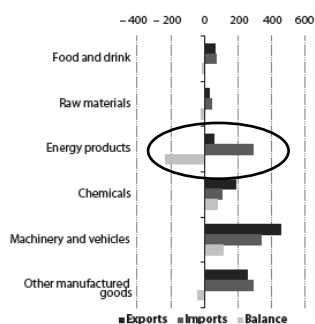
	% Confident before collapse	% Confident after collapse	Change (in percentage points)
Ireland	68	25	-43
Romania	53	32	-21
United Kingdom*	56	36	-21
Portugal*	64	44	-21
Spain	52	36	-16
France	54	39	-15
Germany	54	43	-11
Slovenia*	63	54	-10
Hungary	50	41	-9
Poland	60	51	-9
Cyprus	68	66	-2
Italy	25	35	10

*Values were rounded to the nearest whole number.

GALLUP POLL

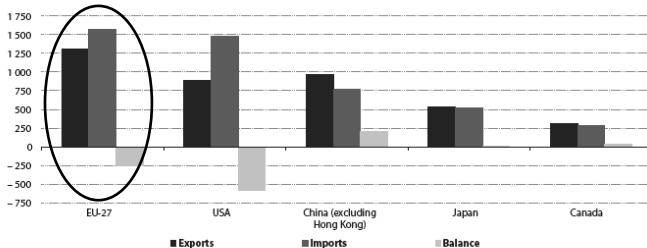
Рис 5. Падение доверия к институтам

Figure 2.5.2: EU-27 exports, imports and balance, by SITC-1 product group, 2009 (billion EUR)

Source: Eurostat (bet00061)

Figure 2.5.1: Main world traders: exports, imports and balance, 2008 (billion EUR)

Source: Eurostat (bet00018)

Рис 6. Проблема дефицита торгового баланса ЕС

Планы по формированию новой энергетической политики ЕС увеличат потребление произведенной внутри ЕС энергии (за счет развития возобновляемой энергетики) лишь до 20% от общего потребления энергии к 2020 г.

Атомная энергетика (развитие которой в ЕС активно лоббируется Францией) и которая могла бы обеспечить ЕС недорогой и стабильной энергией, вероятно, под влиянием событий в Японии переживет еще один период «забвения»

Figure 2.3.25: Public debt at the end of 2008 and 2009 (% of GDP)

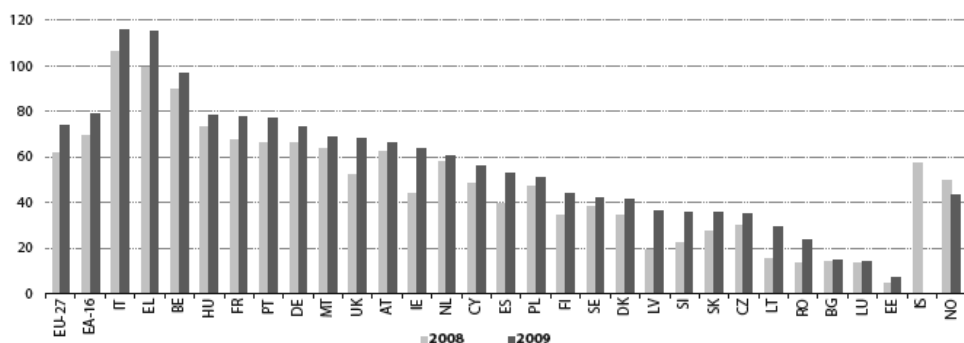

Рис. 7. Государственный долг стран — членов ЕС

(второй после катастрофы на Чернобыльской АЭС).

III. Социальные проблемы

1) Проблема формирования европейской идентичности

Проблема культурного единения Европы приобретает в последнее время политическое измерение. Для восстановления статуса мирового субъекта политического действия Евросоюзу необходимы не только общая экономика и общие финансы, но и общая политическая культура, возможная лишь на базисе общей европейской идентичности.

Методом формирования европейской идентичности видится «возвращение к корням» (греческим, римским, христианским, Просвещению). Лиссабонский договор сохранил в преамбуле предложенную «Конституцией» ссылку на «культурное, религиозное и гуманистическое наследие», на котором развились универсальные ценности: «права человека, свобода, демократия, равенство и правовая государственность». В то же время ссылка на христианские корни, которой в годы работы над проектом «Конституции» добивались отдельные страны (в частности, Польша и Италия), принята не была. Причины этому — ведущиеся с Турцией переговоры о вступлении в ЕС, и тот факт, что удельный вес активных, посещающих церкви хри-

стиан в масштабах всей Европы невелик, а вот активных мусульман в ней становится все больше. Причем речь идет о возникших в ходе притока иммигрантов мусульманских диаспорах ряда государств «старой Европы».

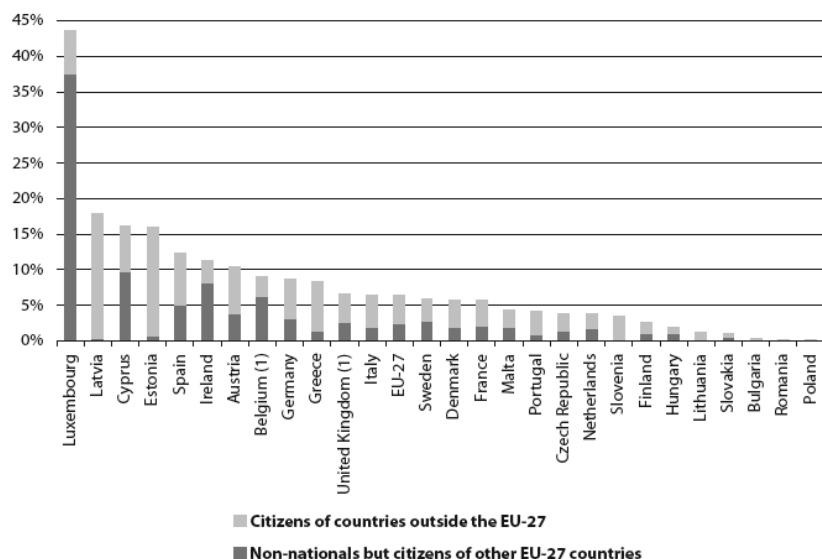
Следующий вектор, по которому формируют европейскую идентичность, — создание общей «культуры памяти». Однако и тут возникают новые линии раздела внутри Европы». Старые «образы врага» необычайно живучи — например в Греции, стране, связанной с Германией тесными европейскими узами, в ходе эскалации финансового кризиса припомнили немцам все их грехи, а особенно — неуплату репараций по результатам Второй мировой войны.

2) Крах мультикультурализма

Впервые в современной истории Европа предстает как «континент мигрантов». Из 375 млн человек, населявших 15 западноевропейских государств — членов Евросоюза до его расширения, численность легальных мигрантов составила уже 44 млн человек. Почти во всех западноевропейских странах доля иммигрантов и их детей достигает 10% и более. Примерно треть мигрантов — это выходцы из других стран Западной и Центральной Европы, но на долю неевропейских мигрантов приходится более половины. Пополнение населения Европы мигрантами именно этого рода — новое для нее

Figure 2.1.1: Non-national residents, 2009

(% of total population)

(1) 2008.

Source: Eurostat (migr_pop1ctz)

Рис. 8. Доля инокультурных иммигрантов

явление, порождающее усиление конфликтности на ее культурном пространстве. Приток в Европу миллионных масс из остальных регионов мусульманского Востока, Азии и Африки существенно усложняет процессы формирования европейской идентичности (рис. 8).

Толчком к усилению антииммигрантских настроений послужил экономический кризис. Европейцы воспринимают иммигрантов как социальных изживенцев и конкурентов на рынке рабочей силы. За два кризисных года доля немцев, заявляющих о «враждебном отношении к иностранцам», возросла с 21 до 25% (в западной части Германии — с 32 до 35%). 60% высказались за то, чтобы депортировать всех иностранцев на их родину в случае нехватки в стране рабочих мест.

Обострилась проблема иммигрантов после последних событий в Северной Африке, в результате которых возросло количество беженцев. В итоге ЕС впер-

вые пошел по пути сворачивания интеграции. Внутри Шенгенской зоны может быть введен пограничный и таможенный контроль. К такому решению пришли главы МВД стран Евросоюза. Дания уже ввела и пограничный, и таможенный контроль.

Но в перспективе Европу неизбежно ожидает увеличение неевропейских меньшинств, и в особенности мусульман. Прогнозы говорят, что численность мусульман Евросоюза удвоится к 2015–2025 гг. Есть прогнозы, что в середине столетия мусульман в Европе может стать больше, чем немусульман.

Особую опасность таит в себе на фоне краха мультикультурализма отсутствие иной модели, которая могла бы успешно сосуществовать с либеральной идеологией европейского общества.

Принцип равноправного сосуществования культур, лежащий в основе этой модели, противоположен идее интеграции, приобщения одной культурной

идентичности к другой. Будучи теоретически привлекательным, на практике он нередко приводит к конфликтам, провоцируя сепаратистские стремления (Косово, Квебек в Канаде, Северный Кавказ в России и т.д.). С мультикультурализмом британские политики связывают ослабление социальной сплоченности, австралийские — угрозу современной демократии и культуре большинства, а также дороговизну государственных расходов и программ, обеспечивающих «мультикультурную» политику. По сути, это идеология фрагментации и поддержания социальной исключенности, препятствующая консолидации нации-государства.

Целенаправленная политика «поддержания единства в разнообразии» не оправдала себя и на практике. Только 1% коренных британцев имеют близких друзей из инокультурных общин. Самое толерантное общество в Европе — германское — в большинстве своем поддержало взгляды, высказанные в нашумевшей книге Тило Сарацина. Он прогнозирует интеллектуальную деградацию нации, учитывая, что через четыре поколения потомки малограмотных мигрантов составят более 70% населения страны. Констатируется провал демографической, социальной, миграционной и образовательной политики Германии, как и всей Европы. Согласно опросу газеты *Bild*, 89% жителей Германии разделяют его позицию. Кстати сказать, это опыт и предупреждение России, которой сейчас пытаются предложить массовую иммиграцию для решения проблем на рынке труда.

Процессы глобализации привели не только к проникновению западных культурных и социально-политических стандартов и ценностей в незападные общества, но и к инфильтрации в Европу антизападных ценностей и норм поведения, включая радикальных противников западной общественной системы, пред-

ставляющих прямую угрозу ее социально-политической стабильности.

Напряжение нарастает. Ощущение интегрированности в окружающее их общество испытывают только 46% мусульман Франции, 35 — Германии, 10% — Великобритании. Отчужденность от европейского общества не только не ослабевает, а, напротив, усиливается.

3) Безработица

Расширение ЕС 2004 и 2007 гг. прибавило к уже существующим безработным в ЕС-15 4,8 млн человек. Проблема обострилась в ходе экономического кризиса и приобрела характер проблемы номер один (рис. 9).

Интересно отметить, что активный вывод производства в страны периферии в ходе реализации проекта постиндустриализма привел к тому, что эта проблема едва ли будет решена в кратчайшие сроки.

IV. Демографические проблемы

1) Старение коренного населения

Демографическое старение Европы — широко известный факт. Экономике крупнейших стран ЕС уже ощущается на себе разрушительное воздействие этого процесса. Старение коренного населения, по подсчетам *Deutsche Bank*, уже обошлось Европе дороже, чем крупная война. Увеличение доли пожилых людей означает неизбежную нагрузку на систему здравоохранения и рост пенсионных отчислений.

Для решения этой проблемы Европа вынуждена проводить прагматичную миграционную политику. В 2011 г. ожидалось введение «голубой карты» по типу американской «грин-карты», чтобы привлечь в ЕС иммигрантов для работы именно в те сектора экономики, которые испытывают нехватку рабочей силы. Однако увеличение доли иммигрантов (даже высококвалифицированных) таит в себе ряд дополнительных национальных и культурных рисков, учитывая крах мультикультурализма, описанный выше.

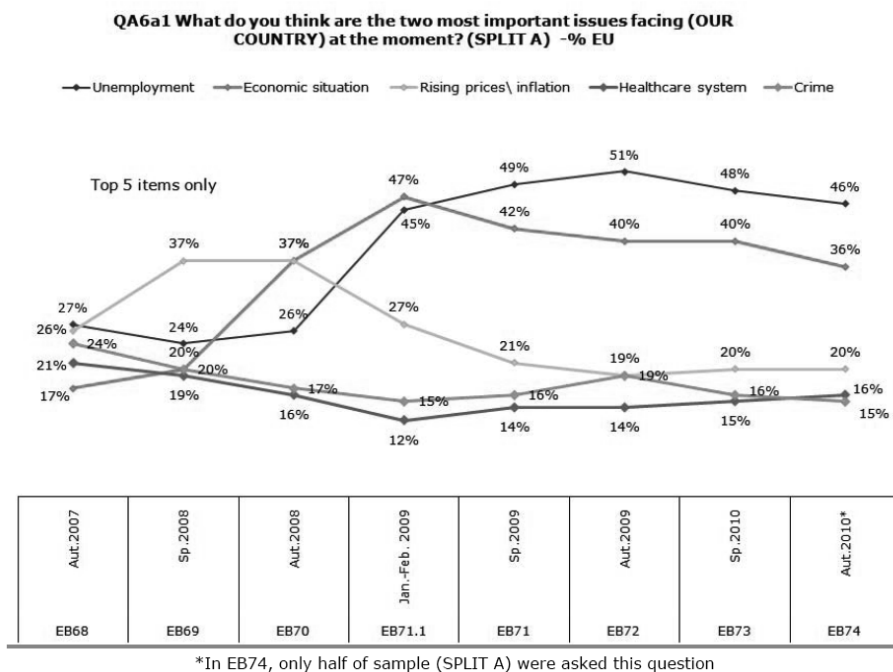
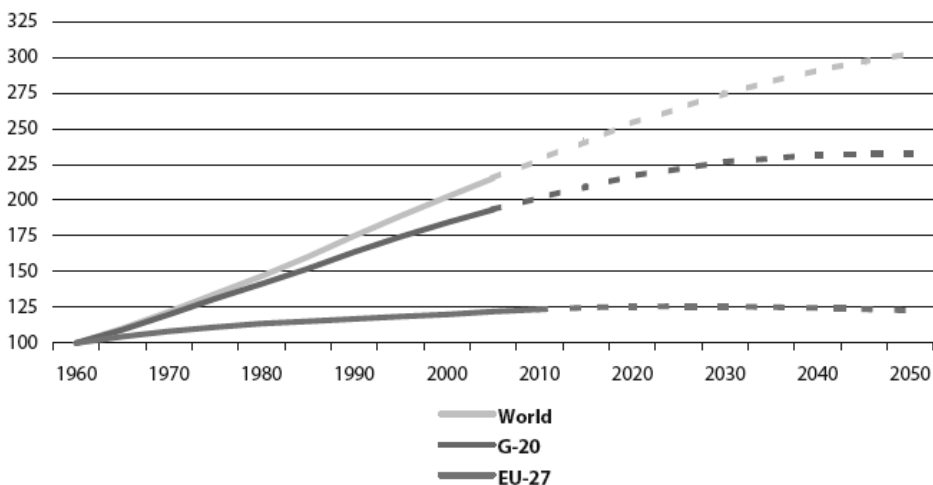

Рис. 9. Обеспокоенность населения проблемами, с которыми оно сталкивается

Figure 1.1: Population (1)

(1960=100)

(1) Population projections (UN medium variant) are shown as a dotted line.

Source: World Population Prospects: The 2008 Revision | United Nations Population Division; Eurostat (demo_pjan)

Рис. 10. Доля Европы в населении мира падает

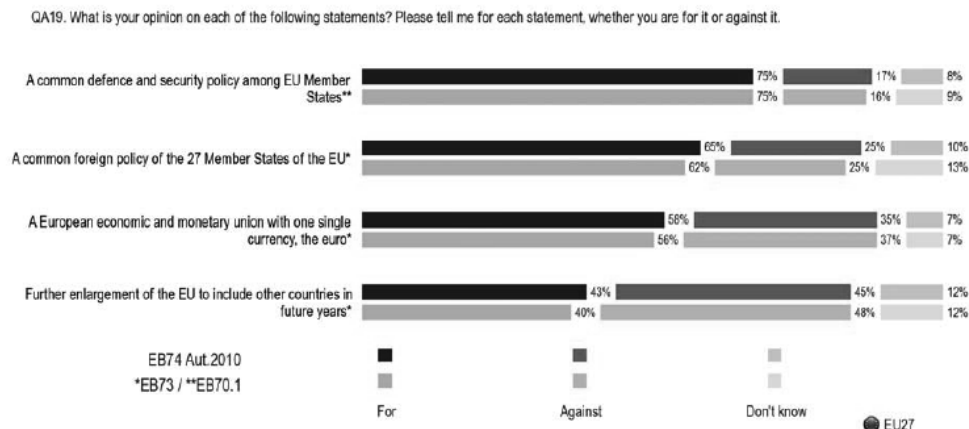

Рис. 11. Население поддерживает внешнеполитическую консолидацию Европы

Старение населения ведет к тому, что доля населения ЕС в мировом масштабе неуклонно сокращается. Это неизбежно будет иметь последствия и для внешнеполитического статуса Европейского союза (рис. 10).

V. Внешнеполитические проблемы

1) Выработка единой внешней политики и ее институциональное оформление

Реальное создание единой внешней политики, с целью чего введен пост высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности (в «Конституции» — министр иностранных дел), пока остается делом будущего. Необходимость формирования хотя бы совместной внешней политики остается острой проблемой «постлиссабонской» Европы. Кстати, идеи единой внешней политики и политики безопасности имеют высокий уровень поддержки среди населения ЕС (рис. 11).

Между тем заговорить «единым голосом» для ЕС непросто: как раз в вопросах внешней политики из ЕС раздавался в лучшем случае хор, а как правило — нестройное многоголосье.

Начиная расширение на восток, ЕС исходил из формулировки Роберта Шумана: «Мы хотим единства свободной Европы не только для нас, но и для тех ны-

не угнетенных, которые, освободившись от гнета, будут стремиться к вступлению». Однако во внешней политике национальные приоритеты для «угнетенных» остались выше интересов Европы, да и в вопросах интеграции преобладает евроскептицизм. Эта слабость расширившегося ЕС использовалась другими геополитическими акторами — достаточно вспомнить риторику Дж. Буша о «новой» и «старой» Европе перед началом войны в Ираке, охотно подхваченную рядом новых членов ЕС.

Неизбежное следствие этого — образование «коалиций» или даже «осей» в актуальных вопросах внешней политики, причем не только внутри ЕС, но и с внешними государствами. Реальная консолидация Союза в вопросах внешней политики зависит не в последнюю очередь от его способности определить свое место в мире, в том числе географически.

2) Определение границ ЕС. Проблема дальнейшего расширения

Вопрос границ остается важнейшим вопросом «постлиссабонской» Европы. Кто не может провести границу между собой и окружающим пространством, не может эффективно сформировать свою субъектность в мировом политическом процессе.

Стратегии европейского единства все прошедшие десятилетия следовали (как

предлагал в свое время первый президент ЕЭС Вальтер Халльштейн) «логике интеграционных процессов». Стремясь закрепить «победу в холодной войне», Евросоюз в геополитическом броске равнулся на восток Европы. И попал в ловушку собственной политики.

Он не мог прекратить расширение, не нарушив выработанной в 90-е годы «логики интеграционных процессов», не мог отказать в четкой европейской перспективе государствам, географически принадлежащим к Европе и стремящимся в ЕС, не показав собственной идейной несостоятельности. В то же время он не мог принять эти государства и отказать в приеме Турции, верной союзнице, которую десятилетиями держали на «европейском поводке», кормя обещаниями о вступлении. Установив границы, Евросоюзу пришлось бы распрощаться с тем

имиджем, который сослужил ему добрую службу на рубеже 90-х годов. Однако, если он примет все желающие этого государства, идейная несостоятельность все равно его не минует: экономические и политические трудности, связанные с новой волной расширения, несомненно, повлекут за собой очередной общеевропейский «кризис жанра» не только на внешне-, но и на внутривнутриполитическом уровне.

VI. Нетреугольный треугольник: ЕС — США — Россия

В российской геополитике последнего времени активно ставится задача перезагрузки, однако на ее пути возникают объективные реалии. Посмотрим на треугольник ЕС — США — Россия. Его конфигурирование очень мало зависит от благих намерений. Оно объективно (табл. 1).

Таблица 1

Матрица отношений в треугольнике ЕС — США — Россия

Сфера совместных интересов и сотрудничества	Россия (1)	ЕС (2)	США (3)
Военно-стратегические отношения	1—3	2—3	3—1 3—2
Комплекс торгово-экономических отношений	1—2	2—1, 2—3	3—2
Энергетика	1—2, 1—3	2—1	3—1
Финансовое сотрудничество	1—2, 1—3	2—1, 2—3	3—1, 3—2
Цивилизационно-культурное единство	1 ?	2—3	3—2

«1—2» — наличие общности (сотрудничество и интересы)

«1 ?» — общность под вопросом

Версий конфигурации две: политикоромантическая и реалистическая. Это либо замкнутый треугольник Россия — Европа — США либо разомкнутая система отношений с учетом глобального контекста. Что более достоверно?

От ответа на этот вопрос зависят варианты поведения России:

Вариант 1. Игра не по «правилам» 90-х годов — самостоятельность, использование противоречий между США и Европой или даже попытки выстраивания

равноправного (при наличии ресурсов) сотрудничества без интеграции.

Вариант 2. Игра по «правилам» для проигравших в холодной войне — интеграция в евроатлантическое сообщество на условиях вторичности, частичное ограничение своего суверенитета, отказ от восстановления цивилизационно идентичного облика, попытки влиять на формирование повестки дня евроатлантического сообщества изнутри.

Евроатлантический вектор относится к приоритетным направлениям российской внешней политики. Более того, отношения с евроатлантическим сообществом во многом определяют внутреннюю политику и общественные настроения в России. Официальная позиция вытекает из того, что президентом Д. Медведевым поставлена задача сближения с евроатлантическим сообществом, президент считает Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации и евроатлантического сообщества.

На протяжении 2000-х гг. российское руководство последовательно испробовало три варианта подходов к евроатлантическому сообществу.

В первый срок президентства В. Путина Россия, особенно после событий сентября 2001 г., ставила своей задачей сближение и с США, и с объединенной Европой. С ЕС — общие пространства (в экономике, правосудии, внешней безопасности, науке и образовании). С США — сближение на почве общей борьбы с терроризмом и сокращения ядерных вооружений. Попытка сближения с США выдохлась практически сразу после иракской интервенции США 2003 г., однако на небольшой период она сблизила Россию со «старой» Европой, прежде всего Францией и ФРГ. После расхождения с США в течение еще двух-трех лет Россия пыталась сблизиться с ЕС, результатом чего стало согласование дорожных карт по четырем общим пространствам в 2005 г.

Отметим, что с США Россия старалась сблизиться прежде всего в сфере безопасности, в военно-политических (Афганистан) и военно-стратегических вопросах (договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г.). С Европой Россия пыталась договориться по другим важнейшим направлениям — торгово-экономическому и социальному (наука и образование, безвизовый режим). Иными словами, и в случае с США, и в случае с ЕС Россия

руководствовалась «объективным базисом» для установления близких отношений. Так почему же все вышло практически наоборот?

Мы полагаем, что существуют коренные причины. Так же как европейская несовместимость с цивилизацией ислама опровергла все благие ожидания мультикультурализма, разность цивилизаций России и Запада не позволит обходиться ни одной из сторон во внешней политике без ее учета.

К примеру, перезагрузка перезагрузкой с США, но военные программы США никаким образом не учитывают российских озабоченностей. Реальная американская военная доктрина исходит из представления о российской угрозе (рис. 12). И выход тут один: российская военная доктрина может быть только самостоятельной.

Начиная с 2004 г., в России нарастает разочарование в ЕС. Нарастать тренд расхождения России и ЕС стал в связи с операцией по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. «Вдруг» оказалось, что по целому ряду показателей Россия не вписывается в евроатлантическое сообщество. После эрозии отношений с США, в частности по проблеме ПРО, Россия получила сильный удар от евроатлантического сообщества через цветные революции и активное вмешательство европейских стран во внутреннюю политику государств постсоветского пространства.

Увеличение цен на российские ресурсные товары, прежде всего на нефть и газ в 4,5 раза с 2003 по 2008 г., привело к резкому обострению энергетических отношений между Россией и Европой. Следствием стало непродление «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» между ЕС и Россией и фактически замораживание конструктивных отношений со всей евробюрократией. В результате Россия попыталась перевести отношения с европейцами на национальный уровень, закрепив его энерге-

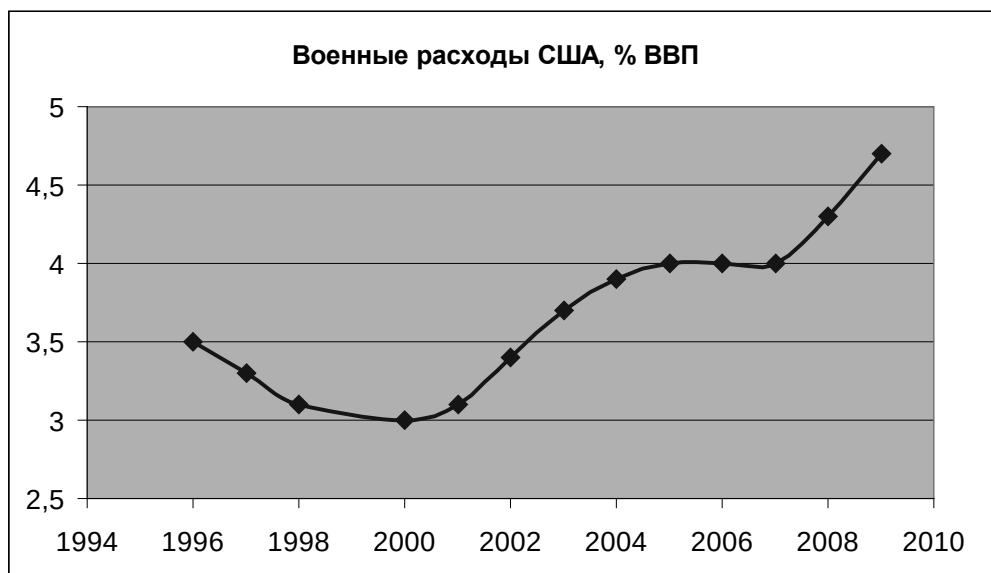

Рис. 12. Военные расходы США

тическим сотрудничеством. Однако, как показала практика, такой формат отношений имеет весьма ограниченный потенциал.

Наоборот, сотрудничество между участниками евроатлантического сообщества довольно быстро не просто реанимировалось, но и приобрело новые, более тесные формы. После смены руководства Германии в 2005 г. и Франции в 2007 г. обе страны вернулись в ряд сторонников США, притом что Франция сделала беспрецедентные шаги по сближению, вернувшись в военную организацию НАТО. Россия же осталась за бортом.

Напротив, связанное с ней военно-политическое расхождение достигло максимума в 2007 г. в связи с «мюнхенской речью» В. Путина и введением Россией одностороннего моратория на ДОВСЕ. А это, по сути, были только намеки на самостоятельную внешнюю политику России. Таким образом, де-факто попытки политического сближения с Европой зависят от платы в виде самостоятельности российской внешней политики. С учетом противостояния вокруг

транспортной энергетической инфраструктуры, сложности коммуникации еще только возрастают.

Шок от кризиса, спровоцированного международным противостоянием вокруг российской операции по принуждению Грузии к миру в 2008 г., а также смена власти в США подвинули российское руководство к более активному поиску путей сближения с евроатлантикой. Как это сближение происходит?

Имеет место улучшение отношений с США, однако подобного не происходит в сфере взаимоотношений с ЕС. При этом сами США активно «возвращают» в сферу своего контроля Европу, которую они в военно-политическом отношении частично утратили в период превалирования стратегии односторонних действий президента Дж. Буша-мл.

Иными словами, США «завязывают» на себя Россию, «возвращают» Европу, но при этом отказываются формировать «полноценное» евроатлантическое сообщество с Россией как полноправным членом. Нашу страну держат, говоря прямо, на задворках — как важного, но тем не менее внешнего партнера.

США сделали ряд репутационных уступок России, перестав акцентировать внимание на критике по политической системе и правам человека, ограничив поддержку Грузии и подписав, хотя и менее выгодный России, договор СНВ-3. Напомним, что в «Стратегии национальной безопасности» Б. Обамы от мая 2010 г. Россия отнесена к числу стран, которые приоритетны в деле обеспечения интересов безопасности США в мире. В то же время США не готовы развивать с Россией ни военно-техническое, ни военно-политическое сотрудничество в глобальном измерении — все основные военно-политические интеграционные объединения остаются без России. Кроме того, США лишь замедлили наращивание своего присутствия на постсоветском пространстве, поддерживая антироссийский режим М. Саакашвили, укрепляя свое положение в Киргизии и Узбекистане, поддерживая «нейтралитет» Украины и оказывая давление на белорусское руководство. Как видим, здесь нет места иллюзиям.

Отметим, что и основные европейские, и евроатлантические интеграционные объединения или остаются вообще без России, или пребывают недееспособными. «Общие пространства», по сути, работают на минимуме, ОБСЕ — не работает, в НАТО Россия не идет, да ее там никто и не ждет, система ЕвроПРО строится без России. Даже в «Группе восьми» Россия, которая за исключением Японии представляет собой евроатлантический макрорегион, все так и не участвует в обсуждении финансовой проблематики, несмотря на «признанный» статус А.Л. Кудрина как дважды лучшего министра финансов мира.

Таким образом, все слова о сближении и перезагрузке разбиваются о реальность применения в отношении России двойных политических технологий. На публичном уровне — перезагрузка, минимальные статусно-репутационные (но не материальные и организационные)

уступки, в реальности — все то же сдерживание России.

В отношении Европы США обладают мощным комплексом интеграционных объединений, основным из которых остается военно-политическое — НАТО. Общность Европы и США проявилась еще более выпукло на фоне интервенции в Ливии, где обе стороны Атлантики выступили на параллельных курсах.

Наглядным примером того, как США способны «удушить» Россию в объятиях интеграционных, но на деле квазипроектах, являются попытки военно-технологического проектного партнерства. Еще в 90-е годы по ряду ключевых проектов российские предприятия пошли на сближение с американскими: двигатель для Ту-204СМ и для Ми-38 разрабатывала Pratt&Witney, океаническая платформа космических запусков «Морской старт» (Sea Launch) — совместно с американской Boeing. Из всех трех проектов после десятилетия «притирки» и затягивания по вине американских партнеров последние попросту вышли из них или наложили ограничения на экспорт (случай с Ту-204СМ), чем фактически почти загубили проект. В итоге американские «партнеры» выиграли время и изучили востребованные технологии.

В связи с этими примерами возникает обоснованный вопрос о том, насколько содержательным окажется российско-американское партнерство для модернизации российской экономики. Технологии и идеи какого качества придут к нам из США? Станем ли мы равноправным или так и останемся ведомым и догоняющим в лучшем случае младшим партнером, в худшем — мальчиком для битья?

Остается задаться вопросом, действительно ли искреннему сближению России и евроатлантического сообщества противостоит только «идеологическое наследие холодной войны» или причина разделения все-таки глубже? Несмотря на глобализационные про-

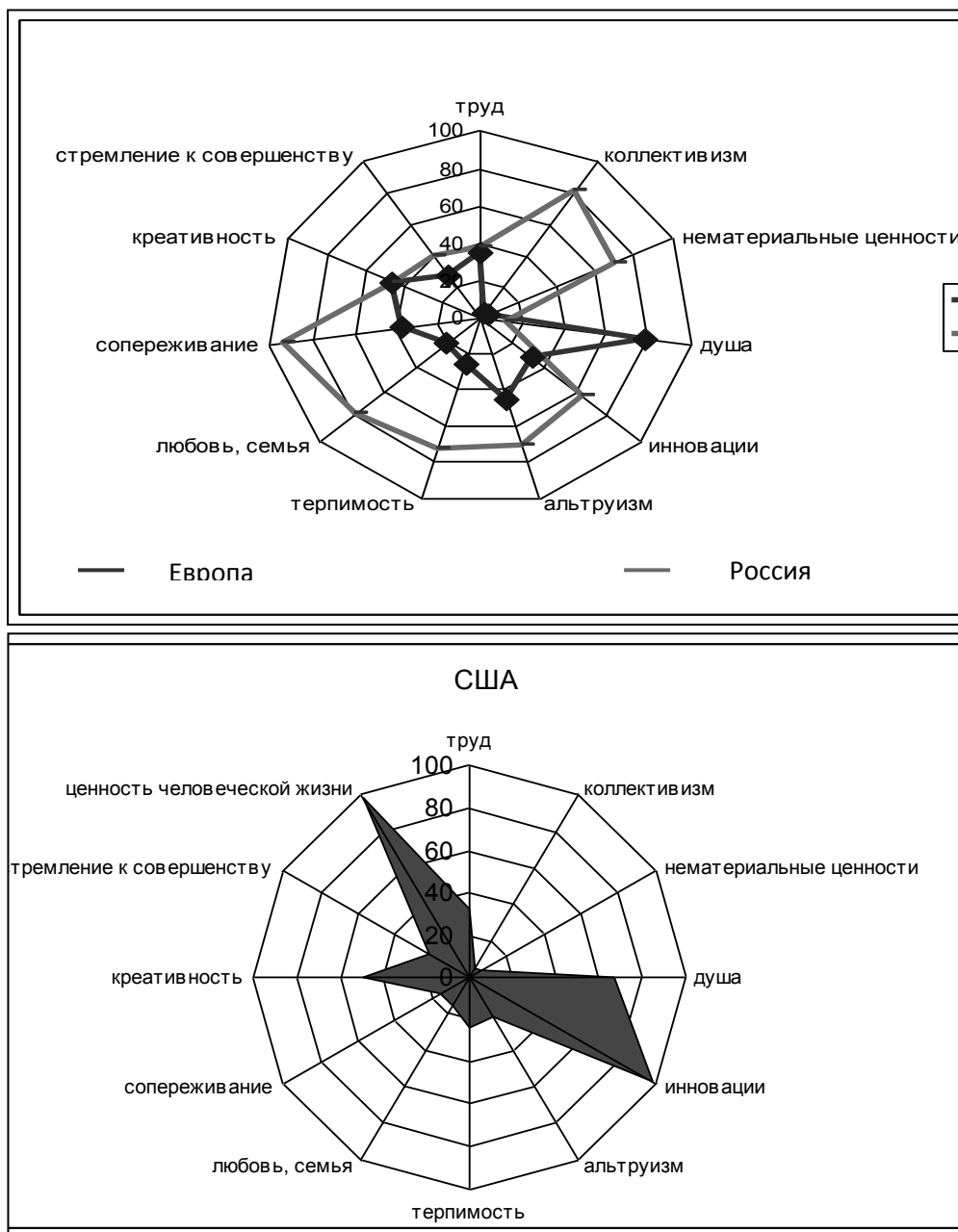

Рис. 13. Цивилизационные различия и сходства. Россия не Европа

цессы в общемировом масштабе и деци-
визационные процессы внутри самой
России, что вплоть до сих пор вело к по-
вышению однородности ценностей и мо-

делей поведения или, иными словами,
«включало» Россию в состав Евроатлан-
тики, вероятно, между нами есть суще-
ственные различия, лежащие на более

глубинном уровне. Он не исключает партнерство, но резко снижает возможности глубокой интеграции.

Если взглянуть на результаты наших исследований количественных цивилизационных портретов современных локальных цивилизаций, то вывод следует очень глубокий.

Но при этом Европа — это Америка

Если Европа и Америка соотносятся как материнская и дочерняя цивилизации (профили очень близки), то Россия не принадлежит к западной цивилизации. Россия — это самостоятельная цивилизация, и это нужно учитывать в построении доктрины Российской внешней политики в треугольнике ЕС — США — Россия.

В общем, задача выработки более точной стратегии внешней политики для России остается актуальной.

Что касается проанализированных острых проблем развития Евросоюза, то очевидно, что и ЕС, и Россия так и не используют все геополитические, экономические и иные ресурсы для гармонизации и достижения симметричности в эффективной результативности отношений двух макрорегионов.

Думается, что ключ к прорыву лежит в признании в обоих регионах (и в самой России!) и учете для формирования любых позиций в отношениях самостоятельности России как страны-цивилизации. Для официальной российской внешней политики это выглядело бы как новация.

ИНДИЯ КАК ОДИН ИЗ НОВЫХ ЦЕНТРОВ ГЛОБАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ¹

С.И. Лунев

Индия занимает очень прочные позиции в мировой политике. Авторитет страны на мировой арене продолжает серьезно расти, свидетельством чего являются ее включение в «двадцатку», переговоры о предоставлении стране места постоянного члена СБ ООН и о возможности ее включения в «восьмерку» и т.д.

С самого начала в Индии главной реальной стратегической целью внешней политики было определено превращение страны в мировую державу. Данная задача остается основополагающей для внешней политики страны уже на протяжении более 60 лет. С 1950-х гг. внешнеполитический курс является предметом «надпартийного» согласия, но это касается основных направлений и макрозадач, тогда как существуют расхождения в методах их достижения, что связано с политико-идеологическими платформами различных сил, и в первую очередь с глобальными изменениями.

Долгое время особое значение республика придавала укреплению отношений с другими развивающимися странами, и с самого начала ставилась цель превратиться в лидера национально-освободительного движения. Эта цель долгое время входила в число основных коэксистенциональных задач (обеспечение значительной роли в международной среде) индийской внешней политики. По данному типу целей существовала наибольшая близость позиций различных политических сил и слоев индийского общества. В 1960–1980-е гг. Дели постоянно занимал самые активные позиции по проблемам развития освободившихся стран, вел непримиримую борьбу против сохранения остатков колониализма в афро-азиатском мире и

агрессивной политики развитых держав в этой зоне, выступал против расовой дискриминации, за достижение реальной политической и экономической независимости развивающимися странами. Индийское правительство неизменно проводило гибкий, динамичный и независимый внешнеполитический курс, направленный на противодействие тем аспектам политики развитых держав, которые негативно влияли на интересы развивающихся стран. К 1980-м гг. Индия превратилась в признанного лидера зоны Юга и фактически имела статус выразителя интересов освободившихся стран.

Крах социалистической системы и биполярного устройства мира привел к потере Индией возможности играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ей существенную выгоду. Движение неприсоединения оказалось не в состоянии играть прежнюю роль, сколько бы глав правительств ни участвовало в общих форумах. Индия первоначально прилагала существенные усилия хотя бы для сохранения позиций Движения неприсоединения, которое всегда было одним из краеугольных камней внешней политики Республики в биполярный период, и Индия ранее рассматривала его как главный механизм повышения уровня своего воздействия на решение глобальных проблем. Постепенно Дели осознал, что перспективы этого коллективного органа дипломатии развивающихся стран значительно сузились, что усиления позиций в зоне Юга недостаточно для вхождения в «высшую мировую лигу». В результате значительно

ослабло стремление Дели укреплять свой авторитет среди развивающихся стран, а Индия фактически потеряла статус выразителя их интересов. Дипломатия страны стала гораздо более «точечной». В настоящее время Республика продолжает уделять особое внимание дальнейшему повышению своей роли в Южной Азии, при этом учитываются как проблемы национальной безопасности, так и необходимость усиления позиций в регионе в целях обеспечения адекватного своему политическому весу места в мировом сообществе.

Индия является классической региональной державой, если понимать под этим термином способность оказывать корректирующее воздействие на политику соседних стран с помощью преимущественно «мягкой силы». На долю Индии приходится 73,4% территории, около трех четвертей населения и более 85% валового национального продукта. Сходная ситуация существует и в военном отношении. Только Индия имеет со всеми другими странами региона общую сухопутную или морскую границу. Геополитические реалии играют огромную роль для системы межгосударственных отношений в регионе. Естественное доминирование одной страны в регионе предопределяет особенности региональной обстановки.

В биполярный период региональные державы появлялись в первую очередь в тех районах, где конфликтная взаимозависимость значительно перевешивала комплементарную. Асимметричность в Южной Азии предопределила неизменное стремление Индии защитить и упрочить свои доминирующие позиции. В республике считали, что стремление искать решение спорных вопросов двусторонних отношений на путях вынесения их на рассмотрение международных форумов и вовлечения внешних сил препятствует мирному политическому регулированию, укреплению региональной безопасности. Особенно категорически

страна выступала против привлечения государств глобального уровня. Соседи Индии, напротив, обычно не видели угрозы своей безопасности извне региона. Доминирование Индии вызывало недоверие к республике, порождало ощущение собственной беспомощности. Это приводило к активизации попыток соседних стран укрепить свое положение на региональной и международной арене путем опоры на великие державы, к стремлению выносить нерешенные вопросы в отношении с Индией на суд международной общественности (но практически безуспешно). Негативная взаимозависимость существовала и в экономической сфере. Были различны как уровень социально-экономического развития стран региона, так и их методы. Расчленение субконтинента в 1947 г. и связанные с этим событием обстоятельства разрушили экономические связи. Уже через четверть века в каждой стране были окончательно созданы собственные экономические структуры, ориентированные главным образом на внутренний рынок. Они не взаимодействовали, а существовали почти в полном отрыве друг от друга. Именно в Южной Азии особенно наглядно проявлялись становление и укрепление позиций региональной державы. В ее становлении, помимо политических, определенное значение, видимо, имели и другие факторы — экономические, культурные и даже конфессиональные.

Противоположная картина наблюдалась в регионах, где комплементарная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы. В их основе лежали, во-первых, рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов, во-вторых, наличие общего внешнеполитического противника и, в-третьих, отсутствие явного доминирующего центра. Не случайно первым регионом, где начался интеграционный процесс, ста-

ла Западная Европа, где особо четко прослеживалось наличие данных трех факторов.

В постбиполярный период два процесса регионализации — формирование региональных держав и укрепление региональных организаций — перестали столь очевидно противоречить друг другу. В результате Индия принимает самое активное участие в процессе укрепления Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), и ей, в некоторой степени, удалось приостановить негативные центробежные тенденции, возникшие в Южной Азии. СААРК, правда, до сих пор пока отличается от других региональных ассоциаций отсутствием консенсуса по проблемам внерегиональных, внутрирегиональных и внутристрановых источников угрозы региональной безопасности. Но весомым достижением организации стало создание механизма для проведения неформальных встреч и дискуссий лидеров стран, а стремление развивать внутрирегиональные экономические связи нашло отражение в создании зоны свободной торговли в Южной Азии (уже в 2008 г., на год раньше плана, Индия объявила о нулевых пошлинах для товаров наименее развитых стран региона). В целом экономическое сотрудничество со странами региона не является приоритетным для Индии: на СААРК в настоящий момент падает чуть более 2% всей торговли Индии (4,6% экспорта республики и 0,5% импорта). Но азиатский гигант стремится использовать экономические взаимосвязи, в условиях крайней заинтересованности в них целого ряда соседей, в первую очередь для реализации своих политических целей, хотя полностью нельзя отрицать и наличие чисто экономических составляющих.

После индийско-пакистанской войны 1971 г. Индия стала полностью доминирующей силой в Южной Азии. Правда, Пакистан, потерявший 15% территории, треть ВВП и половину населе-

ния (и обладавший уже лишь восьмой долей экономического и демографического потенциала соседа), оставался достаточно мощной державой и потенциальным соперником Индии в регионе. В 1980-е гг. Индия превратилась уже в одну из основных региональных держав Азии, а ее армия по качественному и количественному показателю стала реальной военной силой. Дели стал стремиться к тому, чтобы статус страны как азиатской державы, а не просто региональной, был признан всем мировым сообществом. Многие в Индии стали включать в понятие «регион» не только Южную Азию, но и весь бассейн Индийского океана (или, как заявляли пакистанские политики, стремились превратить Индийский океан в «Индийское озеро»). Уже в 1980-е гг. Индия стала придавать большое значение развитию взаимоотношений с прибрежными странами, используя, в частности, индийскую диаспору, которая в ходе всех трех волн миграции заселяла именно эту часть мира. Уже тогда было заметно усиление позиций Индии в южной и юго-западной части Индийского океана, где ее растущая военная и военно-морская мощь не угрожала жизненно важным интересам великих держав. Именно здесь и расположены менее развитые страны бассейна, и Индия могла заполнить вакантные низкотехнологические ниши в регионе и способствовать экономической и политической интеграции этих стран. Экономические связи Индии с этими государствами развивались, хотя и медленно, но по восходящей. Достаточно отметить, что у 17 из 27 стран, имеющих непосредственный выход в Индийский океан, Индия находилась в списке основных импортеров. Активно осуществлялся вывоз индийского капитала — государственного и частного, создавались совместные компании.

В новом веке Индия активизировала наращивание военно-морского потенциала в этом районе земного шара². Военно-морская стратегия Индии

2007 г., рассчитанная на пятнадцать лет, и Морская доктрина 2009 г. предусматривают резкое укрепление позиций Индии в Индийском океане. Существенно возросло количество совместных военноморских маневров Индии (с США, Россией, Великобританией, Францией, Австралией и т.д.), постоянно закупались и строились новые военные суда. Пока, правда, республика не может рассчитывать на доминирование в Индийском океане, но подобная цель уже поставлена.

Республика активизировала контакты в данной сфере со странами Восточной Азии — Сингапуром, Таиландом, Индонезией и т.д., что является одним из проявлений провозглашенной двадцать лет назад программы «Смотреть на восток», что подразумевало активизацию державы в Восточной Азии. В 1993 г. был официально учрежден секторальный диалог АСЕАН с Индией, а в 1995 г. республике был предоставлен статус полномасштабного партнера. В ноябре 2002 г. состоялся первый саммит АСЕАН + Индия. Индия была одной из 16 стран, участвовавших в первом восточноазиатском саммите, проведенном в Малайзии в декабре 2005 г. Стал функционировать форум «Меконг — Ганг», объединивший Индию и пять стран АСЕАН: Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам. В 1997 г. была образована организация БИМСТЕК, объединяющая Индию, Бангладеш, Шри-Ланку, Непал, Бутан, Мьянму и Таиланд, в целях осуществления совместных экономических проектов. На АСЕАН приходится почти 10% от всей торговли Индии, на страны Северо-Восточной Азии — более 14% (Китай — почти 9%, Японию — 2,5%). Растут инвестиции стран Восточной Азии в Индию.

В целом Восточная Азия становится все более важным политическим и экономическим партнером для Индии. При этом экономические связи республики с государствами региона активно развиваются, но по-прежнему находятся на до-

вольно низком уровне. Так, экономические отношения Индии с Японией носят в большей степени политический характер, чем имеют какую-либо реальную экономическую подоплеку. Во многом это связано с ориентацией Индии на внутренний рынок, что предопределяет известную экономическую обособленность страны. Практическое отсутствие экономической взаимодополняемости и сближения экономических интересов препятствует активному участию Индии в общеазиатской интеграции. Более того, республика стремится к ограничению внешних связей тех стран, на которые у нее есть существенные рычаги давления. В этих условиях в обозримом будущем Индия, продолжая развивать экономические взаимосвязи, особое значение будет придавать культурно-цивилизационным, военно-политическим и, прежде всего, политическим отношениям. Перспективы азиатского гиганта достаточно хорошие, учитывая, что все больше стран региона также начинают позитивно воспринимать Индию.

О намного большей «точечности» индийской дипломатии свидетельствует и создание «Форума диалога Индия — Бразилия — ЮАР». В последнем случае речь идет о региональных державах, к которым сейчас относится очень небольшое количество стран. В эту группу можно отнести Индию, Китай, Австралию, Бразилию и в какой-то степени Южную Африку (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX в. ряды региональных держав пополнились Россией. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло. В этом же ключе можно рассматривать и треугольник «Россия — Индия — Китай» и четырехугольник «Бразилия — Россия — Индия — Китай». Что касается первой организации, то пока концепция развития связей между тремя гигантами не имеет четкого наполнения, не ясны

ни масштабы и рамки взаимодействия, ни направленность треугольника. Существует много проблем даже в двусторонних отношениях, особенно китайско-индийских. Однако нельзя отрицать, что есть весьма значительные предпосылки для существенного сближения трех стран, прежде всего, рост исламистского экстремизма и радикализма и возможность установления однополярного мира, неприемлемая ни для одной из них. Гегемония Севера отвергается азиатскими гигантами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для Китая и Индии независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Не случайно, что позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования КНР и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия вышла на третье место среди основных держав мира (меньше расхождений у КНР лишь с Ираном и Мексикой). Полностью совпали позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; только Россия голосовала аналогично с Китаем чаще, чем Индия, по международной безопасности³.

В гипотетическом треугольнике наиболее слабой составляющей являются индийско-китайские отношения. Несмотря на наличие многих острых проблем, анализ китайско-индийских отношений показывает позитивную динамику развития. За 2002–2011 гг. уровень двусторонних связей повысился, и многие вопросы нашли свое разрешение. Вместе с тем по-прежнему существуют факторы, оказывающее негативное воздействие на индийско-китайские отношения. Среди основных факторов, ограничивающих связи Китая и Индии следует выделить: пакистанский фак-

тор (Индия по-прежнему расценивает Китай в качестве союзника Пакистана); китайско-пакистанское военное сотрудничество, особенно в ядерной сфере; противоречия в отношении укрепления военно-политических связей азиатских гигантов в сопредельных странах; опасения, что военный потенциал (прежде всего, ядерно-ракетный) соседа будет направлен против них; пограничная проблема; внешнеполитический курс США (китайское руководство не может не опасаться перспективы образования «антикитайского блока», что явно прослеживается в действиях США, а индийские лидеры довольно умело маневрируют в сложившихся условиях). Все негативные факторы являются производным от базового противоречия — соперничества двух государств.

Наиболее вероятным на ближайшее десятилетие представляется сохранение статус-кво в индийско-китайских отношениях: постепенное развитие связей и продолжение процесса их «вялотекущей» нормализации. Резкое улучшение возможно в случае актуализации двух угроз — со стороны Севера и исламского мира. Снижение уровня отношений произойдет при определенном затухании данных факторов. Тогда на первый план выйдет скрытое соперничество азиатских гигантов. В плане конкретной политики Пекин заинтересован в нормализации двусторонних отношений, неприсоединении Индии к планам по «окружению» Китая, ослаблении давления на Пакистан, своего союзника, и укреплении экономической подсистемы. КНР вряд ли будет отказываться от использования «третьих стран» в качестве основного рычага давления на Индию, чьи южноазиатские соседи готовы всемерно расширять связи с Пекином. Такие государства, как Пакистан и Бангладеш, значимы для Китая и в плане улучшения взаимопонимания со всем исламским миром. Для Индии наиболее важны решение пограничной пробле-

мы, ослабление китайско-пакистанских, прежде всего военно-политических, связей, развитие континентальных внутренних районов вдоль границы с Китаем, отказ Пекина от создания препятствий для упрочения отношений Индии с восточноазиатскими государствами. Главный инструмент Дели в качестве давления на КНР — связи с США и в какой-то степени с Японией.

Китай и особенно Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как основного стратегического противника в Азии, а возможно, и в мире. Большая часть индийской элиты полагает, что в более далекой перспективе азиатские гиганты могут вступить в прямое противоборство. Еще в биполярный период в Индии озвучивалась военная концепция о необходимости быть готовым к одновременному ведению «полтора войн» — с КНР и Пакистаном. В начале 2010 г. об этой стратегии вновь открыто заговорили: начальник Генерального штаба индийской армии Дипак Капур, правда, назвал ее войной «на два фронта»⁴ (по-видимому, наличие ядерного оружия повысило статус Пакистана в глазах индийских военных). При этом принципиальных противников совместных действий в ближайшие 10–15 лет немного.

Важнейшим направлением внешней политики Индии являются также взаимосвязи с США. В новом веке резко увеличилось количество визитов официальных представителей США в южноазиатское государство. Был провозглашен «стратегический диалог» между Индией и Соединенными Штатами, а эксперты заговорили о возможности создания треугольника Вашингтон — Токио — Дели. Возобновились проведение совместных военно-морских учений в Индийском океане (в них стали принимать участие уже и атомные подлодки). Обращают на себя особое внимание совместные американо-индийские военные учения в Ладакхе и Мизораме (ря-

дом с границами Китая). Были приданы дополнительные импульсы американо-индийскому сотрудничеству в военно-политической сфере. Были созданы двусторонние координационные комитеты между видами войск. Проводились переговоры о продаже Индии новейшего военного оборудования. Регулярно осуществлялись встречи совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом, в посольствах двух стран начали работу специальные отделы, занимающиеся данным вопросом; проводятся и совместные консультации по Афганистану.

С середины 2005 г. начинается новый этап укрепления взаимосвязей. В июле 2005 г. Манмохан Сингх в Вашингтоне начал переговоры с Дж. Бушем о подписании соглашения по атомной энергетике. Прорыв в ядерной сфере имеет столь большое значение для Дели, что зимой 2006 г. Индия изменила позицию и проголосовала в МАГАТЭ за критическую оценку иранской ядерной программы после публичной угрозы США отказаться от ядерной сделки с азиатским гигантом⁵. В марте 2006 г. во время визита Дж. Буша в Индию соглашение было подписано. Одновременно президент США предложил Дели приобрести 125 многоцелевых истребителей F-16 и F-18. Проводятся переговоры о продаже Индии новейшего военного оборудования. Первая крупная сделка была осуществлена уже в начале 2008 г., когда было достигнуто соглашение о покупке Индией в США шести военнотранспортных самолетов C-130J «Супер Геркулес» на сумму более 1 млрд долл.

В рамках попыток создать «стратегический четырехугольник» США — Япония — Австралия — Индия (получивший название «союза крупнейших демократий») с 2007 г. стали проводиться чрезвычайно масштабные военно-морские учения «Малабар» в Бенгальском заливе, в которых принимали участие ВМФ четырех стран (и Сингапура).

Администрация США отрицает, что развитие американо-индийских связей

нацелено на сдерживание Китая, однако бесспорно, это стремление присутствует у Вашингтона. Как отмечала ведущий эксперт США по Южной Азии Т. Шаффер, «хотя резко укрепившиеся индийско-китайские отношения являются фактором мира и стабильности в Азии... подъем Китая определяет необходимость для США расширять сеть за пределами своей традиционно сильной опоры в Восточной Азии»⁶. Со сходными заявлениями выступают и некоторые индийские политики. Так, в ноябре 2005 г., заместитель министра иностранных дел Индии Шьям Саран заявил, что «Индия и США могут внести вклад в обеспечение лучшего баланса сил в азиатском регионе»⁷. Американские военные демонстрируют гораздо больше откровенности. В феврале 2006 г. министерство обороны США в опубликованном ежеквартальном обзоре, по существу, объявило своей целью превращение Индии в «фактического» союзника в целях завершения процесса окружения Китая. Министерство иностранных дел КНР заявило, что обзор является «серьезным искажением» фактов⁸.

Внутриполитическая ситуация противоречиво воздействует на политический курс Дели в отношении единственной сверхдержавы. С одной стороны, начавшаяся с 1960-х гг. третья (современная) волна индийской миграции привела к тому, что в индийской элите осталось мало людей, не имеющих родственников или ближайших друзей в США. В Индии появились лидеры, призывающие ориентироваться исключительно на Соединенные Штаты и бросающие вызов сторонникам традиционного независимого курса, что может привести к разрушению сорокалетнего консенсуса по внешней политике. С другой стороны, как и большинство правых националистических организаций мира, Бхаратия Джаната парти стала занимать более критические позиции в отношении США, а Индийский национальный конгресс удерживал

в 2004–2009 гг. власть только благодаря поддержке левоцентристов, среди которых коммунисты составляли большинство. КПИ (м) и КПИ однозначно выступают за укрепление индийско-китайских отношений и ограничение связей с Соединенными Штатами (во время визита Дж. Буша левые организовали антиамериканские митинги протеста, в которых приняли участие десятки тысяч человек⁹). После выборов 2009 г. ИНК не нужна поддержка «третьего фронта», но в Дели осознали (о чем премьер-министр Индии Манмохан Сингх говорил в Москве в декабре 2009 г.), что Вашингтон не рассматривает ни одну страну как равноправного партнера, а в Индии продолжение независимого внешнеполитического курса считается по-прежнему крайне значимым для повышения статуса страны. Именно в целях недопущения установления однополярного мира республика еще в прошлом веке начала прорабатывать возможности сближения не только с Китаем и Россией, но и с Японией, Европейским союзом (правда, участие европейских стран в агрессии против Югославии в 1999 г. вызвало сомнения в Индии по поводу реальной независимости Западной Европы¹⁰) и странами Юго-Восточной Азии.

По всей видимости, индийские лидеры продолжают довольно умелое маневрирование в сложившихся условиях, пользуясь опытом 1960-х гг., когда Индия одновременно была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии и от США, и от СССР, и помня опыт 70-х годов, когда крен в сторону одной из сверхдержав негативно сказался на международных позициях Индии.

В настоящий момент идет процесс улучшения двусторонних индийско-американских отношений, весьма позитивны для Индии перемены во внешнеполитическом курсе США в Южной Азии. Однако на глобальном уровне происходит все-таки рост (пока латентный) конфликтного потенциала между дву-

мя странами, связанный с весьма существенными расхождениями по вопросам геополитики и геоэкономики.

Индия выступает как стратегический партнер России и по объективным причинам является ее естественным и надежным союзником. Можно говорить о близости подходов Москвы и Дели к фундаментальным проблемам развития, об определенной общности структур цивилизационных ценностей. Обе страны многонациональны и поликонфессиональны, что диктует необходимость общего подхода к проблемам «самоопределения», терроризма и сепаратизма как в самих этих государствах, так и во всем мире. Во внешнеэкономической сфере обе страны стремятся к интеграции в мировое хозяйство, к повышению своей конкурентоспособности, проводя при этом политику протекционизма в том, что касается собственного производства. Успешно развивается военно-политический аспект российско-индийских отношений. Существенно активизировался обмен визитами высших военных должностных лиц, подписана серия контрактов о закупке российской военной техники или о строительстве в Индии заводов по ее производству по российским лицензиям (речь идет о новейших боевых кораблях, подводных лодках, самолетах, танках, комплексах ПВО, артиллерийских установках и т.д.). Индия, наряду с Китаем, является основным импортером российского вооружения, и на ее долю приходится до трети российского экспорта в данной сфере. В последнее время решено выйти на иной уровень — совместное проектирование новой техники, в том числе авиации, систем ПВО, боевых кораблей и подводных лодок. Бесспорно, в этой сфере возникают и сложности. Россия в 2011 г. была крайне недовольна проигрышем тендера на поставку 126 многофункциональных истребителей (США, правда, тоже выбыли из тендера) и стремлением Индии закупать запасные

части к российскому вооружению у третьих стран.

Проблемными остаются торговые отношения. Более 70% российского экспорта в Индию приходится на черные и цветные металлы, удобрения и серебро. Почти три четверти индийского экспорта падают на сельскохозяйственные и продовольственные товары, медикаменты и текстильные изделия. Резко упал товарооборот, который только в 2009 г. вышел на уровень 1990 г. Правда, ставится цель увеличить объем торгового оборота до 20 млрд долл. к 2015 г., хотя это и будет крайне сложно. Российская сторона постоянно отмечает существенные экспортные ограничения, накладываемые индийской стороной (в отдельные годы Индия входила в тройку стран, проводивших наибольшее количество антидемпинговых расследований в отношении российской металлургии). Восстановление прежнего уровня политического доверия между Москвой и Дели сталкивается со значительным сужением возможностей правительств влиять на динамику внешнеэкономических связей, которые у обеих стран ориентированы на США, Европу и Восточную Азию.

Но есть другие, крайне привлекательные сферы экономических отношений. Привлекательно выглядит перспектива соединения российской научной с индийской инженерной мыслью. В этом направлении сейчас началось создание совместных предприятий. Очень перспективными представляются взаимные инвестиции. Для индийской стороны приоритетна нефтегазовая сфера. Российские компании проявляют все больший интерес к телекоммуникационному и информационному сектору индийской экономики, энергетике, нефте- и угледобыче, металлургии. Российские предприятия активно участвуют в создании и расширении индийской инфраструктуры, включая строительство автомагистралей, модернизацию и реконструкцию металлургических объектов. Россия

рассчитывает на получение крупных контрактов на строительство общенациональных автомагистралей и метрополитенов. Крайне важным направлением представляется сотрудничество по созданию международного транспортного коридора «Север — Юг». По-видимому, главной в деле экономического сотрудничества обеих стран должна стать энергетика, в том числе и ядерная.

Статусу великой державы соответствует и место Индии в мировой экономической системе. За последние полвека особо впечатляющих успехов республика добилась в социально-экономической сфере. С 1991 г. в Индии осуществляется экономическая либерализация. В ее рамках произошел отказ от лицензирования (до этого необходимо было получить согласие бюрократии даже на расширение производства) и приоритетности развития государственного сектора; существенное расширение позиций частного капитала (уже в 1996 г. доля частного сектора в ВВП поднялась до 75% — с 41% в 1981 г.); постепенный отход от принципов протекционизма; ускорение приватизации; улучшение инвестиционного климата для иностранных капиталовложений и т.д. Экономическая реформа привела к существенному росту экономики. Средний ежегодный рост ВВП в Индии составил в первой половине 1990-х годов — 3,8%,¹¹ в 1995–2000 гг. — 6,5%¹², в первой половине нового века — 6,4%. Последние пять лет Индия развивалась еще более высокими темпами: в 2004 г. — 7,4%, в 2005 г. — 7,2%, в 2006 г. — 8,5%, 2007 — почти 10%, 2008 г. — 6,2%, 2009 г. (в условиях мирового экономического кризиса) — 6,8%, 2010 г. — 10,4 (5-е место в мире). В 2007 г. ВВП Индии, исчисленный по паритету покупательной способности, был равен 3 трлн долл., в 2008 г. — 3,45, а 2009 г. — 3,68, в 2010 г. — 4,06 (по официальному обменному курсу — 1,54 трлн долл.)¹³. Японию Индия по ППС, видимо, должна обогнать по итогам 2011 г. (ВВП Японии по ППС в 2010 г. был ра-

вен 4,31 трлн долл.)¹⁴. Прогнозы о дальнейшем росте южноазиатской страны на 5–5,5% на душу населения в год являются средневзвешенными. Еще в конце 1990-х гг. специалисты из Гарварда предсказывали, что ежегодный прирост ВВП на душу населения будет равняться в течение 30 лет 5,5%¹⁵. А эксперты из компании Pricewaterhouse Coopers в 2006 г. поставили Индию на первое место в мире по темпам роста до 2050 г. В 2008 г., правда, данный долгосрочный прогноз был обновлен, оценки потенциала роста индийской экономики (как и китайской) были снижены: эксперты ожидают, что ВВП Индии в 2050 г. составит 88% от ВВП США (ранее полагалось, что они сравняются)¹⁶.

Своеобразно положение Индии в мировой экономике. В 1980–1990 гг. наблюдалась парадоксальная ситуация: доля Индии в мировом ВВП стала увеличиваться, а в мировой торговле и движении капитала продолжала сокращаться (в 1950 г. на страну приходилось 2% мирового экспорта, в 1960 г. — 1%, а в 1990 г. — лишь 0,5%¹⁷). Доля Индии в мировой торговле в середине 1990-х гг. составляла 0,6%, а в 2000 г. даже меньше¹⁸. В новом веке объем внешней торговли, правда, существенно вырос (до 189,3 млрд долл. в 2005 г. и 528 млрд долл. в 2010 г.), темпы роста оказались значительно выше, чем в предыдущие годы. В результате доля Индия в мировом экспорте и импорте вновь возросла, и в 2010 г. она составила 1,7% (а доля в мировой экономике — 5%)¹⁹. Страна занимает 13-е место в мире по импорту и 23-е — по экспорту²⁰.

Таким образом, в целом роль внешней торговли для Республики весьма незначительна, так же как и зарубежные капиталовложений в индийскую экономику. На рубеже 1990-х гг. прямого иностранного инвестирования в Индию практически не существовало, а на рубеже столетий оно оценивалось в размере 2–3 млрд долл. в год, что, безуслов-

но, выглядело не очень впечатляюще для страны, уже ставшей четвертой по экономической мощи державой мира. В 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США)²¹, а в 2005 г., в соответствии с Индексом инвестиционного доверия А.Т. Керни, — второй державой (правда, в 2010 г. — она вновь слегка уступила США²²). Прямые иностранные инвестиции в Индию резко возросли за последнее время (с 7 млрд долл. в 2004 г.²⁴ до 42 млрд долл. в 2008 г.²⁵). Однако последняя цифра составляла лишь чуть более 1%. Индия предпочитает закупать технологии для использования в системе импортозамещения. Иностранные компании по-прежнему используют в работе с Индией, прежде всего, лицензирование и контракты на предоставление услуг из-за сохраняющихся ограничений на ПИИ и резкого усиления возможностей местных субподрядчиков. Сохраняются и такие проблемы, как бюрократические препоны, коррупция, недостаточно развитая инфраструктура.

Анализ экономической реформы в Индии показывает, что ее основной ход, как и в Китае, в целом характеризуют эволюционность и постепенность, имманентно присущие индийской цивилизации, несогласие с диктатом Севером и отказ идти у него на поводу. Страна пыталась сопротивляться тем аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран (при этом Индия, конечно, крайне заинтересована в дальнейшем укреплении экономических и технологических связей с США и другими странами Севера). При нарастании различий между развитыми странами, между основными центрами — США, Западной Европой и Японией, все они в высшей степени заинтересованы в консервации своего господствующего положения в системе международных экономических и политических отношений,

и значительно сильнее, чем когда-либо. Для сохранения благосостояния своего общества, для избежания внутренних потрясений Северу крайне необходимо полное открытие экономик переходных и развивающихся стран для движения финансов и товаров (при отсутствии свободного рынка труда). Однако Индия не пошла на полное «открытие» своих экономик. Республика может предложить миру только «привлекательность» (огромный открывающийся рынок), а не «соревновательность». В «Докладе о мировой конкурентоспособности», подготовленном к Мировому экономическому форуму в Давосе в 1997 г., Индия из 49 основных держав была поставлена лишь на 45-е место²⁶. В дальнейшем, правда, Индия продвинулась вперед: в 1999 г. ее поставили на 42-е место, а в 2000 г. — на 37-е²⁷. Однако в Докладе за 2009/2010 г. Индия оказалась лишь на 49-м месте (уже из 133 стран), но впереди Бразилии (56-е место), Мексики (60-е место), Турции (61-е место) и России (63-е место)²⁸, а в Докладе за 2010/2011 г. — уже только на 51-м²⁹.

Однако слабо интегрированная в мировую экономику, полузакрывая и непривлекательная для иностранных инвесторов Индия показывает высокие и довольно стабильные темпы экономического роста. Огромный внутренний рынок, появление весьма существенного массива населения, потребляющего по европейскому стандарту (140–150 млн человек³⁰), позволяют Республике добиваться значительных успехов без широкой интеграции в мировое хозяйство. При огромном населении (к 2030 г. Индия должна выйти на первое место по его численности), далеко не полностью освоенных внутренних ресурсах и значительной численности незанятого населения, а следовательно, больших возможностях расширения внутреннего рынка, лишь какие-то экстремальные обстоятельства могут привести к длительному замедлению ее роста. Основой роста

ВВП в Индии остаются внутренними источниками. В стране существует консенсус в плане понимания того, что мировой гигант не в состоянии решать основные экономические проблемы, опираясь преимущественно на экзогенные факторы, но он может и должен их использовать в целях эндогенного развития.

Пример Республики показывает, что опора на внутренний рынок — неважно, при росте экспортной квоты или при ее падении, — в состоянии привести к обеспечению устойчивости экономического развития крупного государства. В Индии достаточно хорошо осознают, что мировой гигант не в состоянии решить основные вопросы своего развития, опираясь преимущественно на внешние факторы, но может их использовать. Быстрый прогресс Индии особенно заметен на фоне кризисных явлений в ряде развитых, новоиндустриальных и транзитных стран. Представляется, что в современном мире впечатляющих социально-экономических успехов страна может добиться, только если выбирается стратегия развития, применяющая достижения и опыт Севера, но при использовании и строгом учете цивилизационных особенностей данной страны.

С военной точки зрения, Индия является одной из крупнейших военных держав мира (около 1,2 млн военнослужащих, 3-е место в мире). Военный бюджет на 2010/2011 финансовый год составил 34,8 млрд долл. (1 трлн 911 млрд рупий)³¹, что более чем в два раза выше, чем 15 лет назад. Правда, он составляет по-прежнему около 2,8% ВВП, а по данным СИПРИ, южноазиатская страна занимала лишь 10-е место в мире по расходам³² (следует, конечно, учитывать, что расходы оценивались по официальному обменному курсу, а по покупательной способности они будут существенно выше). На вооружении Индии находится около 3,5 тыс. танков (включая Т-90С³³), 3200 артиллерийских систем, око-

ло 1500 боевых самолетов (включая СУ-30МКІ и различные модификации МиГов). Уже к началу века индийский ВМФ (56 тыс. моряков) считался по мощи шестым в мире³⁴. В его составе было 169 боевых кораблей, включая 1 авианосец (в 2012 г. Индия получит модернизированный «Адмирал Горшков» от России, а в 2017 г. планируется достроить свой авианосец), 8 эсминцев (еще три сооружаются в республике), 12 фрегатов (три фрегата строятся в России и три — в Индии), 16 подводных лодок (еще 6 были заказаны у Франции; в 2009 г. состоялся спуск на воду первой индийской атомной подводной лодки, которая будет принята на вооружение в 2011 г.), 24 корветов (16 — в процессе сооружения в Индии), а также другие корабли.

Часть техники устарела, но в Индии осуществляется крупномасштабная и амбициозная программа модернизации вооружения, в том числе с помощью импорта вооружения, который составил в 2007–2010 гг. 19,729 млрд долл. (в 2010 г. — на 3,756 млрд долл.³⁵). По этому показателю страна заняла второе место в мире. Основным экспортером выступает Россия, на долю которой в 2008 г. пришлось 71% закупок Индии в данной сфере³⁶.

Индия является ядерной державой. В 1964 г. (после смерти принципиального противника ядерной программы Дж. Неру и испытания ядерного оружия в Китае) премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри дал указание начать осуществление ядерной программы. Первый свой ядерный взрыв Индия осуществила еще в мае 1974 г. (официально индийское правительство заявило о мирных целях эксперимента, но мировое сообщество не поверило заверениям). По некоторым сведениям, индийские ученые хотели испытать также и водородную бомбу, с чем была готова согласиться Индира Ганди, но ее советники отговорили премьер-министра от подобного шага, поскольку подобное испы-

тание никак не могло осуществляться в мирных целях.

Индия открыто отказалась подписать Договор о нераспространении ядерного оружия еще в мае 1983 г. по трем причинам: из-за нежелания соглашаться со статусом второразрядной державы; из-за стремления избежать международного контроля над своей деятельностью в ядерной сфере; из-за опасений по поводу ядерной политики Китая. Неудачей заканчивался до сих пор и американский нажим на Пакистан с целью убедить подписать Договор о нераспространении ядерного оружия. Пакистанские власти объявляют, что Пакистан согласится, если Индия также пойдет на этот шаг. Индийское же правительство разъясняет, что подобное неприемлемо для Индии (и правящим кругам Пакистана это хорошо известно), так как угроза ее безопасности исходит не только от Пакистана. В 1974 г. Пакистан предложил объявить Южную Азию зоной, свободной от ядерного оружия. Индия до сих пор отказывается от этого предложения. Главный ее аргумент — Южная Азия не может быть искусственно вычлена из всей Азии и нет никакого смысла объявлять ее зоной, свободной от ядерного оружия, когда Китай не только обладает мощным ядерным арсеналом, но и построил специальные шахты для баллистических ракет средней дальности в Тибете. Другим аргументом индийского правительства, потерявшим сейчас свое значение, было отсутствие в Южной Азии региональной организации, необходимой для подписания подобного соглашения. В 1978 г. Индия выдвинула еще один аргумент: сама концепция зон, свободных от ядерного оружия, неприемлема, потому что узаконивает обладание ядерным оружием великими державами и, таким образом, увековечивает различия между ядерными и неядерными странами.

Испытание трех ядерных устройств в стране 11 мая 1998 г. (а затем еще двух — 13 мая) вновь привлекло внимание всей

мировой общественности к Южной Азии. Это событие было связано с приходом к власти в Индии Бхаратия Джаната парти, которая заняла более воинственные позиции в отношении ядерной военной программы, чем предшествовавшие правительства. По всей видимости, данное решение (оно было осуществлено менее чем через два месяца после прихода партии к власти) было вызвано тремя обстоятельствами: индийские правящие круги неизменно связывают постоянное членство в СБ ООН с обладанием ядерным оружием и средствами его доставки, существуют опасения по поводу ядерной политики Китая (в Индии не могли игнорировать 50–60 ядерных ракет, которые были расположены в Тибете и могли быть нацелены, как полагали индийские эксперты, исключительно на юг, и совершенствование ядерного оружия в Китае) и осуществления ядерной программы в Пакистане. Следует отметить, что известие об испытаниях было встречено в Индии с ликованием. В настоящий момент Индия, по различным оценкам экспертов, имеет от 30 до 100 ядерных боезарядов.

Активно развивается и ракетная программа в Индии. Уже 15 лет назад на вооружение индийской армии стали поступать тактические ракеты «земля — земля» «Притхви» (с дальностью полета на 150 км и 250 км), которые могут нести ядерное оружие и хранятся вдоль границ с Пакистаном, а для их разворачивания потребуются лишь несколько часов. В стране осуществляется и программа по созданию ракет средней дальности «Агни». «Агни-3» (дальность полета — 3500 км) вскоре начнет поступать на вооружение индийских вооруженных сил, заканчиваются испытания «Агни-5» (с дальностью полета более 5000 км³⁷). Есть сообщения, что Дели также намеревается создать межконтинентальную баллистическую ракету «Сурья» с дальностью полета от 8 до 12 тыс. км.

Ядерную позицию южноазиатской страны трудно назвать конструктив-

ной. Даже само стремление к обзаведению ядерным оружием имеет чрезвычайно серьезные последствия: это не только угроза региональной безопасности, но и подстегивание ядерных амбиций других «пороговых стран».

Что касается культурно-цивилизационной сферы, то близость индийской политической системы к западной позволяет американским президентам во время их визитов в Индию называть страну «самой большой демократией в мире». На Западе полагают, что распространение политико-экономических и этико-духовных ценностей Индии в странах не-Запада будет способствовать укреплению процесса демократизации. Индийская модель развития достаточно близка для политиков и экспертов развитых стран, которые в целом приветствовали бы победу Индии в «соревновании» с Китаем и другими центрами незападного мира.

Анализируя цивилизационные факторы, обосновывающие претензии Индии на мировое лидерство, следует учитывать еще одно обстоятельство. У индийцев (как и у китайцев) нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Севера. Его не было ни в период английского господства, ни в начальные годы после достижения страной независимости. Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран формирует определенный комплекс превосходства над европейской цивилизацией.

Культурно-цивилизационные особенности индийского общества способ-

ствуют укреплению позиций азиатского гиганта и в том плане, что ряд школ философии издавна придавали большое значение человеку, его гармоничному совершенствованию и развитию моральных идеалов. Для индийского общества в целом никогда не были характерны избыточная агрессивность и нетерпимость, свойственные некоторым другим восточным цивилизациям. Общая история и единство задач, проистекающее из неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это способствует тому, что другие региональные державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия, Южная Африка и пр.) с геополитической и психологической точек зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом. Нынешняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда пока препятствует образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга препятствия будут постепенно устраняться.

Таким образом, Индия, бесспорно, уже вошла в состав мировых держав и превратилась в особую подсистему международных отношений. Вместе с США и Китаем она является наиболее вероятным кандидатом на статус глобального центра влияния, и, скорее всего, будущее мира будет определяться развитием отношений в треугольнике США — Китай — Индия. Россия, Европейский союз и Япония имеют возможность стать частью новой геометрической фигуры, но это во многом будет зависеть от их политической воли и динамики экономического развития.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 12-03-00538а.

² Премьер-министр Индии Манмохан Сингх считает, что «повышение международного статуса Индии усиливает ее стратегическое значение в регионе от Персидского залива до Малаккского пролива» (Freedom to use the seas: India's maritime military strategy. New Delhi: Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy), 2007. P. 4).

³ Жирнов Д.А. Внешнеполитическое сотрудничество России и Китая в контексте формирования постбиполярной модели международных отношений // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2004. С. 242, 246, 250, 256 [Zhirnov D.A. Vneshnepoliticheskoe sotrudnichestvo

- Rossii i Kitaya v kontekste formirovaniya postbipolyarnoj modeli mezhdunarodnikh otnoshenij // Severo-Vostochnaya i Tsentral'naya Aziya. Dinamika mezhdunarodnikh i mezhregionalnikh vzaimodejstvij / ed. by A.D. Voskresenskij. M.: ROSSPEN, 2004. P. 242, 246, 250, 256]
- ⁴ Subramanian N. Gen. Kapoor's Remarks Generate Heat in Pakistan // The Hindu. 05.01.2010.
- ⁵ Блинов А. Ядерные технологии для Индии // Независимая газета. 21.02.2006. [Blinov A. Yadernye tekhnologii dlya Indii // Nezavisimaya gazeta, February 21, 2006].
- ⁶ President Bush trip to India. Press Briefing. Centre of Strategic and International Studies, Wash., 24.02.2006, Federal News Service, Inc., Wash., 2006. P.5.
- ⁷ Цит.по: Jacob J.T. Indo-US Nuclear Deal: The China Factor. IPCS Special Report, New Delhi, 14 March 2006. P. 2.
- ⁸ Cherian J. The China Factor// Frontline. Feb. 24 — Mar. 10, 2006, Vol. 23, No. 4.
- ⁹ Скосырев В. Третья держава мира // Независимая газета — Дипкурьер, 27.03.2006 (Skosyrev V. Tretya derzhava mira // Nezavisimaya gazeta — Dipkurjer. March 27, 2006). Еще активнее в Индии выступают против американо-индийских учений. Так, в ноябре 2005 г. в штате Западная Бенгалия, контролируемом коммунистами, в митингах протеста против военно-воздушных учений приняло участие более миллиона человек (Chattopadhyaya S.S. Against a Defence Alliance // Frontline, Nov. 05—18, 2005, Vol. 22, No. 25).
- ¹⁰ Интересно, что первоначально предложение о создании треугольника, озвученное Е.М. Примаковым в 1998 г. как раз в Дели, было холодно встречено индийской элитой, но сразу после начала варварских бомбардировок Сербии премьер-министр А.Б. Ваджапайи заявил о необходимости его срочного претворения в жизнь.
- ¹¹ Pioneer (New Delhi), 25.02.1998. P. 13.
- ¹² Asian Development Outlook. Different Issues, 1998—2009. URL: <http://www.adb.org/Documents/Books/ADO/> (accessed July, 12, 2012).
- ¹³ CIA The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html> (accessed July, 12, 2012)
- ¹⁴ CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html> (accessed July, 12, 2012)
- ¹⁵ Radelet S., Sachs J. Asia's Reemergence // Foreign Affairs. 1997 (Dec.). Vol. 76. N 6. Nov. P. 51.
- ¹⁶ Бутрин Д. Подготовлен очередной прогноз развития крупнейших экономик на 2050 год // Коммерсантъ, 05.03.2008 [Butrin D. Podgotovlen ocherednoj prognoz razvitiya krupnejshikh ekonomik na 2050 god // Kommersant. March 5, 2008].
- ¹⁷ Murthy P. A. N. India and Japan. Dimensions of Their Relations. Economic and Cultural. New Delhi: Lancers Books, 1993, p. 481; Ahluwalia I. J., Little I. M. D. Introduction // India's Economic Reforms and Development / Ed by I. J. Ahluwalia and I. M. D. Little. New Delhi: Oxford University Press, 1998. P. 4.
- ¹⁸ Economic Survey. Government of India, Ministry of Finance, Economic Division. Different Issues, Delhi, 2000-2001.
- ¹⁹ CIA The World Factbook .URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html> (accessed July, 12, 2012)
- ²⁰ CIA The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html> (accessed July, 12, 2012)
- ²¹ World Investment Report. 2005 Transnational Corporations and the Internationalization of R&D. United Nations Conference on Trade and Development. New York and Geneva: United Nations, 2005. P. 34.
- ²² См. Foreign Direct Investment (FDI) Confidence Index — URL: <http://www.atkearney.com/index.php/Publications/foreign-direct-investment-confidence-index.html> (accessed July, 12, 2012)
- ²³ World Investment Report. 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. United Nations Conference on Trade and Development. New York and Geneva: United Nations, 2009, p.34. На четвертое и пятое места после Китая, США и Индии ЮНКТАД поставила Бразилию и Россию (p. 38).
- ²⁴ World Investment Report..., 2005, p. xxi.
- ²⁵ World Investment Report..., 2009, p. 51.
- ²⁶ Sahni V. India as a Global Power: Capacity, Opportunity and Strategy // Indian Foreign Policy: Agenda for the 21st Century. New Delhi: Konark, 1997, vol. 1. P. 26.
- ²⁷ Индийский вестник (Москва), № 1-2, 2001, с. 15 [Indijskii vestnik (Moscow), No. 1-2, 2001, P. 15].

- ²⁸ The Global Competitiveness Report. 2009–2010 / ed. by Klaus Schwab. World Economic Forum: Geneva, 2009. P. 10.
- ²⁹ The Global Competitiveness Report. 2010–2011 / ed. by Klaus Schwab. World Economic Forum: Geneva, 2010. P. 15.
- ³⁰ Западные оценки. Индийские эксперты пишут о 300–350 млн человек.
- ³¹ Сайт SIPRI. URL: <http://milexdata.sipri.org/result.php4> (accessed July, 12, 2012); Annual Report. 2008–09. Ministry of Defence Government of India. Delhi: 2009. P.18.
- ³² SIPRI Yearbook. 2009. Armaments, Disarmament and International Security. Summary — <http://www.sipri.org/yearbook/2009/files/SIPRIYB09summary.pdf> (accessed July, 12, 2012).
- ³³ Первый контракт на 310 танков был произведен в 2001 г.; в 2006 г. Индия докупила в России еще 330 танков, а в 2007-м дополнила контракт еще тысячей машин (Индия сравнит собственный танк с российским Т-90). 18.01.2010. URL: <http://army.lv/ru/> (accessed July, 12, 2012)).
- ³⁴ Barnett Th. P.M. India's 12 Steps to a World-Class Navy // The U.S. Naval Institute, 2001, July. P. 41–45.
- ³⁵ Сайт Центра анализа мировой торговли оружием. URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/analytics/2011/0202/13147061/detail.shtml> (дата обращения: 12.07.2012)
- ³⁶ SIPRI Yearbook. 2009.... p. 15.
- ³⁷ Ракеты с дальностью полета более 5,5 тыс. км уже называются межконтинентальными и являются стратегическим оружием.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

И.Е. Дискин

Анализ изменения глобальной диспозиции, влияния новых «центров силы» для России не предмет лишь академического интереса, но необходимое условие выработки реалистичной стратегии российской модернизации. Новая глобальная диспозиция, структура интересов ведущих «глобальных игроков» в большой степени будет определять условия глобальной конкуренции и, соответственно, возможности технологического развития секторов отечественной экономики, спрос на российскую продукцию и, как следствие, станет важным фактором успеха нашего проекта.

Оценка взаимосвязи новой глобальной диспозиции и российской модернизации требует в качестве исходной точки отсчета определиться с критерием успеха. Для этого можно пойти путем всеобъемлющего описания проекта в его научно-техническом, экономическом и социально-политическом измерениях. Это вообще малоподъемное занятие, да и скорее всего, ведущее к множеству внутренних противоречий.

Но можно пойти и другим путем — задать два-три критерия, характеризующие граничные линии проекта, заступить за которые значит лишить его основного смысла. Про один критерий — экономический — говорилось многократно: снижение зависимости экономики страны от волатильности цен на сырьевые ресурсы. Но есть и другой критерий — социологический: создание макросоциальной системы, обеспечивающей активным, квалифицированным и талантливым гражданам России комфортные условия воспроизводства и реализации своего человеческого потенциала. Это социологическое измерение

вполне созвучно словам Д.А. Медведева: «Мы должны сделать все, чтобы люди хотели остаться в стране, где они получили образование, — наши люди, молодые люди»¹. Эта система призвана обеспечить своего рода социальное равновесие с Западом, чтобы лучших не утягивали из дома привлекательные условия труда и жизни, чтобы они оставались дома и работали и на себя, и на Россию.

Предлагаемый критерий — одновременно индикатор, способный тестировать характер модернизации всех основных социальных подсистем.

При анализе взаимодействия российской модернизации и новой глобальной диспозиции следует учесть специфику современной российской модернизации. Идущая сегодня модернизация почти полностью основана на импорте технологий. В результате она создает относительно немного добавленной стоимости, рабочие места с относительно низкой квалификацией и заработной платой. Достаточно оценить последствия создания в нашей стране целого ряда автосборочных предприятий. Не сильно изменит положение и достраивание соответствующих кластеров, включающих производство компонентов. Да, импорт сократится, рабочих мест станет больше, но квалификационная структура улучшится незначительно. Более всего возрастет спрос на низкоквалифицированных мигрантов. Но это, как показывает опыт Западной Европы, обоюдоострое решение.

Главный недостаток идущей модернизации: она не создает спроса на российские интеллектуальные ресурсы, на качественное образование — на инновационный потенциал в целом. Также она

не создает высокомаржинальные сектора, которые, в свою очередь, могли бы стать «дойными коровами» для остальной экономики, для бюджета.

Для того чтобы оценить значение высокомаржинальных секторов для экономического успеха, можно привести следующие данные. Так, экономика США, которая, можно сказать, специализируется на высокомаржинальных секторах, достигла в 2008 г. уровня ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) в 48 тыс. долл. «Старые» индустриальные экономики с большой инновационной компонентой, такие как Германия, достигают очень высокого уровня в 37 тыс. долл. Даже очень успешные страны, ставшие в свое время лидерами последующих волн модернизаций, основанных на импорте технологий и создании массовых промышленных производств, а сейчас встраивающие в них определенные инновационные элементы, достигли существенно меньшего. Так, Республика Корея уже в течение нескольких лет подбирается к уровню в 28 тыс. долл. Близкий уровень в 29–32 тыс. долл. — у другого «азиатского тигра» первой волны, Тайваня, при схожем типе экономики, но совершенно другой его структуре².

Можно сделать важный вывод, что структура экономики, соотношение в ней высоко- и низкомаржинальных секторов в большой степени определяет ту планку уровня экономического развития и, соответственно, уровня жизни, до которой может «дотянуться» соответствующая страна. В этом смысле решение критериальной задачи достижения социального равновесия требует адекватного ответа — достаточно высокой доли высокомаржинальных секторов в российской экономике. Это означает, что нам в ходе модернизационного проекта, в условиях существенно острой глобальной конкуренции придется находить высокомаржинальные ниши.

Экономическому и социологическому измерениям модернизации соответствует

кардинальный структурный сдвиг — повышение инновационной компоненты экономического роста. Иные альтернативы не отвечают избранным критериям. Нет инновационного развития, нет спроса на таланты, не остановить «утечку мозгов». При существующей модели модернизации не поднять экономику до уровня, когда она окажется способной финансировать современную систему образования, здравоохранения, социальную сферу в целом. Так же так невозможно поднять уровень жизни, чтобы обеспечить «социальное равновесие».

При оценке альтернатив экономического развития следует учесть и технологический тренд, критичный для нашего развития. Через пятнадцать — двадцать лет новые технологии превратят нефть в такое же обычное сырье, как, например, уголь. Это снизит цены на нее на 25–40%. Нет нужды обсуждать последствия инерционного развития ситуации, когда через 15 лет наша экономика враз потеряет 7–10 лет развития. Кадры еще не забытых новостей из Греции — это еще оптимистический сценарий.

Следовательно, нам нужна траектория перехода к новой экономике. Можно прикинуть самые предварительные ее ориентиры. Для «социального равновесия» необходимо обеспечить европейский уровень жизни активных слоев и групп. Учитывая большую, чем в остальной Европе, социальную дифференциацию, для этого нам необходим рост ВВП еще на 50–60% по отношению к уровню 2008 г.³ Перспективу достижения уровня ВВП в 3,45–3,7 млрд долл. по паритету покупательной способности (Россия займет место в первой пятерке экономик) можно рассматривать в качестве минимальной цели, которая должна быть достигнута через десять — пятнадцать лет⁴. При оценке этих перспектив следует учитывать, что данный сценарий включает существенное снижение цен на нефть (газ — отдельный сюжет) к концу этого периода. С учетом прогнозируемого сни-

жения цен на нефть рост должен составить уже 70–90%, а это потребует очень высоких темпов и предельных усилий.

Достичь этих параметров непросто. Нужно понять, за счет чего их можно достигнуть в первой четверти XXI в. Развитие массовых производств, заимствование технологий может дать, по оценке ряда экспертов, рост ВВП на 40–45%. Но этого недостаточно. Где взять еще? Безусловно, это **инновации**.

Для задействования этого ресурса, собственно, и нужна обсуждаемая модернизация как политический проект. Для модернизации за счет заимствования технологий необходимо лишь повышение качества конкуренции и «длинные деньги». Для продолжения действующей модели модернизации особых препятствий нет. Результат не годится.

Для создания инновационной экономики требуется эффективное государство, осознающее свою политическую миссию и сменившее стиль и методы управления. Только так можно создать инновационный сектор с объемом реализации примерно 5–6 трлн руб. Его численность составит порядка 1–1,3 млн человек.

Для сравнения: в 2008 г. численность всего сектора, занятого исследованиями и разработками, составляла 760 тыс. человек. Из них имели степень по специальностям, относящимся к инновациям, лишь 85 тыс. Выпуск из аспирантуры — потенциальный резерв роста — составлял 8,5 тыс. человек. Объем финансирования науки и разработок из всех источников — всего лишь 830 млрд руб., т.е. на порядок меньше, чем нужно⁵.

Для оценки результативности этого сектора можно привести следующие данные: в 2008 г. заключено 2 тыс. соглашений по экспорту технологий объемом 65 млрд руб. Объем доходов от экспорта технологий — 21 млрд руб., т.е. 0,85 млрд долл. Это много меньше, чем экспорт программных продуктов. Объем же импорта технологий — 55 млрд руб.⁶ Сюда не входит импорт машин и оборудо-

вания, где внутри «сидят» многие миллиарды долларов импорта технологий.

Для более реалистичных оценок нашего технологического экспорта к этим цифрам следует добавить 20% доходов нашего оборонного сектора, т.е. 1,4–1,5 млрд долл. К ним следует приплюсовать долю высоких технологий в издержках нашего экспорта, прежде всего энергоносителей и металлургии; долю в строительстве АЭС за рубежом и в экспорте услуг по запуску спутников. По оценкам, итог составит 4–5 млрд долл. Это уже в пять раз больше, но практически ничто — менее 1% в объеме нашего экспорта в 2008 г.

Эти данные — не повод для уныния, но стимул к исправлению ситуации. Оптимизм подкрепляют темпы роста инновационного сектора, такого как экспорт программных продуктов, составлявшие до кризиса 30–40% в год. Если энергичные меры в рамках модернизационного проекта приведут к чему-то близкому к этому успеху, то за 15 лет можно будет получить рост экспорта высокотехнологичной продукции до 60–65 млрд долл. и программной продукта еще до 10 млрд. Это — больше трети от искомых объемов, остальное должен дать внутренний рынок. Это трудный, но все же возможный результат. Дело за политической волей, квалификацией и упорством.

Если выбирать точки приложения сил, сулящих потенциальный успех на инновационном поле, то, скорее всего, **наше дело — создание прорывных технологий и продуктов.** Они, как показывает практика, создают самую высокую маржу, а также спрос на все компоненты технологической цепочки. Предпосылок для этого у нас немало. Недаром в мировом хайтеке говорят: «Если нужно решить трудную задачу — зовите китайцев, если невозможную — русских». Прорывные технологии — всегда область невозможного. Следует также иметь в виду, что **наличие широкого фронта качественных фундаментальных исследований — наше**

огромное конкурентное преимущество по сравнению, например, с нашими партнерами по БРИК, а также с большинством потенциальных конкурентов.

Но здесь высокий барьер. За 90-е годы страна потеряла целые сектора проектных институтов. Да, они были плохонькими по оснащению, но имели кадры для роста. Сегодня на их месте — общежития для гастарбайтеров, торговые центры. Их символ — башня «Дельты» на Щелковском шоссе. Кое-что в оборонке и рядом сохранилось, но для превращения исследовательской установки, демонстрирующей работоспособность научной идеи, в промышленный образец этого совершенно недостаточно.

Без решения этой задачи наращивания предложения проектов, мы лишь питаем наших конкурентов. **Результат — превращение нашей науки в «интеллектуальный сырьевой придаток» Запада, прежде всего США.** Частью российского модернизационного проекта должна стать программа по созданию дизайнерских центров в секторах прикладной науки. Следует ясно понимать, что создание прикладной науки, дизайнерских центров требует капиталовложений, неизмеримо больших, чем в развитие собственной фундаментальной науки.

Для оценки альтернатив следует учесть, что разработка локальных технологий и частичное повышение качества продуктов, как показывает опыт, удаются нам не слишком. Да и плотность конкуренции здесь предельно высока. Локальные успехи российских «левшей» вряд ли могут служить прочной базой для стратегии.

Следующий ресурс — сырье. Аргументы в пользу разработки природных ресурсов уже не очень-то и нужны. В смысле создания высокой маржи у этих секторов конкурентов мало. И президент, и премьер вновь заговорили о важности их эффективного использования.

Экономика массового потребления растущих гигантов, прежде всего наших

партнеров по БРИК, вызывает спрос на сырье. Этот спрос — ресурс нашего роста.

Нужно добавить еще задачу превращения сырьевых отраслей в драйверов инноваций и высоких технологий. Для этого нужны энергичные меры по импортозамещению высоких технологий в отраслях сырьевых отраслей. Похоже, в сознании нашей политической элиты дело идет к избавлению от синдрома «сырьевого придатка». Это позволяет уйти от аффектов и вполне прагматично ставить задачу снижения зависимости отечественной экономики от высокой волатильности сырьевой конъюнктуры.

Нужно не проглядеть и новые возможности российского сельского хозяйства, созданные мировой конъюнктурой. Динамичного импортозамещения уже мало. У нас есть шанс получить хороший кусочек глобального рынка продовольствия. Этот рынок будет расти по меньшей мере еще пару десятилетий. Это редкий шанс превратить сельское хозяйство в высокотехнологичный сектор, в крупного потребителя отечественного высокотехнологичного сектора.

Это лишь примеры проблемного подхода, неотрывного от успешной модернизации. Но нужен еще и профессиональный анализ альтернатив, выявление «бутылочных горлышек», затрудняющих решение проблем.

Интересы «ключевых игроков» США:

- стремление к сохранению своего преобладания в секторах с высокой маржой. Только это способно сохранить сверхвысокий уровень жизни США;
- негативное влияние бюджетных проблем на поддержание их силовой мощи, необходимой для сохранения роли «магнита» мировых инвестиций;
- выбор путей преодоления кризиса раскалывает американские элиты. Формируется значимое ценностное противостояние, захватывающее широкие обще-

ственные круги, от элиты до низов. Успех Б. Обамы — победа либеральных ценностей, поражение — консервативных.

США заинтересованы в сохранении структуры американской экономики, глобальных позиций Америки. Ей жизненно необходимо проложить свой путь в посткризисный мир. США необходима серьезная поддержка мировых игроков. Б. Обама будет готов предоставить ее участникам места в совете директоров, сохраняя председательство и контрольный пакет.

Европа заинтересована в серьезных структурных сдвигах в собственных экономиках, обеспечивающих новые источники экономического роста и благосостояния. Это требует конкуренции с Америкой в секторах с высокой добавленной стоимостью. Последствия кризиса заставят европейских «грандов» пересматривать **соотношение евроатлантической солидарности, с одной стороны, и интересов экономического развития — с другой.**

Интересы Китая определяются многомерной переходной ситуацией:

- от экспортной модели экономики к более сбалансированной, с большей ориентацией на внутренний рынок;
- от экономики, опирающейся на иностранные, прежде всего американские инновации, к опоре на собственные ресурсы;
- переход к новой социальной структуре: модернизированные социальные слои и группы еще не стали доминирующими. Прежние ценности и нормы большинства уже серьезно поколеблены;
- еще не завершена смена лидерства в китайских элитах.

Успешное завершение всех этих переходов далеко не гарантировано, хотя руководство КНР, как представляется, в целом осознает их риски. Но макросоциальные проблемы, возникающие в этой связи, существенно превышают возможности политического контроля.

В борьбе за социально-экономическую и политическую сбаланси-

рованность неизбежно проявятся фундаментальные недостатки институциональной, прежде всего политической системы КНР, ее недостаточная гибкость и динамичность, искажения в обратных связях. Конкуренция в элитных группах будет углублять существующие противоречия.

Предстоит нащупывание нового курса:

- продолжить переориентацию экономики на внутренний рынок с большей опорой на национальные инновационные ресурсы;
- временно войти в качестве младшего партнера в ведомую США глобальную коалицию по восстановлению прежней, комфортной для Китая финансово-экономической системы;
- использовать глобальный кризис для продвижения китайского проекта, повышения глобальной роли КНР;
- выступить в качестве лидера «восточноазиатского» геополитического проекта.

Тактический альянс, усиливающий и без того существующую глубокую интеграцию США и КНР, теоретически может перерасти в разностороннее стратегическое партнерство. **Призрак «Чимерики» бродит по миру.**

Выбор в пользу глобальной дуополии встретит серьезную оппозицию в китайских элитах, воспитанных в противостоянии США. Новые элиты, способные к столь драматическому стратегическому маневру, соизмеримому с визитом Никсона в Китай, еще не поднялись достаточно высоко по ступеням иерархии. Альтернатива — быстрое завершение переориентации на внутренний рынок, на собственные технологические ресурсы.

Геополитические ориентиры Индии определяются явными опасениями в отношении намерений КНР. Например, военно-морские базы Китая в Пакистане и в Мьянме официально рассматриваются как элементы стратегического окружения Индии. Этим определяется стремление части ее руководства к со-

трудничеству с США. Этим же определяются ее колебания в отношениях с Россией, которая, по мнению индийских экспертов, тесно сотрудничает с КНР в наращивании его военного потенциала.

Элиты этой страны нервно реагируют на вероятность появления «Чиме-рики». Формирование стратегического альянса США и КНР или даже их значимое военно-политическое сближение будет рассматриваться Индией в качестве угрозы, перевешивающей все экономические расчеты.

В элитах и интеллектуальных кругах Индии с сожалением констатируют снижение возможностей России в решении ключевых проблем развития Индии. В Индии усиливается ориентация на мультиполярность, на использование G-20 и БРИК. БРИК, с точки зрения влиятельных индийских экспертов, хороша возможность для ограничения «свободы рук» Китая. Индия будет стремиться войти в состав «глобального совета директоров» на равных с Китаем.

Важный фактор — поиск стабильного источника технологического трансферта. Традиции Индии удерживают ее от однозначной ориентации на американские источники трансферта. У Индии не сложился технологический альянс с Европой. Давние научно-технические связи с Россией также пока далеки от уровня, оказывающего влияние на ее развитие.

Индия окажется вовлеченной в формирование конфигурации глобальных инновационно-технологических потоков. При этом размер индийского рынка выступает весомым аргументом при определении условий этой конфигурации. Многоаспектный стратегический альянс с Индией, учитывая наличие длительных научно-технических связей с нашей страной, — шанс для России кардинально расширить рынок ее высокотехнологичной продукции. Этот альянс — незаменимая возможность и для Индии, и для России повысить свои

геополитические рейтинги. Здесь налицо редкая синергия.

Интересы России. Главный интерес — **повышение глобальной субъектности России.** Сохранение внутренних слабостей — риск поражения России в борьбе за место в глобальной конфигурации.

Формирование американо-китайской глобальной дуополии не оставляет России места в качестве значимого игрока. Но широкая коалиция во главе с США создает России широкое поле для маневрирования, для реализации своих интересов.

Один из ресурсов повышения глобального влияния нашей страны — развитие БРИК. За последние годы эта группа стран создала реальные механизмы координации своих позиций, и БРИК, как показывают результаты недавних заседаний G-20, становится влиятельным фактором глобальной политики. Есть заинтересованность и наших партнеров в усилении влияния БРИК. Без России и у Индии, и у Бразилии недостаточно влияния, чтобы добиться консолидированной позиции БРИК. Китай не захочет оставлять «без присмотра» треугольник БРИ. Одновременно Китай также осознает значение консолидированной позиции стран, в которых живет 40% населения планеты и рост экономик которых определяет глобальную динамику. **Россия имеет реальный шанс играть роль модератора БРИК и усилить свое глобальное влияние.**

Россия заинтересована в корректировке глобальной финансовой системы, модели глобализации, в создании глобальной коалиции за их корректировку. Создание этой коалиции, ко всему прочему, снизит вероятность создания альянса США и Китая. В ее состав могут войти США, ЕС, Индия, Россия, Бразилия и, возможно, Китай при выборе им соответствующей стратегии.

Стратегические ориентиры российской модернизации в новой конфигурации интересов. Наиболее значимый вызов российской экономики — выстраивание ее но-

вой структуры, использование страновых конкурентных преимуществ для занятия комфортных позиций в экономических секторах и нишах с высокой маржой.

Конкуренция за высокомаржинальные сектора будет ожесточенной. Внутренний российский рынок в большинстве случаев слишком мал, чтобы стать самодостаточным для «раскрутки» новых продуктов и технологий. Оценки показывают, что, например, для окупаемости платформы легкового автомобиля необходимо присутствие на рынке в миллиард человек. Минимальный размер рынка основных промышленных товаров — 250–300 млн человек.

Выход: завоевание рынков, благосклонных к российским товарам и технологиям; создание альянсов для продвижения российских или совместных технологий. Для расширения рынков сделан важный шаг — создан Таможенный союз. Возможности добавляют ЕврАзЭС и поворот в отношениях с Украиной. Но мал даже их совокупный размер.

Нужно завоевывать рынки стран, хорошо знакомых с российской техникой: Индии, Вьетнама, ряда стран Ближнего Востока, Африки, а также Венесуэлы, Бразилии и Аргентины. Суммарный размер этих рынков уже достаточен для окупаемости любой потенциально конкурентоспособной технологии или продукта.

Второе направление — создание альянсов в разработке и продвижении прорывных продуктов и технологий. У России есть фундаментальные заделы и концепции, но нет ресурсов для созда-

ния промышленных образцов и возможностей для массового производства. Здесь Россия должна использовать идущий все интенсивнее процесс переноса крупнейшими корпорациями своих R&D-центров в страны с более низкими издержками. Наша страна должна принять самое активное участие в конкуренции за новое место дислокации этих центров. Собственно, создание иннограда «Сколково» — осознанный или неосознанный, не важно, ход в этой конкуренции. Нужно перейти к осознанной стратегии участия в этом процессе и создать систему преференций для иностранных корпораций, размещающих у нас свои исследовательские и инжиниринговые центры.

Без потенциала инжиниринга Россия — поставщик интеллектуального сырья, но без искомых доходов. Первый сценарий — альянс со странами ЕС, нуждающимися в российских фундаментальных исследованиях, использование европейского опыта разработок и инжиниринга. Результат — совместный инжиниринг, совместная собственность на продукты, справедливый раздел доходов. Второй сценарий — альянсы внутри БРИК, прежде всего с Индией и Бразилией, стремящихся к созданию собственных технологических ресурсов развития. Здесь общий интерес. Россия восстанавливает потенциал разработок, расширяется емкость рынков. Выгода для партнеров — быстрое развитие технологического потенциала.

Такая стратегия может проложить дорогу России к успеху в модернизации.

¹ Медведев Д.А. Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России (19 июня 2010 г., г. Санкт-Петербург) [Medvedev D.A. Stenografisheckij otchet o yasedanii Komissii po modernizatsii i tekhnologicheskomy razvitiyu ekonomiki Rossii. June 19, 2010, St-Petersburg].

² CIA The World Fact Book. URL: www.cia.gov (accessed July, 12, 2012).

³ 41,4 трлн руб. (данные Федеральной службы государственной статистики (data of the Federal Service of State Statistics). URL: www.gks.ru); \$2.298 trillion (2008 est.), CIA The World Fact Book.

⁴ Здесь видно совпадение с оценками наших перспектив, выдвинутых В.В. Путиным. Различие — в оценках источников роста, соответственно, инноваций и «новой индустриализации».

⁵ Российский статистический ежегодник, 2009 г. URL: www.gks.ru (дата обращения: 12.07.2012 г.) [Rossijskij statisticheskiy ezhegodnik, 2009. URL: www.gks.ru].

⁶ Там же.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ — 2011: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л.Н. Федотова

Что нам за дело до убеждений человека,
если мы уверены в его поведении?

Стендаль. Прогулки по Риму

У одного из авторов мы находим достаточно остроумное описание интересующей нас проблемы: «Когда исследователь мнений населения говорит своему клиенту, что, судя по результатам этого зондажа, цвет тюбика его новой зубной пасты должен быть зеленым, он-то сам знает, что никогда не докажут, что он ошибался (в крайнем случае всегда можно сказать, что успеха зеленая паста не достигла из-за рекламы, из-за мерчендайзинга и т.д.). Когда же исследователь утверждает, что мистер Х победит на выборах с 56% голосов, он может и ошибиться, и, что самое печальное, это иногда случается»¹.

Действительно, несовпадение прогнозов с реальными результатами выборов случается довольно часто. Вспомним хрестоматийные случаи с неудачами Гэллага в 1948 и 1971 гг. или прогнозы известного германского Института демографии о соотношении выигравших членов партии ХДС/ХСС, СПГ и социал-демократической партии Германии, в ходе выборов 1965 г., подтвердившиеся «с точностью до наоборот». В 1995 г. на президентских выборах во Франции вразрез с прогнозами большинство получил Л. Жоспен; в Японии в ходе губернаторской кампании в Токио место губернатора неожиданно для всех получил человек, «который демонстративно отказался от организации митингов и других традиционных предвыборных мероприятий и, по сути дела, всю кампанию провел, не выходя за порог собственного дома, отвечая только на телефонные звонки симпа-

тизирующих и израсходовав на печатание предвыборных плакатиков чуть больше двух тысяч долларов». Его соперника при этом поддерживала вся партийная структура (а это правящая коалиция из трех партий), весь большой бизнес и вся столичная бюрократия. На предвыборные мероприятия были истрачены громадные деньги — избирателей обрабатывали по всевозможным закулисным методам... Тем не менее победил другой, а опросы предварительного характера это не отследили².

Политические выборы являются постоянным предметом внимания исследователей общественного мнения именно в силу прагматической ценности этих исследований для политических лидеров и сил, стоящих за ними. Кроме причин чисто престижного характера и прикладной ценности, неослабевающий интерес социологов к ним связан с изучением механизма принятия решения индивидом — поведенческого акта, который можно рассматривать как результат определенного влияния ряда факторов (роли радио, телевидения, прессы в формировании общественного мнения, роли малой группы и т.д.). По мнению многих социологов, предвыборная кампания представляет огромный интерес для изучающей систему массовой коммуникации. Исследователь получает возможность экспериментально решить вопросы: влияет ли эта система на результаты выборов, под действием какого типа информации избиратель принимает решение при голосовании, является

ли личное влияние более действенным, чем влияние системы массовой коммуникации и т.д.

Расхождение данных социологов о намерениях населения проголосовать в день X так или иначе и реальных результатов выборов всегда было предметом рефлексии и самого общества, и социологов. Что касается общества, это понятно. Ведь это практически единственный эксперимент, который показывает цену распределения мнений, публикуемых центрами изучения общественного мнения до выборов, своеобразный момент истины. Уверенность в том, что эти величины близки, нужна и политикам: ситуация с состоянием общественного мнения в ходе предвыборной кампании — это стратегия их кампании; уверенность нужна и рекламодателям, обращающимся к услугам социологов, в какой мере можно быть спокойным, что массы, продемонстрировавшие в ходе опроса свою лояльность к пепси-коле, тут же не купят банку кока-колы; это нужно и самому обществу: если в марте общественное мнение заявило, что Волга впадает в Каспийское море, не повернет ли оно в апреле «реки вспять» (здесь, мы, конечно, утрируем).

Данная статья как раз о расхождении данных социологов о намерениях населения проголосовать в день X так или иначе и реальных результатов выборов. Пример с недавними выборами в Госдуму — 2011 дает возможность проанализировать ситуацию с привлечением и теоретического материала, и реальных практик исследователей общественного мнения.

Часть 1. Электоральное пространство

Результаты выборов зависят не от количества бюллетеней, а от желания людей, подсчитывающих их.

*Из фильма «Банды Нью-Йорка»
(реж. М. Скорсезе)*

Напомню цифры. Как известно, 09.12.2011 г. ЦИК объявил результаты

выборов в Госдуму шестого созыва, состоявшихся 04.12.2011 г.:

- «Единая Россия» — 49,32;
- КПРФ — 19,19;
- «Справедливая Россия» — 13,24;
- ЛДПР — 11,67;
- «Яблоко» — 3,43;
- «Правое дело» — 0,6;
- «Патриоты России» — 0,97.

Какими были последние публичные, опубликованные в СМИ прогнозы (результаты по доступным источникам) (в процентах)? Отметим, что, по решению ЦИК, начиная с 29.11.2011 г., центры уже не могли обнародовать свои прогнозы (и такие ограничения — это общемировая практика):

Таблица 1

Партии	Результаты по ЦИК	ВЦИОМ. Опрос 30.11	Левада-центр ³ . Опрос 18–21.2011 г.
«Единая Россия»	49,32	41	56
КПРФ	19,19	12	21
«Справедливая Россия»	13,24	9	10
ЛДПР	11,67	12	13
«Яблоко»	3,43	1,3	-
«Правое дело»	0,6	0,4	-
«Патриоты России»	0,97	0,2	-
Не определившиеся	-	24	

Налицо некоторые несовпадения. Интересно взвесить различные факторы, объясняющие несовпадение прогнозов центров и реального поведения/мнения людей. Каковы эти факторы? Как представляется, их можно сгруппировать следующим образом:

- методологические;
- методические;
- социально-политические.

Методологические

Общественное мнение, как и множество других социальных процессов (воздействие массовых информационных

процессов, рыночные процессы и игровые ситуации и т.д.), характеризуется высокой степенью неопределенности, и не только мнение, но и само поведение. Можно представить на этом фоне усилия социологической науки дать обществу знания о самом себе как способ снизить эту неопределенность.

Еще одно — фундаментальное методологическое обоснование природы опросов общественного мнения — состоит в принципе, который ввел в науку Нильс Бор. Он использовал понятие «дополнительности», изучая величины в квантовой физике. Определяя слово феномен, Бор писал: «То, что относится исключительно к наблюдениям, полученным при определениях условиях, включая описание всего эксперимента». Элемент субъективности, вносимый выбором наблюдателя между различными экспериментальными устройствами, ведет к тому, что даже для определенного состояния наблюдаемой системы невозможно предсказать однозначно результаты последующих наблюдений... О них можно делать только статистические предсказания»⁴.

Обществоведы сразу оценили важность этого методологического принципа в гуманитарных исследованиях. Это в полной мере относится и к опросам общественного мнения. В дальнейшем мы будем иметь в виду это обстоятельство, так сказать, по умолчанию.

Еще одно методологическое соображение основано на связи между раскладом мнений в обществе и индивидуальным поведением/мнением. Хочется нам этого или нет, расклад мнений в обществе — это ориентир для массового поведения⁵. Особенно четко эта мысль была артикулирована вкпе с эмпирическими наблюдениями (хотя на теоретическом уровне была известна давно) в виде гипотезы о механизме циркулирования информации в межличностной среде, предложенной Элизабет Ноэль-Нойман, директором центра исследования обще-

ственного мнения при Алленсбахском институте демоскопии (ФРГ).

Условием функционирования общества (как это давно было понято обществоведами, к которым присоединяется и автор гипотезы), эффективности социальных норм, обычаев и традиций, является общий психологический механизм, определяющий характер взаимодействия индивида и общества, суть которого заключается в том, что угроза социальной изоляции для индивида оказывается важнее потери собственного мнения. Модели социального поведения рождаются в результате часто бессознательных оценок индивидом социальной ситуации, распределения возможных мнений, жизнеспособности и силы той или иной позиции. Индивид присоединяется к мнению других, даже если он не согласен с ними, и, что самое главное, он не будет транслировать свое индивидуальное мнение даже в ситуационных, локальных коммуникативных ситуациях (разговоры в очереди, в поездах со спутниками и т.д.). Эта «спираль умолчания» (Spiral of Silence), по мысли автора, лежит в основе формирования общественного мнения.

Были построены следующие гипотезы:

1. Индивиды составляют для себя картину мнений социального окружения и их возможных тенденций, что является предпосылкой возникновения общественного мнения как суммы индивидуальных мнений. Определенность этой картины зависит в том числе и от ожиданий необходимости открытой защиты своего мнения.

2. Желание высказывать свое мнение публично тем больше, чем значительнее, как считает индивид, это мнение преобладает в обществе. И более того — насколько благоприятно оценивает индивид место своего мнения в будущем.

3. Из этого вытекает, что оценка распределения мнений и их истинное распределение существенно расходятся, ибо

мнение, чья всеобщность преувеличивается, чаще и высказывается.

Эти гипотезы проверялись путем зондажей, проводимых Институтом демоскопии в 1971-м и последующих годах. Интервью включали четыре группы вопросов: 1) о мнении респондента по какому-либо дискуссионному предмету; 2) о том, как, на его взгляд, думает об этом же все население страны (Б. Берелсон в американских проектах исследования механизма порождения мнения 40–50-х годов XX в. решал проблему осознания респондентом существования «альтернативного» мнения вопросом: «Как вы думаете, кто победит на выборах?»); 3) о будущем распределении мнений; 4) относительно желания респондента высказываться о данном предмете публично (например, в разговоре с попутчиками в поезде). По мысли Ноэль-Нойман, анализ всей серии этих вопросов позволит предугадать возможное направление изменения намерений респондента действовать (высказываться) в соответствии с той или иной позицией, разделять ту или иную точку зрения, голосовать за того или иного кандидата...

Опросы, проведенные Институтом демоскопии в период 1965–1976 гг., показали, что линейные ответы респондентов относительно, например, позиции той или иной партии в общественном мнении не отражают собственных оценок респондентами силы этих партий в массовом сознании. Так, оценивая положение христианских демократов и социал-демократов на протяжении с декабря 1974 по март 1976 г. социологи обнаружили, что, если судить об этом положении по линейным ответам на вопрос «За какую из партий вы бы голосовали, если бы выборы в бундестаг состоялись в ближайшее воскресенье?», то положение партий относительно друг друга остается неизменным: и в декабре 1974, и в марте 1976 г. число намеревающихся проголосовать за партию христианских демократов оставалось практически одинаковым:

53% и 52% соответственно. В это же время число намеревающихся голосовать за социал-демократов составляло 38%. Но как только в ходе опроса стал фигурировать второй вопрос — об оценках респондентами того факта, как большинство их сограждан проголосуют в это гипотетическое воскресенье, выяснилось, что опрошенные оценивают ситуацию в общественном мнении как более сложную. Если интерпретировать эти данные с точки зрения гипотезы о лежащей в основе формирования общественного мнения спирали умолчания, то оказывается, что люди тем охотнее высказывают свою точку зрения — в последнем случае голосуют определенным образом, чем большие шансы, по их мнению, имеет их точка зрения, как в будущем времени, так и в большинстве населения.

Единственное, что помогает меньшинству вырваться из этой спирали, актуализировать свое, отличное от массовидного, мнение, — получить поддержку этому мнению из других источников, а именно (и это было обнаружено Э. Ноэль-Нойман в ходе многолетнего исследования) из прессы.

Последнее обращает нас к социально-политическим факторам, и мы к ним вернемся позднее.

Сейчас перечислим некоторые из **методических** факторов, наиболее важных, с нашей точки зрения.

Прежде всего, задействуем в анализе понятие «величины ошибки», которым вышеупомянутые центры снабдили свои данные, — она составляет 3,4%. Реально это означает, что при распространении этих данных, полученных центрами на опросе 1500–2000 тыс. человек, на все население страны, каждая цифра (!!!) может увеличена/уменьшена на эту величину: для «Единой России» это может быть (берем пока ВЦИОМ) 44,4–37,6%; для КПРФ — 15,4–8,6% и т.д. То есть любое попадание прогноза в этот промежуток будет идеальным. Но в конечных

прогнозах все хотят одной-единственной цифры. И тогда создается впечатление, что прогнозы расходятся с реальностью.

Итак, часть причин несовпадения данных центров и конечных результатов мы уже взвесили.

Если вернуться к табл. 1, мы обратим внимание на то, что здесь представлены разные линейки результатов центров. Именно они нам важны для анализа ситуации; в случае с Левада-центром мы имеем процент от определившихся голосовать так или иначе; у ВЦИОМ мы взяли распределение голосов у всех опрошенных — с учетом того, что пятая часть населения к тому времени, а это было буквально за неделю перед выборами, еще не знала, за кого будет голосовать (или не сказала об этом социологам). В этом кроется методологическое основание для прогнозов. Социологи должны в буквальном смысле спрогнозировать то, как поведет себя в ходе реальных выборов эта огромная масса людей (по лексике социологов последних лет этот прогноз описывался словами «расчетные данные», «интегрированный рейтинг», «эффективный рейтинг»...).

Понятно, что это трудная задача, а осьминога Пауля у нас нет.

Какие методико-методологические основания есть у социологов для принятия того или иного решения? Спрогнозируем процесс принятия решения. Задача — как распределить голоса неопределившихся между реальными партиями, представленными в бюллетене?

Первый вариант — разбросать эту долю между партиями пропорционально решению определившихся.

Второй вариант — учесть характер выборов в прошлую Госдуму.

Третий вариант — учесть характер предвыборной агитации в прессе, объемы финансового обеспечения кампаний и т.д. и т.п.

Что касается первого варианта, это уж не такая выдуманная ситуация.

Рассмотрим хрестоматийную ситуацию с прогнозами по исходу выборов в США в 1948 г. За несколько месяцев до выборов — даже до созыва национального съезда демократической партии в июле 1948 г. — крупнейшие в стране центры по изучению общественного мнения, включая Гэллапа, и политические обозреватели уже вынесли свой приговор Трумэну. Когда оставалось четыре дня до выборов, были опубликованы результаты опроса Гэллапа: согласно этим данным утверждалось, что за Дьюи отдадут свои голоса 49,5% всех избирателей, а за Трумэна — 44,5%. Э. Иванян пишет в своей книге: «Такого же мнения придерживалась газета «Нью-Йорк таймс», организовавшая свой собственный опрос общественного мнения. Как шутили в те дни, президентские выборы должны были все же состояться, хотя бы для того, чтобы определить, кто же точнее всех предсказал победу Дьюи»⁶.

Но победил Трумэн. Цифры реально-го голосования дают результат с точностью до наоборот: за Трумэна проголосовало 49,4%, за Дьюи — 44,9%.⁷

По мнению экспертов, в 1948 г. Институт Гэллапа сделал несколько ошибок, в том числе одну существенную для наших рассуждений — исходя из уверенности в победе республиканцев, социологи решили, что избиратели, не высказавшиеся в пользу ни того, ни другого кандидата в ходе опроса, тем не менее, проголосуют за них в той же пропорции, что и принявшие решение уже в ходе опроса, т.е. в пользу Дьюи. Однако колеблющиеся избиратели проголосовали в пользу демократов⁸.

Но дело не только в этом, обратим внимание на существовавшее обстоятельство — разницу объемов этих двух электоратов Трумэн — Дьюи: она составляет всего около трех миллионов человек, в то время как разница в объемах групп, проголосовавших, например, в 1936 г. за Рузвельта и Лэндона, составляла более 11 млн голосов⁹: в 1948 г., пря-

мо скажем, запас прочности для верного прогноза уменьшился втрое. Тогда, например, опрос 1 октября (за месяц с небольшим до выборов) показывал такое распределение голосов: за Дьюи — 40%, за Трумэна — 38%, за других — 9%, затруднились ответить — 13%¹⁰.

Но все же, как ни соблазнительно списать все на небольшой «запас прочности» в симпатиях электората, адресованных каждому из кандидатов, это объясняет не все. Имеем же мы аналогичную ситуацию в США в 1968 г., когда финальный прогноз Гэллапа расклада голосов избирателей был таким: за Р. Никсона — 43,0%, за Х. Хэмфри — 42,0. Итог голосования — за Р. Никсона — 43,4%, за Х. Хэмфри — 42,7.

Полвека спустя исследователи, возвращаясь к анализу ситуации тех лет¹¹, говорят, что в 1948 г. социологи рано остановились¹²: Кроссли — прогноз которого тоже оказался неверным, проводил финальные опросы в середине октября, Гэллап — чуть позже, но тоже за две недели. И аналитик 1992 г. прямо говорит, что, если бы Гэллап сделал то же самое в 1968 г., его прогноз мог оказаться неверным. То есть вовсю проявил себя **фактор времени**: чем ближе опрос к ситуации выборов, тем более вероятен точный прогноз.

Вообще, первое пятнадцатилетие исследований общественного мнения в США показало методическую целесообразность не ставить загодя опрашиваемого в позицию предсказателя. Исследователи все больше осознали, что социально-политическая ситуация — это мощный фактор изменений во мнениях. Именно после рубежа 40–50-х годов в прогнозах центров изучения общественного мнения появилось сакраментальное если бы выборы состоялись сегодня — так формулировался и сам вопрос об избирательных намерениях респондента. Но все же только в публикации 1970 г. я нашла развернутую позицию Гэллапа по этому вопросу: «Научные опросы измеряют лишь те мнения (настроения), ко-

торые существуют в настоящий момент. Невозможно научно предсказать исход выборов. Людей никогда не спрашивают, как они намерены проголосовать или как они в действительности проголосуют в ноябре. Их спрашивают, как бы они проголосовали, если бы выборы состоялись сегодня. Никто не знает в мае, как он проголосует в ноябре. Но человек может сказать, как бы он проголосовал сегодня»¹³.

И далее: «Опросы никогда не достигали и никогда не достигнут степени точности, возможной в лабораториях точных наук. Действительно, исход реакции двух элементов в химической лаборатории может быть предсказан с точностью, которую едва ли можно ожидать в предсказании реакции людей на определенное событие... Все науки, имеют ли они дело с измерением пространства или с изучением человеческих существ, основаны на законах вероятности. Вероятность ошибки существует всегда; вопрос в том, в каких пределах лежит возможность этой ошибки. Если процедура систематична и объективна, о ней можно говорить, что она научна. Современное зондирование общественного мнения основано на двух китах: теория выборки и теория вероятности. Если выбрано правильное основание для сечения объекта исследования и сделана представительная выборка из каждого сечения, то соблюдены как раз те принципы, с которыми имеет дело любое научное исследование, даже то, которое связано с ядерной физикой».

Но вернемся к вариантам трансформации результатов последнего опроса в прогноз реальных результатов выборов.

Наверное, можно предложить для анализа массива неопределившихся и прогноза относительно их будущих шагов, например, учитывать **силу** высказанного мнения по другим проблемам политического спектра.

Так, Левада-центр зафиксировал в ноябре 2011 г. такую степень уверенности избирателей в том, что они отдадут свой голос названной партии:

Таблица 2

Ответы на вопрос: «В какой мере вы уверены, что будете голосовать именно за эту партию?» (в % к электорату каждой партии)

	Всего	КПРФ	ЛДПР	«Единая Россия»	«Справедливая Россия»	Другое
совершенно уверен	49	61	40	50	41	35
так и будет, если не произойдет чего-то чрезвычайного	40	28	44	42	44	39
не вполне уверен	9	8	12	6	14	17
совершенно не уверен	1	1	1	<1	<1	6
затрудняюсь ответить	2	1	3	2	2	4

Ясно, что максимальная уверенность электората КПРФ (61% сказавших, что они совершенно уверены в своем решении) и минимальная уверенность электората ЛДПР и «Справедливой России» (13–15% сказавших, что они не вполне уверены или совершенно не уверены в своем решении) долж-

на преобразиться в какие-то коэффициенты поправок последнего опроса. Уточню, что это все гипотезы стороннего наблюдателя, в данном случае автора статьи...

Или возьмем данные того же ноября о тенденциях в отношении электората к «Единой России».

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Как изменилось за последние два месяца ваше отношение к «Единой России»?»

Группы сознания	% опрошенных
значительно улучшилось	2
несколько улучшилось	5
осталось без изменения	70
несколько ухудшилось	11
значительно ухудшилось	8

Понятно, что 19% опрошенных, сказавших, что их отношение к партии несколько и значительно ухудшилось, — это тоже повод для раздумий.

Но после обсуждения ряда методических и методологических факторов вернемся в наши дни и в нашу страну. Оставаясь внутри методики и методологии исследований, мы можем многое упустить из реальной ситуации в наших опросах общественного мнения.

Действительно, в последнее двадцатилетие появился термин, который нигде, кроме как в «регулируемой демократии», появиться не мог: этот термин — **административный ресурс**. Как быть социологам,

если они спрогнозировали какое-то распределение голосов, а результаты на выходе испытали этот самый административный ресурс? Сделать вид, что его нет и выглядеть потом как коллектив, который дал неадекватный прогноз? Или заведомо — имея на руках расчеты и тенденции ряда лет — «поправить» свой прогноз, исходя из предполагаемой силы этого ресурса? И хотя тут возможны варианты внутри этой альтернативы, все же это взаимoisключающие друг друга варианты...

Как поступали (и поступают) разные центры по изучению общественного мнения в этой ситуации — информация внутренняя и практически недоступная сто-

ронному наблюдателю. Это своеобразное «ноу-хау» каждого центра, равно как и то, как они распоряжаются массивом неопределившихся, как его учитывают... В любом случае в этой ситуации специалисты вступают в зону риска. В ход идет расчетная информация. И всякий раз — во все времена и во всех странах — настроение читателей и зрителей, наблюдающих за предвыборными публикациями профессионалов-социологов, достигает вершины ажиотажа.

Часть 2. Информационное пространство

Если телевидение за меня,
хотел бы я знать, кто будет против?

Курт Воннегут

Упомянем о такой профессиональной характеристике информационного

пространства, которая активно обсуждается в самом обществе. Давно замечено, что в публикациях опросов заложены огромные манипулятивные возможности по влиянию на людей. Будь такие публикации хоть на сто процентов профессиональны (читай: адекватны, честны, объективны), они могут вызывать отторжение у части людей, мнение которых немассовидно, альтернативно, находится в меньшинстве и т.д.

Интересно, что в этом году проявила себя практика интернет-опросов: за этим стоит желание воспроизвести спектр мнений, характерных для весьма устойчивых групп. Публикации в прессе результатов голосования на сайтах весьма любопытны.

Таблица 4

Партии	1	2	3	4
«Единая Россия»	44	1	8	18
КПРФ	13	22	41	19,5
«Справедливая Россия»	5	7	13	7
ЛДПР	6	3	15	3
«Яблоко»	1	25	18	26
«Правое дело»	2	2	2	1
«Патриоты России»	1	0,1	2	0,5
«Нах-Нах» ¹⁴	-	40	-	25

Левада-центр. Опрос 30.09—03.10.2011 г. Вопрос «Если бы выборы в Госдуму проходили в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на них и если да, то за какую партию вы бы голосовали?» (в % к ответившим «да»).

Сайт «Новой газеты»: «За какую партию вы бы проголосовали, случись выборы в Госдуму завтра?» Число проголосовавших — 4132.

Сайт «Новых Известий»: «За какую партию вы бы проголосовали, если бы выборы в Думу состоялись в ближайшее воскресенье?»

«Новая газета», сайт, число проголосовавших — 14 210. Обратим внима-

ние, что даже этот процесс стал предметом массированного «вброса» голосов. Так, публикуя эти данные, «Новая газета» подробно рассказывает о технологии подачи голосов и демонстрирует этот «вброс», обнаружить который позволяет как раз технологическая привязка голоса к адресу провайдера (если я правильно поняла эту технологию)¹⁵.

Сама по себе такая практика интересна: она помогает дополнительной идентификации аудитории конкретного информационного канала; демонстрирует дифференцированный характер такого мнения; иногда может быть весьма

полезной для предвыборных штабов политиков при составлении ими медиапланов. Единственное, что должно заботить профессионалов, изучающих общественное мнение, — это необходимость вести планомерную информирующую работу по разъяснению характера своей репрезентативной выборки; уж на что американцы на этом собаку съели, но вопрос с выборкой, с числом людей, входящих в эту выборку, остается самым отторгаемым обыденным сознанием. Нужна и работа с журналистами. Чтобы они не придавали конфронтационного характера своим данным. Чтобы они тоже вели просветительскую работу на благо ЦИОМ'ов. Такие опросы увеличивают содержательное пространство мнений, вплоть до весьма впечатляющих размеров симпатий к партиям-аутсайдерам, если взглянуть на рейтинг партий в прогнозах ЦИОМ'ов.

Проведем аналогию с парламентом — как образно сказал в романе «Бесмертие» писатель М. Кундера, «опросы общественного мнения — это перманентно заседающий парламент, цель которого — продуцировать правду, причем самую демократическую правду, какая когда-либо существовала»¹⁶. Ради чего осуществляется политическая деятельность любой партии, как не для того, чтобы в парламенте актуализировать свою программу (как задача-минимум)? Точно так же общество заинтересовано в том, чтобы в прессе были актуализированы точки зрения всего политического спектра.

Именно в этом месте следует вернуться к последней мысли из гипотезы Нозль-Нойман. Она говорит о механизме влияния на человека информации из окружающей действительности.

Как обстояли дела на этом фронте в России в преддверии парламентских выборов? Насколько монолитным было информационное пространство страны? Насколько там были представлены альтернативные точки зрения?

Пресса в целом

По данным социологических исследований, большая часть населения потребляет информацию федеральных телевизионных каналов, которые были практически единодушны в своих симпатиях к ЕР.

Тем не менее, по данным информационно-аналитической системы «Медиадиалогия»¹⁷, за период с 24 октября по 30 ноября 2011 г. об оппозиционных партиях было написано более 13 тыс. оценочных статей: 8712 — негативных, 4493 — позитивных, т.е. на каждые две отрицательные заметки приходилась только одна положительная. «Единая Россия», в свою очередь, в аналогичный период упоминалась в 12,5 тысячи оценочных статей: 7477 — негативных, 5107 — позитивных, т.е. примерно по одной положительной статье на каждые полторы отрицательные¹⁸.

Еще данные — «Национальная служба мониторинга» на основе анализа свыше 400 федеральных изданий (ТВ, радио, прессы, информационных агентств и интернет-СМИ; проанализировано свыше 14 тыс. информационных сообщений, полностью посвященных представителям несистемной оппозиции РФ) представила рейтинг цитируемости представителей несистемной оппозиции (период исследования: 1 января — 23 октября 2011 г. — количество сообщений с цитатой):

1. Алексей Навальный 2259
2. Борис Немцов 1587
3. Сергей Удальцов 1156
4. Эдуард Лимонов 658
5. Людмила Алексеева 594
6. Евгений Ройzman 470
7. Евгения Чирикова 388
8. Владимир Рыжков 371
9. Владимир Милов 324
10. Илья Яшин 315

Понятно, что это «средняя температура по палате». Это картина для в лучшем случае марсианского наблюдателя.

Ни один человек из аудитории СМИ не имеет такого обзора.

Кроме того, сами информационные каналы очень дифференцированы по политическим симпатиям, а значит, по пропорциям позитивных/негативных материалов о каждой партии. Тут сепаратор работает очень активно.

Но мы должны учитывать и данные, зафиксировавшие параметры нашего информационного поля, опрокинутые, так сказать, в прошлое. Человек имеет дело с информационным пространством как процессом. Приведем данные мониторинга прессы, например, осуществленного специалистами Центра экстремальной журналистики в 2006 г.¹⁹ Основные моменты выводов состоят в том, что президент Путин, правительство и правящая партия очень активно освещались в изучаемых национальных телеканалах. В четырех телеканалах около 90% главных новостей было посвящено власти. Освещение президента Путина было исключительно положительным. За четыре недели мониторинга финансируемый государством Первый канал посвятил 91% своих политических новостей властям. По тону 71% этих новостей были положительными и 28% — нейтральными. За тот же период противники действующей власти (СПС, «Яблоко», Республиканская партия, прочие), а также коммунисты получили в общей сложности только 2% времени, и их освещение было в основном негативным.

Канал «Россия» тогда посвятил 88% своих новостей в прайм-тайм деятельности властей: президента Путина (19%), правительства (53%), правящей «Единой России» (14%) и Администрации Президента (2%). Почти во всех случаях материалы были положительными или нейтральными. Напротив, противники правящей власти (СПС, «Яблоко», Республиканская партия, другие) получили только 0,6% эфирного времени, и их освещение было в основном негативным.

ТВ-Центр уделит 90% времени в новостях в прайм-тайм освещению деятельности властей: президента Путина (31%), правительства (42%), «Единой России» (16%) и Администрации Президента (1%), причем это освещение было положительным и нейтральным, хотя, в отличие от других каналов, ТВ-Центр выделил время для критического освещения кабинета министров (8%). Напротив, политические противники властей и КПРФ получили только по 2% такого эфирного времени, и их освещение было в основном негативным или нейтральным.

Рен-ТВ выделил больше эфирного времени для политических противников президента Путина и противников его правящей партии «Единая Россия». Хотя этот канал посвятил большую часть времени для новостей в прайм-тайм деятельности президента Путина (10%), правительства (38%), «Единой России» (16%), эти цифры существенно ниже, чем у других четырех каналов с национальным охватом. КПРФ и политические противники власти получили в сумме 19% времени. Качественный анализ также показывает, что этот канал был более объективным в освещении правительства и основных политических сил. Например, 19% времени для новостей в прайм-тайм было посвящено положительным по тону новостям, а 23% отрицательным.

НТВ посвятило 88% времени политических новостей в прайм-тайм деятельности властей: президента Путина (25%), правительства (51%), «Единой России» (11%) и Администрации Президента (1%). Тон такого освещения был в основном положительным или нейтральным. Вывод, который делают авторы обзора: большая часть изучаемых СМИ практически не предоставляют россиянам разные точки зрения. СМИ не служат площадкой для обмена мнениями, публичных дебатов, противостояния, расследований и комментариев, которая могла бы предоставить публи-

ке информированное, аналитическое и взвешенное освещение политики и деятельности государства.

Отметим также, что сам выход потребителя на информационные каналы в огромной — если не преобладающей — степени обусловлен личными симпатиями и антипатиями: на этом настаивает очень распространенная среди специалистов, изучающих массовые информационные потоки и процессы формирования общественного мнения, теория когнитивного диссонанса²⁰, к которой мы обратимся позднее; симптоматично, что автор теории, Л. Фестингер, ссылается тут на классическую книгу об эффективности массовой коммуникации Дж. Клаппера: «Каждый продукт деятельности средств массовой информации: 1) привлекает аудиторию, уже predisposed к восприятию материалов такого характера; 2) терпит неудачу при попытке привлечь внимание сколько-нибудь значительного числа тех, кто либо имеет противоположные интересы, либо до этих пор не был заинтересован в восприятии подобной информации (sic!!! — Л.Ф.)²¹.

И все же само столкновение данных 2006 г. и 2011 г. о содержании информационного пространства симптоматично. Как минимум, оно говорит о более критическом отношении прессы к субъектам политического пространства в последнее время.

Более того, для ситуации предвыборной были важны еще и другие обстоятельства.

Реклама и дебаты. Партии, получившие допуск к выборам, в начале октября 2011 г. получили бесплатный телерадиоэфир (по одному часу в каждом источнике) и газетные площади: в список вошли четыре телеканала, четыре радиостанции и ряд печатных изданий. Федеральный телеэфир должен быть поделен пополам — половина под рекламу (в любом жанре, в том числе и чистых выступлений), вторая — под теледебаты²².

И если мы суммируем общее впечатление аналитиков (по прессе и по радиоэфир, включая и впечатления автора) от рекламы и теле- и радиодebатов, то получается: партии не конкурировали между собой — они конкурировали с «Единой Россией». Они могли неотчетливо артикулировать свои отличия от своих конкурентов; они могли невнятно позиционировать себя для своей «идеальной» электоральной части; но они решили главную свою задачу — создать протестный электорат, который означал прибавку в голосах оппозиционных партий. Какая и в какой мере досталась каждой партии — вопрос к политологам. На уровне здравого смысла: меньше досталось исторически ранее сложившимся структурам — КПРФ и ЛДПР, электорат которых «проверен на прочность» в течение почти двух десятилетий; как утверждают аналитики в прессе, партии более «идеологизированны»; я бы прибавила сюда то обстоятельство, что их восприятие тесно спаяно с восприятием их лидеров-иерархов (мы говорим «ЛДПР» — подразумеваем «Жириновский», то же самое с парой «КПРФ — Зюганов»); больше досталось «Справедливой России», и досталось в самые последние недели перед выборами, что помешало большинству ЦИОМ'ов зафиксировать это в своих прогнозах.

Интернет. Сегодня картина не будет полной, если мы не упомянем Интернет. Может быть, с него и надо было начинать перечисление каналов с альтернативной информацией. Укажем лишь документированные характеристики. Сошлюсь на обстоятельную статью в «Независимой газете», процитировав самое начало: «Блоги, социальные сети, форумы и другие способы выражения в Сети настроений общества активно используются как площадка для агитации. В рамках кампании 2011 г. основной акцент граждане делают на протестном голосовании. Большинство видеороликов, текстов и обсуждений агитируют избирателей го-

лосовать за любую политическую структуру, кроме «Единой России»²³.

Безусловно, все вышеперечисленные информационные каналы с их характеристиками существуют как сообщающиеся сосуды с межличностной коммуникацией²⁴, а именно там формируются предпочтения, тестируются на лидерах мнений, соотносятся с окружающей социально-экономической ситуацией, что в целом означает питательную среду для подвижек в общественном мнении.

Часть 3. Ядро ЕдРо

Политика — это обязательства, которые не всегда строятся на логической основе.

Если бы это было так, если бы кандидатами и избирателями соблюдались правила логики, результат любых выборов был бы заранее известен.

Лесли Уоллер. Банкир

Представляется интересной исследовательская задача посмотреть

на ту долю населения (среди опрошенных), которая имеет **социально-психологические предпосылки для идентификации с носителями осознанного решения/мнения голосовать за «Единую Россию»**. Мы предлагаем именно такую последовательность, чтобы нейтрализовать по возможности политизированность, конъюнктуру вопроса в ситуации предвыборного/послевыборного информационного ажиотажа. Как кажется, этому отвечает вопрос из многолетнего зондажа Левада-центра «Как вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний более соответствует ситуации: «Все не так уж плохо и можно жить»; «Жить трудно, но можно терпеть»; «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно?». Он является для респондента в определенной мере интегрирующим ощущение от своей личной судьбы и более широкой социально-экономическо-политической ситуации; он не носит налета политической конъюнктуры... Сравнение ответов на этот вопрос в динамике дает интересную информацию:

Таблица 5

Ответы на вопрос «Как вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний более соответствует ситуации: «Все не так уж плохо и можно жить»; «Жить трудно, но можно терпеть»; «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно?» (1995 и 2011 гг.)

Группы сознания	2011	1995
«Все не так уж плохо и можно жить»	29	9
«Жить трудно, но можно терпеть»	52	51
«Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	17	35
Затруднились ответить	2	5

Как мы видим, чуть менее трети населения страны имеет социопсихологические предпосылки для обоснования своего решения в ходе последних выборов голосовать за «Единую Россию». Соединяя в данном случае мнение и поведение (а также ряд двойных связей, которые я представлю ниже), я ориентируюсь на хорошо известную профессионалам теорию когнитивно-

го диссонанса²⁵, на которую я уже ссылалась.

Психологи давно как о факте говорят, что любой человек стремится к сохранению достигнутой им внутренней гармонии. Его взгляды и установки имеют свойство объединяться в систему, характеризующуюся согласованностью входящих в нее элементов. Существует согласованность также между тем, что человек знает и чему он ве-

рит, и тем, что он делает. Представляя теорию диссонанса (т.е. существования противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, под которыми автор понимает любое мнение или убеждение индивида относительно окружающего мира, самого себя, своего собственного поведения), автор формулирует основные гипотезы:

1. Возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса. Диссонанс сам по себе является мотивирующим фактором. Когнитивный диссонанс может пониматься как условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение. Это чрезвычайно сильный побудительный фактор.

2. В случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию.

Интересна аргументация автора, которая важна и нам в данном случае:

Чтобы избежать диссонанса, у людей проявляется ярко выраженная тенденция изменить либо оценку услышанного им мнения, либо оценку источника информации в том направлении, которое уменьшило бы диссонанс.

Человек охотно вступит в разговор или дискуссию с тем, кто, как он считает, одобрит содержание нового когнитивного элемента, и, скорее всего, он будет избегать обсуждения данной темы с тем, кто будет поддерживать значимость того элемента, который человек пытается изменить. Человек, вне всяких сомнений, будет искать такие источники информации, которые способствовали бы добавлению консонантных элементов, и будет избегать источников, увеличивающих диссонанс.

При этом автор ссылается на исследования Купера и Ягоды, которые констатировали, что испытуемые предпочитают не сталкиваться лицом к лицу с идеями, про-

тиворечащими их собственными, чтобы им не пришлось ни защищаться, ни признавать ошибку: «...восприятие предвзятого человека находится под таким влиянием его предубеждений, что проблемы, освещенные в рамках противоположной концепции, подвергаются преобразованию с тем, чтобы оказаться совместимыми с его собственными представлениями. Совершенно не осознавая совершаемого им искажения фактов, субъект наделяет полученную информацию чертами собственной точки зрения».

Каково влияние наличия диссонанса и его степени на активный поиск либо избегание новой информации? Человеку свойственно вести поиски знания, уменьшающего диссонанс, и избегать сведений, его увеличивающих.

В случае если человек невольно сталкивается с информацией, способной увеличить диссонанс, в дополнение к обычным способам уменьшения диссонанса в его психике стремительно активизируются защитные механизмы, не позволяющие новому знанию упрочить свои позиции в когнитивной системе. Люди склонны осознавать и интерпретировать информацию, соответствующую уже существующим убеждениям.

Автор, анализируя многочисленные исследования на этот счет, упоминает и такие, которые не обладают необходимой степенью однозначности в интерпретации. Если известно, что люди, придерживающиеся либеральных взглядов в политике, имеют тенденцию к чтению либеральных газет, а консерваторы склонны читать консервативные газеты, мы не можем определить с точностью, ведут ли политические убеждения к выбору газеты, или предпочитаемая газета оказывает влияние на эти убеждения. Также мы не можем судить о наличии либо отсутствии диссонанса у читателей различных газет. Подобные факты не противоречат принципам теории диссонанса, но, конечно же, и не подкрепляют ее.

Легко также предположить, что если предметом суждения являются факты

объективной реальности, диссонанс, порожденный открытым выражением несогласия, будет небольшим. Также если человек придерживается широко распространенных взглядов, то диссонанс, вызванный выражением несогласия, будет небольшим. Как только человеку становится известно, что кто-то еще, независимо от него, придерживается определенного убеждения, возрастает количество когнитивных элементов, консонантных этому убеждению (вспомним гипотезу Ноэль-Нойман. — Л.Ф.). Так, если один из членов группы не согласен с мнением другого, величина диссонанса будет меньше для того из них, чье мнение разделяет большинство. Для величины диссонанса будут иметь значение переменные, которые определяют важность когнитивных элементов, включаемых в диссонанс. Чем более важным является элемент, тем больше будет диссонанс. Особо следует отметить значимость проблемы: чем более значима проблема для отдельного человека или целой группы, тем важнее будут когнитивные элементы, свидетельствующие о существовании иных взглядов на эту проблему, и тем больше будет диссонанс, вызванный выражением несогласия. Социальная поддержка позволяет принять новое, консонантное с убеждением познание, что уменьшает диссонанс. Это познание может, например, принимать вид слуха.

Автор говорит, что существует огромное количество данных в области изучения процессов влияния и коммуникации, начиная с контактов двух людей и заканчивая влиянием масс-медиа. Тот факт, что люди

склонны общаться с теми, кто разделяет их взгляды, или читать газетные публикации, выражающие позиции, которых они сами придерживаются, может рассматриваться как пример редукции диссонанса и попытки избежать его увеличения. Автор перечисляет данные исследований, которые условно могут быть разделены на две группы: демонстрирующие, что изменение мнения вследствие социальной коммуникации уменьшает диссонанс; и показывающие, что наличие диссонанса ведет к запуску процессов влияния.

Итак, теория Фестингера базируется на наблюдении того, что человеческий организм стремится к установлению внутренней гармонии между его мнениями, взглядами, знаниями и оценками, и поведением. Интересно, что интерес его к этой проблематике инициировал Бернард Берелсон, известный исследователь общественного мнения и массовых коммуникаций, который был в то время директором Центра изучения поведения при Фонде Форда. Сам Б. Берелсон участвовал в исследованиях в 40–50-х годах XX в. природы порождения общественного мнения, в том числе и под влиянием массовых коммуникаций, а также межличностной коммуникации.

Такое долгое погружение в теорию понадобилось мне, чтобы ввести двойные связи между общей оценкой опрашиваемым своего мироощущения от действительности (см. табл. 5) и конкретными их мнениями по поводу конкретных же социально-политических проблем сегодняшнего дня:

Таблица 6

Ответы на вопрос «Как вы считаете, в целом дела в России идут сегодня в правильном или в неправильном направлении?»
(опрос Левада-центра, октябрь 2011 г. Число опрошенных — 1520)

Группы сознания	В правильно	В неправильно	Затруднились ответить
«Все не так уж плохо и можно жить»	67	13	20
«Жить трудно, но можно терпеть»	33	44	23
«Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	11	72	17

Затруднились ответить	9	25	66
В целом	38	39	23

Таблица 7

**Ответы на вопрос «Одобряете ли вы деятельность Владимира Путина на посту председателя Правительства России?»
(опрос Левада-центра, октябрь 2011 г. Число опрошенных — 1520)**

Группы сознания	«Безусловно да» и «Скорее да»	«Скорее нет» и «Безусловно нет»	Затруднились ответить
«Все не так уж плохо и можно жить»	84	12	4
«Жить трудно, но можно терпеть»	61	29	10
«Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	29	64	7
Затруднились ответить	39	37	25
В целом	62	30	8

Таблица 8

**Ответы на вопрос «Если говорить в целом о стране, как вы считаете, через год жизнь в России будет лучше или хуже, чем сейчас?»
(опрос Левада-центра, октябрь 2011 г. Число опрошенных — 1520)**

Группы сознания	«Значительно лучше» и «Не- сколько лучше»	«Такой же, как сейчас»	«Несколько ху- же» и «Значитель- но хуже»	Затрудни- лись ответить
«Все не так уж плохо и можно жить»	28	51	4	17
«Жить трудно, но можно терпеть»	16	6	13	15
«Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	4	39	41	16
Затруднились ответить	4	27	11	58
В целом	18	51	14	17

Таблица 9

**Ответы на вопрос «Как вы считаете, сможет ли нынешнее правительство России в течение ближайшего года улучшить положение в стране?»
(опрос Левада-центра, октябрь 2011 г. Число опрошенных — 1520)**

Группы сознания	«Безусловно да» и «Скорее да»	«Скорее нет» и «Безусловно нет»	Затруднились ответить
«Все не так уж плохо и можно жить»	54	27	19
«Жить трудно, но можно терпеть»	28	56	16
«Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	13	74	13
Затруднились ответить	11	39	50
В целом	33	51	16

Таблица 10

Ответы на вопрос «Какую оценку вы бы дали деятельности Владимира Путина на посту председателя Правительства России?» (опрос Левада-центра, октябрь 2011 г., число опрошенных — 1520)

Группы сознания	Низкая оценка (1–3 балла)	Средняя оценка (4–7 баллов)	Высокая оценка (8–10 баллов)
«Все не так уж плохо и можно жить»	7	40	53
«Жить трудно, но можно терпеть»	17	50	33
«Терпеть наше бедственное положение уже невозможно»	32	54	14
Затруднились ответить	21	55	24
В целом	16	49	35

Анализ связей²⁶, продемонстрированных четырьмя последними таблицами, говорит нам, что существует сильная статистическая связь между мнением «все не так уж плохо и можно жить» и мнением, что «в целом дела в России идут сегодня в правильном направлении» (67%); между мнением «все не так уж плохо и можно жить» и оценкой «безусловно да» и «скорее да»²⁷ в ответе на вопрос «Одобряете ли вы деятельность Владимира Путина на посту председателя Правительства России?» (84%); между мнением «все не так уж плохо и можно жить» и оценкой «значительно лучше» и «несколько лучше»²⁸ и «такой же, как сейчас» в ответе на вопрос «Если говорить в целом о стране, как вы считаете, через год жизнь в России будет лучше или хуже, чем сейчас?» (79%); между мнением «все не так уж плохо и можно жить» и оценкой «безусловно да» и «скорее да»²⁹ в ответе на вопрос «Как вы счи-

таете, сможет ли нынешнее правительство России в течение ближайшего года улучшить положение в стране?» (54%); между мнением «все не так уж плохо и можно жить» и высокими (8–10 баллов) оценками деятельности Владимира Путина на посту председателя Правительства России (53%)³⁰.

Этот анализ позволяет утверждать, что мы можем говорить о социально-психологической опоре партии власти лишь на треть электората (29%), причем при сопоставлении реакции этого электората, что «все не так уж плохо и можно жить», на более актуальные параметры их оценок конкретных политических событий и персоналий, эта база уменьшается (от 53 до 84% этой трети). Но эти же данные говорят, что многие позитивные оценки действительности связаны с именем В. Путина. Это многое объясняет в исходе выборов в марте 2012 г.

¹ Lewis L.A. The Los Angeles Times Poll // Polling and Presidential Election Coverage, ed. by P. Lavracas, J. Holley. L., New Delhi: Sage Publications, 1991.

² Нозль Э. Массовые опросы. М., 1978. С. 24; Агафонов С. «Бабушка» в губернаторском кресле. Прошедшие японские выборы как зеркало грядущих российских // Известия. 25.05.1995 [Noel E. Massovyе oprosy. M., 1978. P. 24. Agafonov S. „Babyshka“ v gubernatorskom kresle. Proshedshie yaponskie vybory kak zerkalo gryaduschikh rossiyskikh // Izvestiya. May 25, 1995].

³ Процент только по думским партиям, и к числу определившихся.

⁴ Паули В. Физические очерки. М. : Наука, 1975. С. 50–63 [Pauli V. Fizicheskie ocherki. M. : Nauka, 1975. P. 50–63] Прибавим сюда тот методологический посыл, что при всех экспертных оценках состояния мнений широких масс, при ценности журналистских обобщений на этот счет, общественное мнение по любому поводу характеризуется высокой степенью неопределенности, и не только мнение, но и само поведение. Схожие мысли находим у теоретиков, рассматривающих социальную ситуацию, как игровую. Джон фон Нейман, родоначальник теории игр (разработчик

- логической схемы первой ЭВМ), постулировал, что для игры характерна неопределенность, причем следует различать два вида неопределенности: случайность и выбор. Мак-Дональд Д. продолжает эту мысль и рассматривает в этой парадигме... бизнес: «Большинство игр в реальной жизни также содержат оба вида неопределенности». Следующая цитата из Мак-Дональда Д. вплотную приближает нас к возможности перенести эти соображения на ситуацию с функционированием общественного мнения в социуме: «Игра выделяется благодаря такой неопределенности, которая возникает как результат свободы воли и выбора игроков, правда, в известных пределах. Интересная особенность игры состоит в том, что в значительной мере она разыгрывается в сознании игроков и только небольшая ее часть имеет формы открытых действий». Объективная экономическая реальность предоставляет индивиду новую роль — роль, в которой ему понадобятся такие шаги как отбор, селективность, избирательность (термины, наиболее часто встречающиеся в теории игр). Конкретное политическое пространство, все чаще описываемое с помощью коммерческих терминов, где, по сути, существуют технологии маркетинга, может быть также представлено как обладающее высокой степенью неопределенности. Можно представить на этом фоне усилия социологической науки дать обществу знания о самом себе, как способ снизить эту неопределенность. См.: Мак-Дональд Д. Игра называется бизнес. М. : Экономика, 1979. С. 21 [Mc-Donald D. Igra nazyvaetsya biznes. M. : Ekonomika, 1979. P. 21].
- ⁵ Именно здесь корни той дискуссии, которая издавна ведется в обществе: чем опросы общественного мнения являются на самом деле — «новой формой демократии или наоборот — формой «статистической тирании». См.: Clemens J. Polls, Politics and Populism. Aldershot: Gower Pub Co, 1983.
 - ⁶ Иванян Э. Белый дом: президенты и политика. М. : Издательство политической литературы, 1975. С. 264. [Ivanyan E. Belyj dom: prezidenty i politika. M. : Izdatelstvo politicheskaya literatury, 1975, P. 264].
 - ⁷ Рассчитано по абсолютным цифрам, которые приводит в своей книге Э. Иванян, в долях процентов возможны несовпадения с реальными цифрами, см. там же, с. 264 [See, *ibid.* 264].
 - ⁸ Разбор ошибок Института Гэллупа приводится в кн.: Дмитриев А.В. Политическая социология США. Л. : ЛГУ, 1971, С. 79 [Dmitriev A.V. Politicheskaya sotsiologiya SSHA. Leningrad: LGU, 1971, P. 79].
 - ⁹ Тогда Гэллуп, спрогнозировавший победу Рузвельта в противовес прогнозу журнала The Literary Digest, начал свою блистательную карьеру.
 - ¹⁰ Survey by the National Opinion Research Center, October 14-23, 1948.
 - ¹¹ Что симптоматично. Можно говорить, что и сегодняшняя ситуация с анализом исходов выборов на фоне прогнозов — тема вечная.
 - ¹² Ladd E.C. The trials of election polling: election polls—1948 and today // The Public Perspective — May/June, 1992: «Crossley did his final interviewing in mid October! Gallup concluded just a bit later—two weeks before the election. Had Gallup stopped polling in 1968 at the same point he did in 1948, his 1968 “prediction” would have been far off».
 - ¹³ The Gallup Opinion Index — Political, Social and Economic Trends, 1970 — May — Report. № 59, p. 15.
 - ¹⁴ Движение протестного голосования против всех (Прим. ред.)
 - ¹⁵ См.: Из Кувейта с любовью. К «Единой России» // Новая газета. 14.11.2011 [Iz Kuveita s ljubovjy. K “Edinoj Rossii” // Novaya gazeta. November 14, 2011].
 - ¹⁶ Кундера М. Бессмертие. СПб. : Азбука, 2000. С. 129 [Kundera M. Bessemrtie. SPb.: Azbuka, 2000. P. 129].
 - ¹⁷ Медиалогия — разработчик первой в России автоматической системы мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени. В базу данных круглосуточно поступает порядка 4000 СМИ: информагентства, газеты, журналы, радио, интернет и блоги. Также доступны текстовые версии телепрограмм основных федеральных телевизионных каналов: Первый канал, Россия, НТВ, Рен-ТВ, ТВЦ, РБК. Работа с системой позволяет осуществлять оперативный круглосуточный мониторинг информационного поля, а также проводить ежемесячный анализ текстов.
 - ¹⁸ Александров А. Война агитаций // Московский комсомолец. 05.12.2011 [Aleksandrov A. Vojna agitatsij // Moskovskij komsomolets. December 5, 2011].
 - ¹⁹ ЦЭЖ был создан в 2000 г. как правозащитная структура Союза журналистов России. С 2006 г. проводил первый мониторинг пяти телеканалов. Выводы о том, как в этих СМИ освещается российская политическая жизнь, базируются на количественном и качественном анализе. Первый отчет опубликован «Новой газетой»: Кто нам Путина осветил // Новая газета. 11—14.05.2006. [Kto nam Putina osvetil // Novaya gazeta. May 11-14, 2006].

- ²⁰ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000 [Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. SPb: Retch, 2000].
- ²¹ Там же. С. 179. [Ibid. P 179].
- ²² Родин И. Впереди большие партийные дебаты // Независимая газета. 1.10.2011 [Rodin I. Vpered bol'shie partijnie debate // Nezavisimaya gazeta. October 1, 2011].
- ²³ Мазаева Д. Сетевая свобода мнений: Интернет становится агитплощадкой для протестного голосования // Независимая газета. Приложение «НГ-политика». 1.11.2011. с.11 [Mazaeva D. Setevaya svoboda mnenij: Internet stanovitsya agitploschadkoj dlya protestnogo golosovaniya // Nezavisimaya gazeta. Prilozhenie "NG-Politika". November 1. 2011. P. 11].
- ²⁴ Социологи, сетуя по поводу падения интереса публики в развитых странах к выборам (число людей, принимающих в них участие, падает год от года), как индикатор отмечают снизившуюся долю политики среди всех тем, курсирующих в межличностной коммуникации. Интересно, что только что канадское агентство Globescan представило результаты ежегодного исследования под названием The World speaks («Говорит мир»). Социологи попросили жителей разных стран рассказать, о каких проблемах (в основном социального характера) они чаще всего говорили со своими близкими (выделено мною. — Л.Ф.) за последний месяц. Опрос Globescan проводился с июля по сентябрь, в нем участвовали 11 000 человек из 23 стран мира. Главной проблемой сегодняшнего дня большинство опрошенных считают коррупцию. О ней чаще всего вели «кухонные разговоры» около 25% участников The World speaks. Следом за этой проблемой в рейтинге страхов граждан 23 стран мира идут бедность (20%), рост цен на продукты и коммунальные услуги (18%), а также безработица (18%). Опрос The World speaks проводится организацией Globescan с 2009 г. Источник: Mail.ru 12.12.2011.
- ²⁵ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000 [Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. SPb: Retch, 2000]. Этой проблемой также занимались Осгуд и Танненбаум: см.: Osgood C.E., & Tannenbaum P.H. The principle of congruity in the prediction of attitude change // Psychological Review. 1955—62, 42—55; Купер и Ягода и др. Цитаты даются по книге Фестингера Л., переведенной у нас в 2000 г. Автор объясняет, почему он пользуется именно таким термином: он считает, что термин «диссонанс» имеет меньшую логическую коннотацию, чем слово «несоответствие», которое тут могло бы быть употреблено. Аналогичным образом вместо слова «соответствие» он употребляет более нейтральный термин «консонанс».
- ²⁶ Отметим, что речь не идет о том, что эти связи демонстрируют одни и те же лица: чтобы выйти на эту проблему, нужны более сложные математические процедуры. Здесь мы можем говорить только о сильных статистических связях.
- ²⁷ В анкете «безусловно да» и «скорее да» присутствовали отдельно; в анализе мы их соединили, чтобы укрупнить шкалу.
- ²⁸ См. сноску 24.
- ²⁹ См. сноску 24.
- ³⁰ В анкете оценки 8—10 фигурировали отдельно: это была 10-балльная шкала.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ У. ЧАВЕСА (2007–2011)

Т.Ю. Русакова

Главными направлениями социальной политики У. Чавеса в период с 2007 по 2011 г. стали борьба с бедностью и безработицей, растущим продуктовым и жилищным дефицитом, а также меры, направленные на дальнейшее повышение доступности образования и медицинского обслуживания.

В конце 2011 г. венесуэльская неправительственная организация ПРОВЕА зафиксировала ухудшение уровня жизни венесуэльцев в 17 штатах государства из 23, а также сокращение государственных расходов на социальную политику; она составляет всего 3,4% от ВВП, в 2006 г. этот показатель составлял 6,4% от ВВП¹. Таким образом, расходы на социальную политику за последние пять лет снизились почти в два раза.

Национальный институт статистики предоставил данные, согласно которым в период с 2007 по 2011 г. бедность уменьшилась всего на 0,1% по сравнению с периодом 1999 по 2006 г. Фактически ее уровень остался без изменений, что контрастирует с показателем 21,6% — именно на столько меньше стало бедного населения в стране с 1999 по 2006 г.

Обнародованный Национальным институтом статистики документ также раскрывает и другие цифры. В частности, согласно индексу «Линия бедности» число бедных домохозяйств выросло на 0,6% в первой половине 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. и составило 27,4%². Число семей, живущих в условиях крайней бедности, в первом полугодии 2010 г. составляло 7,3%, а в соответствующий период 2011 г. этот показатель составил — 7,6%³.

По данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки, в 2010 г., ВВП на душу населения вырос на 4,8% для региона в целом. При этом высокие темпы роста в одних странах соседствовали с падением ВВП В Венесуэле же было зарегистрировано уменьшение процента от ВВП на душу населения на 2,9% по сравнению с 2009 г.⁴

В последние четыре года борьба с бедностью, которую проводит боливарианское правительство, начинает «пробуксовывать»: сказывается нехватка средств для решения этой серьезной социальной проблемы, так как 3,4% ВВП, выделяемых правительством на социальную сферу, явно недостаточно.

Продолжился рост доступности образования. В 2011 г. начальное образование получили на 1,8% населения больше, чем в прошлом году, хотя динамика замедлилась, так как в 2009 г. этот показатель составлял 6,8%. Среди позитивных тенденций в сфере образования стоит отметить увеличение процента людей, получающих среднее специальное образование, на 7,6% по сравнению с периодом прошлого года⁵.

Фактор, препятствующий доступности образования, — это отсутствие достаточного числа государственных школ, предлагающих населению две ступени образования — от начального к среднему. Например, если частных школ, где обучение проходит непрерывно с первого по девятый класс, 10,6%, то среди правительственных школ их не более 1%⁶. Поэтому количество человек, получающих начальное образование в государственных школах, за год снизилось на 0,6%, а в

частных возросло на 2,3%. По сравнению с 2002 г. количество учащихся в правительственных школах снизилось на 5,7%, а число учащихся частных школ возросло на 18,4%. Тенденция получать как начальное, так и среднее образование в частных школах, а не в правительственных особенно видна в столичном округе, там число учащихся частных школ возросло на 14,4%. Схожую тенденцию можно также наблюдать еще в 12 штатах страны⁷.

Самая главная проблема государственного школьного образования — это нехватка учителей, особенно математики, физики, химии и биологии. Кадровые проблемы и отсутствие необходимого числа государственных школ, где возможно обучение с первого по девятый класс, сильно затрудняет доступность школьного образования.

В период 2007–2008 гг. по настоящее время число подготовительных школ (*preescolar*) выросло на 15,6%, обычных школ — на 15,1%⁸. За 2012 г. боливарианское правительство планирует построить семь новых школ. Также выросло число так называемых «симонситос» — учреждений дошкольного образования и пребывания детей от 0 до 6 лет. Однако число детей, посещающих «симонситос», упало на 37,7% по сравнению с предыдущим годом.

Несмотря на то, что государство неоднократно подчеркивает важность доступности и всеохватности среднего образования, за 2011 г., по данным Системы социальных показателей Венесуэлы (СИСОВ), зафиксировано падение государственных инвестиций в образование (в процентах от ВВП), а также падение реальных государственных расходов на одного учащегося.

В докладе ЮНЕСКО «Образование для всех» говорится, что по Образовательному индексу развития, который принимает во внимание четыре количественных аспекта: число детей, получающих начальное образование, уровень грамотности взрослого населения, про-

порции мужчин и женщин, получающих начальное образование и число учеников пятого года обучения в начальной школе, — в 2011 г. Венесуэла спустилась с 59-го места на 74-е⁹.

ПРОВЕА показывает также, что снизилось число участников образовательных миссий Робинсон 1 и 2, направленных на ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, при этом возросло их количество выпускников, что свидетельствует об успешном выполнении миссиями своих функций.

Боливарианское правительство осознает значимость образования как инструмента по борьбе с дискриминацией и нетерпимостью. В 2009 г. администрация У. Чавеса решила реформировать существующую систему образования и приняла органический закон об образовании, где объявлялся светский характер образования, вводился новый регламент приема абитуриентов в университеты, закреплялись новые образовательные стандарты, общие как для государственных, так и для частных школ, ограничивалась роль католической церкви в учебном процессе¹⁰. Данный закон вызвал сильный общественный резонанс и критику оппозиции, из-за того, что в законе объявлялось, что государство берет на себя воспитательную функцию¹¹. Это позволило сторонникам оппозиции заговорить об идеологизации и кубанизации образования в стране.

ЮНЕСКО отметила Венесуэлу как пятую страну в мире с самым большим числом поступивших в университет 83%¹². Для ликвидации неравного доступа к образовательным услугам в 2007 г. был создан Боливарианский университет, куда принимают бесплатно всех желающих, невзирая на результаты выпускных экзаменов. Правительство планирует создать по крайней мере еще 24 боливарианских университета по всей стране. Однако государственная система высшего образования имеет похожие проблемы, что и школьное: нехватка пре-

подавателей на местах и, как следствие, низкое качество университетского образования и выпуск неквалифицированных специалистов.

Планы правительства в сфере здравоохранения за последние четыре года включали в себя расширить и больше облегчить доступ к медицинским услугам, в том числе и для самых обездоленных групп населения.

Государству не удалось реализовать цель, поставленную на 2011 г. Оно объявило о намерении вложить в здравоохранение сумму 10% от ВВП¹³. Последние статистические данные Всемирной организации здравоохранения свидетельствуют, что государственное финансирование сферы здравоохранения в Венесуэле продолжает оставаться ниже мировых стандартов и ниже, чем в странах по региону. Средняя величина государственных расходов на здравоохранение составляет 12,6% от ВВП¹⁴ по региону в целом, в то время как в Венесуэле этот показатель составляет всего 5,4%¹⁵. В выражении на душу населения государственные расходы на здравоохранение в Венесуэле составляют 268 долл. США, в то время как этот же показатель на Кубе — 642 долл., в Уругвае — 457, Аргентине — 435, Чили — 335 и Бразилии — 317. Из-за недостатка финансирования нынешняя система здравоохранения Венесуэлы не в состоянии в полной мере удовлетворять нужды населения в медицинской помощи.

Проблемы в области государственного здравоохранения привели к увеличению спроса на услуги частной медицины. Только за 2011 г. обращение в частные клиники возросло на 55,1% по сравнению с 2010 г., согласно результатам исследования, проведенного Латиноамериканской ассоциацией частных систем здравоохранения (АЛАМИ)¹⁶.

Год от года растущая инфляция обостряет существующие проблемы в сфере здравоохранения. По данным Центрального банка Венесуэлы, в период с сентя-

бря 2010 по сентябрь 2011 г. индекс потребительских цен зафиксировал рост цен (на 58,5%)¹⁷ не только на медицинские услуги, но также и на медикаменты, медицинское оборудование и расходные материалы, 77% из которых закупается за границей.

Правительство попыталось решить эту проблему. В июне и августе 2011 г. президент несколько раз упоминал о возможных санкциях по отношению к частным клиникам из-за чрезмерного повышения цен на свои услуги. Тогда же Чавес поручил вице-президенту Э. Хауа вместе с Советом министров составить список нарушений частных клиник и частных страховых компаний. Следуя этому поручению, в июне 2011 г. была организована комиссия в составе министров иностранных дел, здравоохранения, образования, чтобы пересмотреть существующее законодательство в отношении частных клиник. В тот же день Институт защиты прав потребителя (*Indepabis*) объявил о получении 5017 жалоб на частные медицинские клиники и страховые компании за последние два года¹⁸, объявив, что примет соответствующие меры к тем компаниям, которые требуют от пациентов так называемый «страховой код» (подтверждение о наличии страховки от страховой компании, дающее право на обслуживание в клинике), к штрафам в размере до 5 тыс. налоговых единиц. Такая мера была вызвана рядом смертей, которые произошли из-за отказа медицинских клиник оказать первую помощь пациентам, так как у них отсутствовал страховой код, а на получение подтверждения от страховой компании ушло много времени¹⁹. Позднее запрещение требовать страховой код частным клиникам в случае оказания неотложной помощи было закреплено в законе о деятельности страховых компаний, что позволило снизить число смертей из-за промедления в оказании медицинской помощи.

В августе комиссия постановила заморозить цены в частных клиниках на

всей территории страны на три недели с целью оценить структуру расходов на медицинские услуги и причины инфляции в этом секторе. Эта мера также отразилась в законе, принятом посредством президентского декрета о справедливых ценах, который вступил в силу в ноябре 2011 г. и имел своей целью регулировать товары и услуги всех частных экономических агентов и был согласован между Министерством здравоохранения, представителями венесуэльской ассоциации частных медицинских клиник и больниц в присутствии депутатов Национальной ассамблеи.

Данный закон вызвал большое недовольство у владельцев частных клиник²⁰, которые справедливо полагали, что введением фиксированных цен на услуги частной медицины правительство пытается решить проблемы в сфере государственного здравоохранения, которое испытывает нехватку ресурсов для обновления устаревшей инфраструктуры, недостаток финансирования и кадровый голод. Например, президент республики и Министерство здравоохранения признали, что работы по ремонту в 152 больницах, которые правительство начало в 2007 г., в 2010 г. еще не были закончены, и в этих больницах медицинское обслуживание не велось²¹.

Из-за структурных проблем, которые испытывает венесуэльская сфера здравоохранения, намерение государства облегчить доступ населения к качественным медицинским услугам осуществляется в основном через адресные социальные программы, такие как миссия «Баррио Адентро», целью которой правительство ставило создание передвижных медицинских модулей, где бы работали кубинские врачи обособленно от существующих медицинских служб (14 000 врачей приехали в Венесуэлу на три года).

Этот амбициозный проект не достиг своей цели. Охват участников миссии сильно уменьшился начиная с

2006 г., а в 2009 г. правительство само признало, что в стране находятся 2149 медицинских модулей миссии, в которых нет медиков, а другие 1199 функционируют не в полную силу, ввиду отсутствия достаточно числа кадров (это от общего числа 4298 модулей миссии)²².

Миссия продолжилась вторым этапом — Баррио Адентро 2, что включает в себя 1146 центров общей диагностики, заменивших модули Баррио Адентро 1. Эти центры также обслуживаются кубинскими врачами. Причем меньше половины из них работают в полном объеме, а на функционирующие центры регулярно поступают жалобы на недостаток медикаментов и медицинского персонала.

Низкое качество государственных услуг в сфере здравоохранения привело к повышению числа обращений в частные клиники Венесуэлы, у кого есть возможность оплатить их услуги. Все это не способствует облегчению доступа к качественной и квалифицированной медицинской помощи различных групп населения, а сама венесуэльская система здравоохранения остается фрагментированной и нуждается в реформировании.

Венесуэльская система социального страхования наряду с системой здравоохранения также остается далеко не всеохватывающей. В течение 2011 г. боливарианское правительство принимало меры, направленные на включение большего числа людей в систему пенсий, был принят органический закон о системе социального страхования, но до сих пор более 50% населения Венесуэлы старше 60 лет не получают пенсии²³.

За год до президентских выборов, которые пройдут 7 октября 2012 г., боливарианское правительство опубликовало закон «Великая Миссия», направленный на людей старшего возраста, которые не входят в систему социального страхования по причине невыплат или неполных страховых взносов и не могут получать пенсию²⁴. Это дало оппозиции повод

обвинить Чавеса в «охоте за голосами». Миссия, по их мнению, должна поправить пошатнувшийся рейтинг президента (сейчас Чавеса поддерживают только 46% населения) и привлечь дополнительных сторонников²⁵.

В 2011 г. У. Чавес объявил о разработке нового органического закона о труде, который должен установить новый порядок социальных выплат и об образовании фонда на основе денежных средств государственной корпорации ПДВСА и других иностранных нефтяных компаний, благодаря которому планируется решить проблему социальных выплат. Чавес подчеркнул, что этот фонд будет направлен тем «тысячам работников, которые не получили еще свою пенсию»²⁶.

За последние четыре года поменялись приоритеты в социальной политике по отношению к национальным меньшинствам. Несмотря на принятие ряда новых законов в период с 2007 по 2011 г.²⁷, призванных защищать их права и сохранять национальную и культурную идентичность, права индейских народностей продолжают ущемляться. Созданные правительством организации, административные органы с участием членов национальных меньшинств и адресные социальные программы не всегда способствуют защите и реализации прав индейских народностей.

Наоборот, согласно докладом Министерства по индейским народностям, представленным в период с 2007 по 2010 г. Национальной ассамблее, отмечается, что количество работ по созданию инфраструктуры и услуг в индейских поселениях не соответствует реальному положению дел, а политика государства не выражает интересы национальных меньшинств.

В частности, до сих пор не установлены границы земель индейских общин, несмотря на то, что в первые месяцы 2011 г. Министерство по делам индейских народностей организовывало ассамблеи по этому вопросу в рамках самих

индейских общин в разных районах страны, чтобы обсудить аспекты, связанные с процессом демаркации.

Как следствие отсутствия официального закрепления земель за индейскими общинами, продолжается вытеснение индейских народностей с мест их исконного проживания²⁸. В результате индейцы перебираются в города в поисках лучшей доли, пополняя тем самым армию городской бедноты. Для того чтобы этого не произошло, необходимо наличие новых и эффективных социальных программ по улучшению положения индейцев, которые правительство пока не предложило, а бюджет, сверстанный на 2012 г., выделяет на каждого представителя национальных меньшинств сумму, равную 251 боливару в год (примерно 50 долл. США)²⁹. Выделяемых средств едва ли хватит даже на удовлетворение базовых потребностей членов индейских общин.

Щедро финансируя масштабные социальные программы, боливарианское правительство не спешит бороться с преступностью, самой главной проблемой в стране, по мнению 91% венесуэльцев, согласно данным социологического опроса, проведенного чилийской компанией «Латинобарометро»³⁰. Самый большой уровень преступности отмечается в столичном округе, где было зарегистрировано всего 28,32% случаев убийств.

Легкий доступ к огнестрельному оружию, культура насилия, давно укоренившаяся в менталитете, — все это служит причиной роста насилия и криминализации.

В 2011 г. неправительственной организацией «Обсерватор Венесолано де криминалидад» (ОВВ) был зарегистрирован рекорд за последние 12 лет — 57 убийств на сто тысяч человек, или 17 600 убийств за год, что делает Венесуэлу самой криминализованной страной наряду с Сальвадором и Гондурасом. «Даже в Мексике число убийств на 100 тысяч человек составляет 14, а в Бразилии —

23», — утверждает руководитель ОВВ Роберто Брисеньо Леон³¹. Самая опасная тенденция — это то, что 45% населения предпочитает вершить справедливость собственными руками, видя в этом альтернативу, чтобы покончить с преступностью³². Корни преступности кроются в равнодушии властей к этой проблеме, и это провоцирует дальнейшее обострение криминогенной обстановки. Причем 15–20% преступлений, и это признает само правительство, совершается полицейскими, хотя правительство не дает официальных цифр о состоянии преступности в Венесуэле³³.

Количество огнестрельного оружия — это фактор, напрямую влияющий на число убийств в стране. Согласно данным Комиссии по безопасности и обороне Национальной ассамблеи, на 27 млн населения страны приходится 12 млн единиц огнестрельного оружия³⁴. Легкость его приобретения — основная причина насилия среди молодого населения от 15 до 24 лет.

За последние десять лет в правительстве Венесуэлы сменилось десять министров по внутренним делам и правосудию, которые также отвечали и за гражданскую безопасность. Эта кадровая чехарда иллюстрирует отсутствие внятной стратегии правительства по поводу проблемы растущей криминализации страны. Сам президент в обращении к Национальной ассамблее в 2009 г. назвал меры по искоренению преступности «скромными» и поспешил обвинить «контрреволюционную буржуазию» в финансировании преступных группировок³⁵.

В 2011 г. Чавес объявил о создании Плана всеобщей гражданской безопасности, который был ориентирован на структурные изменения в полиции. Однако это не воодушевило экспертов. В частности, глава ОВВ Роберто Брисеньо Леон относится критически к планам правительства, считая, что изменения нужно начинать не с полицейских

рядов, а с глубоких изменений в венесуэльском обществе³⁶. Также президентом страны было объявлено о создании военного подразделения «Народная гвардия» для более эффективной борьбы с преступностью в стране, чьей целью будет превентивная, гуманитарная функция. Новое подразделение будет применять «культуру социализма» в борьбе с криминалом, однако, в чем именно заключается «культура социализма», Чавес не объяснил³⁷.

Был опубликован новый закон о запрещении проносить огнестрельное оружие в общественном транспорте, даже тем, у кого имеется официальное разрешение на ношение оружия³⁸. Чавес уверен, что данный запрет поможет снизить уровень преступности до 7%, однако на конец 2011 г. число убитых на 100 тыс. жителей только возросло по сравнению с 2010 г.³⁹

Еще одним шагом в борьбе с высоким уровнем преступностью в стране стало учреждение министерства по пенитенциарным учреждениям в июне 2011 г. Венесуэла имеет самое маленькое число заключенных по отношению к остальному населению во всей Латинской Америке и самое большое число убийств в тюрьмах⁴⁰. Главной функцией нового министерства является «перевоспитание заключенных», а также контроль за соблюдением их прав⁴¹. За последние полгода видимых результатов в работе министерства не было.

Правительство тратит на внутреннюю безопасность в семь раз меньше средств, чем на закупку вооружений. На безопасность граждан внутри страны на 2012 г. выделено всего 3% бюджета⁴², что крайне мало при таком высоком уровне преступности, который сейчас есть в Венесуэле. В проекте бюджета также отсутствует статья на строительство тюрем, хотя даже существующих сейчас пенитенциарных учреждений не хватает на содержание заключенных в нестесненных условиях.

Недостаточные и неэффективные меры правительства по снижению уровня преступности в Венесуэле ведут к дальнейшему росту числа убийств в стране.

Куда большее внимание уделялось жилищной политике. Одна из причин такого повышенного внимания к проблеме жилищного дефицита в Венесуэле — это проливные дожди в конце 2010 г., которые оставили без крыши над головой 113 500 человек⁴³.

В начале 2011 г. Чавес запустил миссию «Жилье», чтобы в кратчайшие сроки решить эту проблему. Как заявил сам президент, конечная цель миссии — создание 2 млн жилищ за период с 2011 по 2017 г.⁴⁴ Министерство по жилищному строительству оценивает дефицит жилья в 2 млн 800 тыс., причем 800 тыс. — это ранчо, которые нужно будет снести, а два миллиона жилищ строятся «с нуля». Таким образом, эта цифра соответствует 13 млн жителей Венесуэлы, которые не обеспечены достойным жильем. По данным неправительственных организаций, официальные данные правительства занижены и число нуждающихся в жилье гораздо выше⁴⁵.

Новая миссия состоит из нескольких этапов: 1) проведение переписи с целью выявления точного числа семей, нуждающихся в жилье; 2) выделение земель под строительство; 3) регистрация предприятий-подрядчиков, которые будут проводить строительные работы; 4) осуществление совместного финансирования работ государством и частными предприятиями; 5) удешевление строительных материалов.

Для реализации столь масштабного проекта были привлечены и другие страны. Так, министром энергетики и нефти Рафаэлем Рамиресом, который также является вице-президентом комиссии по территориальному развитию, была организована межправительственная комиссия Венесуэла — Китай, где Венесуэла запросила кредит в 4 млн долл. у банка

Китая для строительства жилья в Венесуэле⁴⁶, а на прошедшей в начале декабря межправительственной комиссии Россия — Венесуэла в Москве, государственная компания «Роснефть» взяла на себя обязательство принять участие в строительстве 30 тыс. жилищ в обмен на допуск к разработке богатого нефтяного месторождения в поясе Ориноко⁴⁷.

За 9 месяцев функционирования миссии «Жилье» правительству пока не удалось решить проблему жилищного дефицита. Как обещал У. Чавес, за 2011 г. в эксплуатацию будут сданы 150 тыс. новых жилищ, однако к концу года реальная цифра составила всего 34 тыс.⁴⁸ 18 тыс. человек, пострадавших во время сильных ливней 2010 г., продолжают жить в убежищах⁴⁹. Проблема таких низких темпов сдачи жилья — нехватка строительных материалов, от цемента до стекла и арматуры, а также отсутствие достаточного финансирования и юридической безопасности. Например, частные компании из-за перебоев с цементом вынуждены покупать его по завышенным ценам, что делает строительство домов для них крайне невыгодным.

На сайте министерства жилищного строительства приводятся другие цифры — построено не 34 тыс., а 85 тыс.⁵⁰ Оппозиция обвиняет правительство в том, что вместо строительства домов высокого качества оно замещает ранчо на жилье низкого качества для экономии времени⁵¹, потому что за такое короткое время невозможно построить необходимое количество жилищ. Согласно оппозиционному правительству, большинство домов после ввода в эксплуатацию имеют проблемы с водоснабжением, подачей электричества и газа, потому что все это создавалось людьми, не имеющими достаточного опыта в строительстве. Следует отметить, что Центральный банк Венесуэлы прекратил публикацию цифр о темпах строительства начиная с третьего квартала 2011 г.

В 2012 г. правительство планирует построить 200 тыс. жилищ, однако, по расчетам «Транспаренсия Венесуэла», при заложенных в бюджет 12 млрд боливаров удастся построить только 47 тыс. домов⁵².

На конец 2011 г. инфляция в Венесуэле составила 27%⁵³. Согласно венесуэльскому исследовательскому центру «Датаналисис», венесуэльцы больше половины своих доходов тратят на приобретение еды⁵⁴. По данным Центра документации и социального анализа Венесуэльской федерации специалистов (*Cendas-FVM*), стоимость потребительской корзины составляет 3321 боливар, что на полторы тысячи больше, чем официальные цифры правительства. Согласно этим данным, минимальный оклад только на 46% покрывает стоимость потребительской корзины⁵⁵.

Слишком высокие темпы инфляции снижают покупательскую способность населения. Отмечается снижение потребления риса на 7,6%, бананов на 19,2%, лука на 13,5%. Это объясняется также другими факторами — например, сложностью приобретения семян.

«Датаналисис» отмечает, что за 2011 г. недостаток продуктов питания в стране составляет 21%, меньше, чем в 2007 и 2008 гг., когда этот показатель составлял 33%⁵⁶. Этот уровень дефицита не критичен, но есть продукты, которые являются стабильно дефицитными, это растительное масло, курица, сухое молоко, мясо и пшеничная мука⁵⁷.

Государство со своей стороны отрицает дефицит продуктов, утверждая, что «саботаж» выгоден самим производителям продуктов, чтобы взвинтить цены. Политика государства по отношению к этой проблеме — запуск очередной миссии «Питание» и ввод различных законов, которые регулируют цены на продукты и товары гигиены, чтобы затормозить инфляцию и спекуляцию.

Пабло Барайбар, президент Венесуэльской палаты индустрии продуктов питания *Cavidea*, заявил, что причины ин-

фляции и продуктового дефицита — это социальные программы в области обеспечения продуктов населения, потому что они не должны адресоваться 60% населения, так как только 18% из них находится действительно в критической ситуации⁵⁸. Необходимо снизить социальную поддержку, чтобы оздоровить этот сектор производства.

Был принят закон о справедливых ценах, который вступил в силу в ноябре 2011 г. Он определяется правительством как мера по защите потребителя и снижения инфляции. На ряд продуктов и товаров установлены минимальные и максимальные цены, и выше цена быть не может. Правительство утверждает, что функция закона не в том, чтобы контролировать прибыли предприятий, но чтобы потребитель платил за продукты справедливую, а не завышенную цену⁵⁹.

Такой закон грозит сделать продажу продуктов нерентабельной. Когда правительство стало бороться с ростом цен на продукты путем их фиксации, только в 2007 г. 20% магазинов, входящих в сети социальных супермаркетов «Меркаль», продающих основные продукты питания для бедных слоев населения, вышли из нее из-за того, что работали себе в убыток. Охват миссии уменьшился на 43% по сравнению с периодом 2006 г., а 63% бедного населения продолжало закупать продукты первой необходимости в частных супермаркетах⁶⁰. Закон о справедливых ценах также может грозить дальнейшим ростом продуктового дефицита.

В период 2007 по 2011 г. действия правительства в сфере социальной политики и меры, направленные на решение социальных проблем, носили в основном адресный, фрагментарный характер и были направлены на достижение краткосрочных эффектов.

Неспособность правительства решить эти проблемы отнюдь не способствует сохранению рейтинга Чавеса и угрожает лишить его статуса самого популярного политика страны. Поэтому краткосрочные

адресные социальные программы (которых к концу 2011 г. насчитывалось около 30) служат инструментом для борьбы с растущим раздражением населения по поводу бытовых и экономических проблем и пока еще «работают», несмотря на их ярко выраженную патерналистскую направленность, непоследовательный характер и плохой контроль за их исполнением и излишнюю бюрократизированность⁶¹.

По сравнению с периодом 2002–2006 гг., когда «социальные миссии» только начинали реализовываться, они, прежде всего, выступали в качестве новых, более эффективных инструментов социальной мобилизации тех слоев населения, на которых в своем политическом курсе ориентировался Чавес. Согласно результатам фокус-групп, проведенных компанией «Датаналисис» в 2002 г., большинство опрошенных отмечали «неясность сообщений президента». Респондентам не была ясна идея боливарианской революции⁶².

Чтобы донести идею своей политики, а также чтобы преодолеть последствия разрушительной для экономики страны всеобщей забастовки 2002–2003 гг., венесуэльское правительство озвучило новую стратегию общественного развития, которая включала в себя увеличение объемов государственного и частного инвестирования, а также разработку социальных миссий. Их организация рассматривалась президентом и его сторонниками как «структурированная социальная политика, направленная на включение бедных в производственную деятельность»⁶³.

Несомненно, эти миссии, помимо повышения популярности Чавеса, послужили механизмом создания новых политико-социальных идентичностей, а также усиления социального порядка и повышения политического контроля за некоторыми социальными слоями. Это

были своеобразные механизмы «включения» в общественно-политическую деятельность той части населения, которая до этого была такой возможности лишена.

В настоящее же время ряд адресных социальных программ, запущенных в 2011 г., можно охарактеризовать в большей степени как средства «охоты» за голосами избирателей перед грядущими президентскими выборами в 2012 г. Меры, которые правительство предпринимает в борьбе с безработицей или бедностью, скорее декларативные. Например, в бюджете на 2012 г. полностью отсутствует статья на финансирование двух миссий — «Агро Венесуэла», которая призвана бороться с продуктовым дефицитом, и «Сабер и Трабахо», согласно которой правительство планирует создать 2 млн дополнительных рабочих мест⁶⁴.

Боливарианское правительство отошло от масштабной программы социальных реформ и сфокусировалось на поисках внешнего врага. В значительной степени увеличились расходы на покупку оружия. По данным Центра анализа мировой торговли оружием, Венесуэла потратила около 15 млрд долл. на приобретение оружия с 2005 г. В 2011 г. Россия одобрила кредит в 4 млрд долл. на оснащение Венесуэлы новыми видами вооружений⁶⁵.

ПРОВЕА обращает особое внимание в своем докладе, что в 2012 г. военные получают в 53,9 раза больше финансовых средств, чем женщины, или в 113,8 раза больше, чем национальные меньшинства. Военные расходы в бюджете 2012 г. увеличились на 198% по сравнению с 2011 г.⁶⁶

С 2007 г. приоритеты правительства У. Чавеса изменились, и в настоящее время решению социальных проблем придается не такая высокая степень значимости, как ранее.

¹ El Nacional, 09.12.2011. URL: <http://www.el-nacional.com/noticia/13416/16/Provea:-La-lucha-contrala-pobreza-se-estanco.html> (дата обращения: 12.07.2012 г.)

- ² Instituto Nacional de Estadística. URL: <http://www.ine.gov.ve/pobreza/menupobreza.asp> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ³ Ibidem.
- ⁴ CEPAL. Panorama social, 2011. URL: http://www.eclac.cl/publicaciones/xml/1/45171/CAPITULO_I_no_editado.pdf (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ⁵ PROVEA. Informe anual 2011 URL: <http://www.derechos.org.ve/pw/wp-content/uploads/06Educaci%C3%B3n.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Entorno inteligente. 20.09.2011. URL: <http://www.entornointeligente.com/articulo/1174615/VENEZUELA-Antes-de-noviembre-el-Gobierno-inaugurar%C3%83-23-Simoncitos> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ⁹ Informe de Seguimiento de la EPT en el Mundo 2011. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001921/192155s.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹⁰ Gackstter Nichols E., Morse J.K. Venezuela. California, Greenwood Publishing Group, 2010, p. 233.
- ¹¹ El Nuevo Herald. 15.08.2009. URL: <http://www.elnuevoherald.com/2009/08/15/520344/chavez-promulgo-nueva-ley-de-educacion.html> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹² Ministerio del Poder Popular para la Educación Universitaria. URL: <http://www.mppeu.gob.ve/web/index.php/organizacion/estadisticas> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹³ Comisión de Administración de Divisas. URL: <http://www.cadivi.gob.ve/saladeprensa/noticias/976-venezuela-destina-casi-10-del-pib-a-la-inversion-social.html> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹⁴ По состоянию на 2008 г.
- ¹⁵ Panorama social de América Latina. Cepal, 2011. URL: http://www.eclac.cl/publicaciones/xml/1/45171/CAPITULO_I_no_editado.pdf (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹⁶ Asociación venezolana de sistemas privados de salud. Sistema de Aseguramiento en Venezuela. Participación del sector privado. URL: <http://www.alami.org/modulos.php?mod=documentos3&fn=5970ce332198baee7cde000c7169bf0&cat=17> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹⁷ Índices de precios al consumidor. Banco Central de Venezuela. www.bcv.org.ve
- ¹⁸ Informe 21. 13.06.2011. URL: <http://informe21.com/agosto-montiel/indepabis-registra-5017-denuncias-clinicas-privadas-caracas-los-ultimos-dos-anos> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ¹⁹ Informe 21. 24.06.2011. URL: <http://informe21.com/clinicas-privadas-venezuela/asamblea-nacional-investigara-irregularidades-clinicas-clave-seguros> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²⁰ Informe 21. 16.08.2010. URL: <http://informe21.com/clinicas-privadas-venezuela/bbc-mundo-alerta-aprobacion-ley-introducir-regulaciones-clinicas-privada> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²¹ PROVEA. Informe anual 2011. URL: <http://www.derechos.org.ve/pw/wp-content/uploads/09Salud.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²² Hernán Lugo Galicia: Chávez: Un ejército de batas blancas llegar en 2010. El Nacional, 05.10.09
- ²³ PROVEA. Informe anual 2011. URL: <http://www.derechos.org.ve/pw/wp-content/uploads/10SeguridadSocial.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²⁴ URL: <http://www.talcualdigital.com/nota/visor.aspx?id=63403> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ URL: <http://www.infolatam.com/2011/11/13/venezuela-chavez-anuncio-una-nueva-ley-del-trabajo-y-el-lanzamiento-de-un-bono-petrolero/> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²⁷ Ministerio del Poder Popular para los Pueblos Indígenas. Memoria y Cuenta 2010. URL: <http://minpi.gob.ve/web/images/stories/enlaces/memoria2010.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²⁸ PROVEA. Informe anual 2011. URL: <http://www.derechos.org.ve/pw/wp-content/uploads/08PueblosInd%C3%ADgenas.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ²⁹ Transparencia Venezuela. Nuestro Presupuesto 2012. URL: [http://www.transparencia.org.ve/Home-\(1\)/NoticiaPrincipal/Presupuesto-2012--Deficitario,-discrecional-y-opac.aspx](http://www.transparencia.org.ve/Home-(1)/NoticiaPrincipal/Presupuesto-2012--Deficitario,-discrecional-y-opac.aspx) (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ³⁰ Latinobarómetro. Informe Latinobarómetro 2011. URL: <http://www.latinobarometro.org/latino/LAT-Contenidos.jsp> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ³¹ Informe 21. 25.08.2011. URL: <http://informe21.com/actualidad/homicidios-siguen-ascenso-venezuela-cada-vez-mas-violenta> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ³² Ibidem.

- 33 Informe 2011. 26.02.2010. URL: <http://informe21.com/actualidad/cien-mil-homicidas-se-encuentran-libres-venezuela-segun-observatorio-violencia> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 34 URL: http://www.elpais.com/articulo/portada/Caracas/guerra/nombre/elpepusoceps/20100418elpepspor_9/Tes (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 35 Ibidem.
- 36 Ibidem.
- 37 CNN. 18.11.2011. URL: <http://www.cnn.mx/mundo/2011/11/18/hugo-chavez-pone-a-militares-a-combatir-la-inseguridad-en-venezuela> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 38 Wradio.com. 25.11.2011. URL: <http://www.wradio.com.co/noticias/internacional/venezuela-prohibe-las-armas-en-transporte-publico-en-lucha-contr-violencia/20111125/nota/1583888.aspx> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 39 Ibidem.
- 40 Informe 21. 16.06.2011. URL: <http://informe21.com/actualidad/roberto-briceno-leon-advierde-espiral-violencia-pais> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 41 TeleSur. 26.07.2011. URL: <http://www.telesurtv.net/secciones/noticias/95685-NN/chavez-designa-a-diputada-iris-varela-ministra-de-servicios-penitenciarios/> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 42 Transparencia Venezuela. Nuestro Presupuesto 2012. URL: [http://www.transparencia.org.ve/Boletines-\(1\)/Mensual/Informe-Nuestro-Presupuesto-Octubre-Noviembre-2011.aspx](http://www.transparencia.org.ve/Boletines-(1)/Mensual/Informe-Nuestro-Presupuesto-Octubre-Noviembre-2011.aspx) (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 43 El País. 30.11.2010. URL: http://www.elpais.com/articulo/internacional/intensas/lluvias/Venezuela/causan/29/muertos/miles/damnificados/elpepuint/20101130elpepuint_46/Tes (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 44 URL: <http://www.chavez.org.ve>. URL: <http://www.chavez.org.ve/temas/noticias/chavez-%E2%80%9Cmision-vivienda-venezuela%E2%80%9D-se-inaugurara-12-abril/> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 45 PROVEA. Informe anual 2011. URL: <http://www.derechos.org/ve/pw/wp-content/uploads/12Vivienda.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 46 URL: http://www.mvh.gob.ve/index.php?option=com_content&view=category&id=45&layout=blog&Itemid=81 (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 47 La.rusiahoy.com. 09.12.2011. URL: http://la.rusiahoy.com/articles/2011/12/09/rusia_accede_a_la_explotacion_del_mayor_yacimiento_petroliero_en_ve_13160.html (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 48 Tal Cual. 12.12.2011. URL: <http://www.talcualdigital.com/nota/visor.aspx?id=63201> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 49 Tal Cual 29.11.2011. URL: <http://www.talcualdigital.com/nota/visor.aspx?id=62541> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 50 Ministerio del Poder Popular para Vivienda y H bitat. URL: http://www.mvh.gob.ve/index.php?option=com_content&view=article&id=658:gran-mision-vivienda-ha-realizado-85527-viviendas-dignas-en-el-pais&catid=45:mision-vivienda-venezuela&Itemid=81 (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 51 Tal Cual 14.11.2011. URL: <http://www.talcualdigital.com/nota/visor.aspx?id=61699> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 52 Transparencia Venezuela. Nuestro Presupuesto 201. URL: 2 [http://www.transparencia.org.ve/Boletines-\(1\)/Mensual/Informe-Nuestro-Presupuesto-Octubre-Noviembre-2011.aspx](http://www.transparencia.org.ve/Boletines-(1)/Mensual/Informe-Nuestro-Presupuesto-Octubre-Noviembre-2011.aspx) (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 53 El Universal. 19.09.2011. URL: <http://www.eluniversal.com/2011/09/19/la-inflacion-en-venezuela.shtml> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 54 PROVEA. Informe Anual 2011. URL: <http://www.derechos.org/ve/pw/wp-content/uploads/04Ali mentaci%C3%B3n.pdf> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 55 www.cendasfm.org. URL: <http://www.cendasfm.org/noticias/noticia4.html> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 56 El Nacional. 30.03.11. URL: <http://www.entornointeligente.com/articulo/1100998/786-de-los-venezolanos-paga-mas-por-alimentos> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 57 Ibidem.
- 58 El Universal. 11.09.2011. URL: <http://www.eluniversal.com/economia/110928/cavidea-fija-posicion-sobre-impacto-de-ley-de-costos> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 59 Tal cual. 29.11.2011. URL: <http://www.talcualdigital.com/Nota/visor.aspx?id=61227&tipo=AVA> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- 60 Цит. по: Krauze, E. El poder y el delirio. México, 2008. P. 311.

- ⁶¹ Появился ряд новых министерств: министерство жилищного строительства, министерство социальной экономики, министерство высшего образования, министерство пенитенциарных учреждений. Gómez Sánchez I. El papel de las misiones sociales en la construcción de identidades políticas en Venezuela// Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales. 2007. Vol.13. No.1. P. 30.
- ⁶² McCoy J., Myers D. The Unraveling of Representative Democracy in Venezuela. Baltimore, 2004. P. 252.
- ⁶³ Giordani, J. Venezuela, desarrollo nacional y desarrollo social. III Cumbre de la Deuda Social, Ministerio de Planificación y Desarrollo. — Caracas, 2004: URL: http://www.mpd.gob.ve/noticias/des-soc_des-nac.htm (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ⁶⁴ Transparencia Venezuela. Nuestro Presupuesto 2012 . URL: [http://www.transparencia.org.ve/AreasEs-trategicas-\(2\)/Informe-Nuestro-Presupuesto_-2012.aspx](http://www.transparencia.org.ve/AreasEs-trategicas-(2)/Informe-Nuestro-Presupuesto_-2012.aspx) (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ⁶⁵ ЦАМТО. URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2011/1109/100010289/detail.shtml> (дата обращения: 12.07.2012 г.)
- ⁶⁶ Transparencia Venezuela. Nuestro Presupuesto 2012. URL: [http://www.transparencia.org.ve/AreasEs-trategicas-\(2\)/Informe-Nuestro-Presupuesto_-2012.aspx](http://www.transparencia.org.ve/AreasEs-trategicas-(2)/Informe-Nuestro-Presupuesto_-2012.aspx) (дата обращения: 12.07.2012 г.)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ НА ПРИМЕРЕ США И РОССИИ

С.И. Росенко

XXI столетие ознаменовалось существенными изменениями параметров социальной дифференциации современного общества. Вступление в эру постиндустриальной экономики обусловило появление качественно нового деления социума на определенные совокупности индивидов, имеющих схожие имущественные, профессиональные, образовательные, демографические и другие характеристики. Трансформация социальных групп, страт и слоев, с одной стороны, характеризуется общими тенденциями своего развития, а с другой — имеет специфические особенности в отдельно взятых странах, определяемые их экономическими, политическими, историческими, национальными и иными условиями. В настоящее время Россия и Соединенные Штаты Америки занимают одно из центральных мест в мировой политике и экономике. В этой связи сравнительный анализ основных параметров дифференциации в этих странах представляет научный и практический интерес как для понимания динамики социального развития в целом, так и для определения присущих им характерных черт и особенностей.

Исследование качественных и количественных показателей социальных групп прежде всего зависит от динамики общей численности населения (табл. 1).

Таблица 1
Численность населения России и США

Год	Численность населения (млн чел.)	
	РФ	США
1990	147,7	250,1

2000	145,6	285,1
2010	141,9	308,7

Источник: Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 77; US Department of Commerce/ Economics and Statistics Administration / U.S. Census Bureau. Issued May, 2011. P. 2.

Представленные статистические данные фиксируют прямо противоположные тенденции. Последние десятилетия стали для России периодом значительного уменьшения численности населения (1990 г. — 147,7 млн чел., 2010 г. — 141,9 млн чел.). Столь катастрофичное развитие демографической ситуации было предопределено затыжным экономическим кризисом и непрофессиональным реформированием социальной системы. Резкое падение уровня жизни и обнищание значительной части населения привели к обвальному уменьшению численности россиян, при этом, согласно прогнозам Российской академии наук, к 2050 г. этот показатель составит всего 98 млн чел. Такие же выводы звучат и в докладе Всемирного банка, в котором отмечается, что Россия и другие страны на постсоветском пространстве допустили на своей территории взрывоопасную смесь из стареющего населения, относительно низкого уровня жизни и незавершенных экономических, социальных и политических реформ. Одновременно США демонстрировали стабильную положительную динамику численности населения (1990 г. — 248,8 млн чел., 2010 г. — 308,7 млн чел., а в долгосрочной перспективе к 2050 г. согласно

прогнозам статистических служб, численность американцев возрастет до 439 млн чел), при этом ее определяющим фактором выступила стабильно высокая интенсивность иммиграционных процессов.

Столь противоположная динамика численности населения во многом определяется состоянием его основных демографических параметров. Гендерные группы представлены примерно схожим соотношением удельного веса мужчин и женщин в составе населения: Россия — 46% и 54%, США — 50,8% и 49,2%. Вместе с тем существуют значительные различия по показателям рождаемости и смертности, отражающим воспроизводство населения: количество родившихся в 2009 г. в России и США составило соответственно 12,4 чел. и 13,1 чел. на 1000 чел. населения, а умерших — 14,2 и 8,3. Коэффициент рождаемости в России равен 1,5, в США — 2,1. Также демографическая структура характеризуется распределением населения по возрастным группам. В настоящее время в России нижняя группа (до 15 лет) составляет 16,1% россиян, средняя (16–59 лет) — 62,2%, верхняя (свыше 60 лет) — 21,7%. В США аналогичные показатели выглядят несколько иначе: нижняя группа (до 18 лет) составляет 25,7% американцев, средняя (18–64 лет) — 59,9%, верхняя (свыше 60 лет) — 12,4%. Средний возраст среднестатистического россиянина сейчас равен 37 годам, американца — 37,2 года. Продолжительность жизни в России составляет 68,7 года против 78,1 года в США¹. Представленные показатели обусловили отрицательную динамику естественного движения населения России со всеми вытекающими последствиями для развития страны как социальной системы. В то же время достаточно высокая рождаемость, низкий уровень смертности и значительная продолжительность жизни самым благоприятным образом сказались на состоянии демографической дифференциации современного американского общества.

Необходимым элементом социальной структуры общества выступают территориальные общности, представляющие собой совокупности людей, проживающих в границах определенных административно-территориальных образований. Как и все остальные элементы социальной системы, территориальные общности находятся в процессе развития, приобретая новые характеристики в связи с изменениями, происходящими в обществе в целом. В своем развитии они постоянно меняют свои параметры под воздействием природных факторов, естественного движения населения, геополитического и экономического статуса регионов, возникновения новых видов жизнедеятельности людей. За этими изменениями прослеживается их социальная детерминация, определяемая уровнем общественного развития в целом. В настоящее время осуществляется процесс глобализации на основе углубления взаимосвязи и взаимозависимости между всеми видами территориальных общностей.

Территориальная дифференциация прежде всего отражает параметры городского и сельского населения, соотношение которого в настоящее время выступает одним из критериев постиндустриального развития социума. В экономически развитых странах урбанизация населения явилась характерной особенностью XX столетия. В общей сложности в начале XXI столетия впервые в мировой истории население городов по своему количеству превысило население сельской местности и согласно статистическим данным ООН к 2010 г. составило 51.1% населения Земли. Именно высокая степень урбанизированности является общей особенностью российского и американского социумов. В 2010 г. соотношение городского и сельского населения в России составило 73,0% и 27,0%, в США — 81,4% и 18,6%², что свидетельствует о схожих тенденциях развития территориальной дифференциации.

Одним из определяющих факторов эволюции социальной сферы является изменение численности и состава эконо-

мически активного населения, включающего в себя занятое население и категорию безработных (табл. 2).

Таблица 2

Структура экономически активного населения РФ и США

Год	Экономически активное население											
	Россия						США					
	Общая численность		Занятое население		Безработные		Общая численность		Занятое население		Безработные	
	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
1990	75,1	100	71,2	94,8	3,9	5,2	125,8	100	118,8	94,4	7,0	5,6
2000	72,8	100	65,1	89,4	7,7	10,6	142,6	100	136,9	96,0	5,7	4,0
2010	75,4	100	69,8	92,6	5,6	7,4	153,9	100	139,0	90,3	14,9	9,7

Источник: Россия в цифрах. 2011: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 92; Statistical Abstract of the United States: 2012 (131st Edition) Washington, DC, 2011. P. 377.

Сравнительный анализ изменения численности экономически активного населения в целом выявляет общую положительную динамику, хотя и с разными показателями; так, если за последние два десятилетия его количественные параметры в России увеличились всего на 0,3 млн чел. (с учетом резкого сокращения в конце 1990-х гг.), то в США прирост составил свыше 28 млн чел. Примерно одинаковым выглядит и распределение занятого населения по статусу: в среднем 90% занятых в экономике обеих стран составляют работающие по найму и 10% — приходится на категорию предпринимателей и самостоятельных работников. При этом статистика выявляет разное соотношение занятых в экономике и безработных в составе экономически активного населения. В то время как с 1990 г. по 2010 г. в России численность и удельный вес занятого населения уменьшился с 71,2 млн чел. (94,8%) до 69,8 млн чел. (92,8%), в США аналогичный показатель вырос с 118,8 млн чел. (94,4%) до 139,0 млн чел. (90,3%). Приведенные данные отражают достаточно низкий уровень востребованности трудовых ресурсов в России. Вместе с тем за про-

шедший период одновременно выросла численность как российских, так и американских безработных. Это означает, что мировой экономический кризис не обошел стороной и США, что определило наличие общих черт социальной дифференциации.

Значительные изменения произошли и в профессионально-отраслевой структуре населения, отражающей положение индивидов в системе общественного разделения труда. Основной тенденцией развития отраслевой структуры в современном мире является перемещение рабочей силы в услугопроизводящий сектор экономики. В 2010 г. в США 81,3% занятого населения было задействовано в сфере нематериального производства (транспорт, связь, оптовая и розничная торговля, финансовая деятельность, страхование, коммунальное хозяйство, различного рода услуги производственного и бытового назначения) и только 18,7% — приходилось на отрасли промышленности, сельского и лесного хозяйства, строительство³. В России в последнее десятилетие происходили аналогичные процессы, хотя они выражаются несколько в ином процентном вы-

ражении: в 2009 г. соотношение занятых в материальном и нематериальном секторах составило соответственно 35,7% и 64,3%⁴. Но если в постиндустриальных странах перемещение рабочей силы в сферу услуг обусловлено новым технологическим уровнем производства, то в России это происходило во многом вследствие сокращения производственного потенциала страны. Что же касается профессионального деления, то общей ведущей тенденцией его изменения явилось возрастание доли умственного и нефизического труда в содержании профессиональных функций.

Важную роль в социальной идентификации играет имущественное расслоение населения, определяемое размером и структурой его денежных доходов и расходов, дифференциацией доходов по различным группам, уровнем бедности в обществе и другими экономическими параметрами. Характерной тенденцией развития имущественной дифференциации в России в последнее десятилетие явился низкий уровень доходов и заработной платы подавляющей части населения при сверхвысоких доходах его элитарных групп и слоев. Особенно это ярко проявилось в 1990-е гг., когда уровень жизни населения столь стремительно падал, что имущественное расслоение российского общества достигло критических размеров. Даже относительно положительная динамика денежных доходов и заработной платы начала 2000-х гг. не приблизила их к аналогичным показателям в экономически развитых странах. В долларовом эквиваленте заработная плата составляла: 1992 г. — 22\$, 1995 г. — 103\$, 2000 г. — 79\$, 2001 г. — 111\$, 2006 г. — 396\$, 2009 г. — 621\$⁵. Столь низкий уровень доходов основной массы населения в России представляет серьезную экономическую проблему и определяет социальную нестабильность в стране.

Также имущественная дифференциация в современной России характе-

ризуется формированием новой структуры доходов и расходов населения. С одной стороны, в рассматриваемый период происходило снижение удельного веса заработной платы, являющейся основным источником доходов наемной рабочей силы. С другой — произошло возрастание удельного веса доходов от предпринимательской деятельности и доходов от собственности. Так, в 2009 г. 65,2% доходов составляла оплата труда, 9,7% — доходы от предпринимательской деятельности, 8,2% — доходы от собственности⁶. При этом анализ структуры расходов свидетельствует о том, что подавляющая часть полученных денежных средств используется населением на приобретение продуктов питания, одежды и других непродовольственных товаров, оплату жилья, транспортных и прочих услуг, т.е. на обеспечение естественного выживания. Вместе с тем появление новых статей расходов, связанных с приобретением недвижимости и покупкой валюты, отражает широкие финансовые возможности отдельных социальных групп и слоев. Такое соотношение во многом определяет новую социально-классовую дифференциацию населения, сопровождающуюся появлением группы предпринимателей и представителей бизнеса. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов характеризует дифференциацию населения по уровню материального достатка. Статистические данные свидетельствуют, что в настоящее время в России сложилась ситуация, когда 20% наиболее обеспеченных россиян имеют в совокупности такие же доходы, как и остальные 80%. В настоящее время страна входит в мировую тройку лидеров по количеству долларовых миллиардеров, в то время как огромное количество населения живет за чертой бедности. Столь резкая поляризация населения по уровню доходов является основной причиной медленно-го формирования среднего класса в Рос-

сии и источником социальной напряженности в обществе.

Для США в целом характерны высокие жизненные стандарты населения; так, если в 1990 г. средний доход американских семейств составлял 54,3 тыс. долл., то в 2009 г. этот показатель равнялся 60,3 тыс. долл.⁷ Это во многом определило такую тенденцию развития социальной структуры, как увеличение численности средних слоев населения, занимающих промежуточное положение между имущими и неимущими группами. При этом распределение доходов было также далеко неравномерным — согласно статистическим данным, в 2009 г. удельный вес доходов 5% самых богатых американских домохозяйств превышал долю доходов 40% малоимущих и неимущих⁸. Конечно, экономический кризис 2008 г. внес свои коррективы в развитие

имущественной дифференциации, но ее отличительной особенностью явился высокий уровень жизни многочисленного среднего класса. Также нельзя забывать о том, что во многом имущественный статус американцев определялся проводимой в стране кредитной политикой. Общеизвестным является тот факт, что американцы живут в долг: так, в 2011 г. общая сумма долгов в США составила 56,4 трлн долл., в том числе задолженность американских потребителей — свыше 2,4 трлн долл. Такая ситуация представляет угрозу национальной экономике и означает, что большинство американцев потребляет больше, чем позволяют их возможности.

Общей тенденцией социального развития явилось повышение образовательного уровня населения обеих стран (табл. 3).

Таблица 3

**Образовательный уровень занятого населения России
(в процентах к итогу)**

	Имеющие образование					
	профессиональное			общее		
	высшее	среднее	начальное	среднее полное	основное	начальное и без образования
1995	19,9	33,2	-	33,2	12,0	1,8
2009	29,0	27,5	18,6	20,1	4,5	0,3

Источник: Российский статистический ежегодник. 2010. Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 139.

Образовательная дифференциация российского общества характеризовалась значительным ростом удельного веса лиц с высшим профессиональным образованием; преобладанием в составе занятого населения лиц со средним общим, средним профессиональным и начальным профессиональным образованием; сокращением удельного веса лиц с основным общим и начальным образованием и неграмотных. Практика становления постиндустриального общества в России свидетельствует не только о возросшей роли образования в форми-

ровании личности, но и в его определяющем значении в развитии всей сложной, дифференцированной по самым различным направлениям, социальной системы. Для американского социума также характерны достаточно высокие образовательные стандарты. Достигнутый образовательный уровень все более становится основным условием для получения престижной работы и достижения соответствующего социального статуса. В 2010 г. удельный вес образовательных групп в составе рабочей силы США старше 25 лет составлял: лица без среднего

образования — 10,4%, имеющие среднее образование — 28,8%, лица с высшим образованием — 34,6%, лица, не имеющие степени бакалавра — 27,7%⁹. При этом, в отличие от российской действительности, американская статистика фиксирует четкую взаимосвязь между уровнями образования и доходов населения.

Таким образом, сравнительный анализ современного российского и американского общества выявляет как специфические, так и схожие черты своего развития. Особенности социальной дифференциации в России явилось углубление имущественного неравенства, поляризация социальных групп по величине дохода, маргинализация ряда слоев, составлявших социальную структуру предшествующе-

го типа общества. К числу тенденций развития американского социума следует отнести наличие многочисленного среднего класса, характеризующегося высокими имущественными стандартами при одновременно высоком уровне потребительской задолженности. Вместе с тем существуют и общие тенденции социального развития. К их числу относятся увеличение численности экономически активного населения, изменение социального состава рабочей силы и ее перемещение в сферу услуг, высокий образовательный уровень, возрастание как восходящей, так и нисходящей мобильности и др. Эти объективные процессы во многом определяют содержание постиндустриального этапа социального развития.

- ¹ Российский статистический ежегодник. 2010. С. 96—113 [Rossiyskij statisticheskij ejegodnik. 2010. P. 96—113]; National Vital Statistics Report. Births, Marriages, Divorces, and Deaths: Provisional Data for 2009. Volume 58, Number 25; US Department of Commerce/ Economics and Statistics Administration / U.S.Census Bureau. Issued May, 2011. P. 2—6.
- ² Российский статистический ежегодник. 2010. С. 77 [Rossiyskij statisticheskij ejegodnik. 2010. P. 77]; U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012 (131st Edition) Washington, DC, 2011. P.36.
- ³ U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States: 2012 (131st Edition) Washington, DC, 2011. P.399.
- ⁴ Экономическая активность населения России. 2010: Стат. сб. /Росстат. М., 2010. С. 62 [Ekonomicheskaja aktivnost naselenija Rossii. 2010. Stat.sb. / Rosstat. M., 2010. P. 62].
- ⁵ Российский статистический ежегодник. 2010. С. 77. [Rossiyskij statisticheskij ejegodnik. 2010. P. 77].
- ⁶ Там же. С. 173.
- ⁷ U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States: 2012 (131st Edition) Washington, DC, 2011. P. 455.
- ⁸ Там же. P. 454.
- ⁹ U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States: 2012 (131st Edition) Washington, DC, 2011. P. 381.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новые тенденции в развитии зарубежного регионоведения

В рамках XVI сессии совета УМО по образованию в области международных отношений и заседания учебно-методического совета по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение» состоялся методологический семинар под названием «Новые тенденции в развитии зарубежного регионоведения».

С основными докладами на методологическом семинаре выступили заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки, профессор В.О. Печатнов и декан факультета политологии, профессор кафедры востоковедения А.Д. Воскресенский.

В своем выступлении профессор В.О. Печатнов осветил ключевые особенности современного состояния зарубежного регионоведения в США в сравнении с российским опытом развития данной дисциплины. Он отметил, что целый ряд факторов, к которым относятся происходящие на рубеже XX–XXI вв. глобальные трансформации мировой системы, а также недавние события на Ближнем Востоке, способствовали возрождению на Западе интереса к зарубежному регионоведению и пониманию, что общемировые тенденции нельзя эффективно анализировать в отрыве от внутривосточных.

В МГИМО аналитические задачи оптимального сочетания глобального, регионального и внутристранового уровня решаются несколькими путями. Во-первых, при разработке регионоведческих курсов принимаются во внимание тенденции развития смежных дисциплин. Во-вторых, в учебные планы включаются новые курсы, которые показывают роль отдельных стран и регионов в глобальных процессах.

В этом контексте профессор А.Д. Воскресенский подчеркнул, что специфи-

кой школы зарубежного регионоведения МГИМО является междисциплинарность и комплексность, которые позволяют избежать методологических противопоставлений разных наук и добиться реального практического результата в анализе региональных процессов и явлений.

Высказанные тезисы В.О. Печатнов и А.Д. Воскресенский проиллюстрировали на примере литературы по зарубежному регионоведению, подготовленной в МГИМО — Университете, а также журнала «Сравнительная политика». Отметим, что последний выпуск журнала был подготовлен в сотрудничестве с университетами Сибири (Томским государственным университетом и Алтайской государственной педагогической академией), являющимися крупными центрами регионоведческих исследований в России.

В заключительной части методологического семинара состоялась общая дискуссия, в рамках которой обсуждались конкретные вопросы, связанные с переходом на обучение по стандартам третьего поколения, спецификой языковой подготовки регионоведов, проблемой поиска оптимального соотношения региональных и страновых курсов в вариативной части учебных планов, опытом реализации магистерских программ по зарубежному регионоведению в различных регионах России.

Е.В. Колдунова

Исследования в области конфликтологии в Казанском федеральном университете

В 2009 г. на философском факультете Казанского университета открылось новое направление «Конфликтология», на котором осуществляется подготовка конфликтологов (бакалавров) — специалистов по выявлению, экспертизе, управлению и разрешению конфлик-

тов. В КФУ собраны лучшие кадры Республики Татарстан, представляющие различные школы и направления в сфере социологии, психологии, политологии, экономики, правоведения, истории, этнографии и философии. Приказом ректора от 20 сентября 2011 г. создана специализированная кафедра конфликтологии.

О дальнейших перспективах развития кафедры конфликтологии говорит тот факт, что уже сегодня она сотрудничает с рядом российских и зарубежных конфликтологических центров в МГИМО (У) МИД России, Санкт-Петербургском государственном университете, Краснодарском государственном университете, Южном федеральном университете, Институте социологии РАН, Институте проблем международной безопасности РАН, Институте мировой экономики и международных отношений РАН, Институте исследований мира во Франкфурте (Германия), Университете Торонто (Канада), с Фондом им. Роберта Боша при Германском обществе внешней политики, Международной кризисной группой и др. по научным и образовательным программам, посвященным исследованиям конфликтов.

Тематика научных исследований, осуществляющихся в рамках конфликтологического направления КФУ, весьма разнообразна: организационные и социально-трудовые конфликты; этнические противоречия; политические и внутренние вооруженные конфликты; проблемы непризнанных государств, политического экстремизма и терроризма. Профессорско-преподавательский состав кафедры постоянно ведет научно-исследовательскую работу, принимает активное участие в научных и научно-практических конференциях, круглых столах и иных мероприятиях, посвященных исследованию конфликтологических проблем.

В активе преподавателей — регулярные публикации в ведущих российских

центральных изданиях: журналах «Полис», «Политэкс», «Полития», «Политическая наука», «Международные процессы» и др. Профессорско-преподавательский состав кафедры постоянно участвует в научно-исследовательских и прикладных грантах, проектах. Среди них можно выделить:

1. Проект: «*Terra Incognita* СНГ: актуальные политические процессы в бывших республиках СССР» (2007–2009 гг.). Финансовая поддержка: Казанский институт региональной политики.

2. Проект (2009 г.): «Общественные миротворческие инициативы на постсоветском пространстве (проект Евразийской сети политических исследований при поддержке Фонда Розы Люксембург).

3. Грант по теме: «Повышение эффективности миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве» (НИР № 1.61.11 тематического плана Казанского (Приволжского) федерального университета в 2011 г.).

В настоящее время преподаватели кафедры конфликтологии участвуют в двух грантах: проекте Поволжского центра европейских исследований Института сравнительных исследований модернизирующихся обществ КФУ, который финансируется Европейским союзом, и гранте РАПН, который был поддержан Институтом общественного проектирования. Тема гранта: «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности».

Одной из форм реализации комплексной системы научно-исследовательской работы является научный конфликтологический кружок, основная цель деятельности которого — осуществление внеаудиторной работы со студентами для получения ими новой информации, знаний и навыков научной и прикладной деятельности конфликтолога.

**Инновационные проекты,
реализуемые кафедрой конфликтологии**

Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремистской деятельности при Институте непрерывного образования КФУ предназначен для получения навыков практической конфликтологии и медиации студентами отделения конфликтологии. Проекты, которые осуществляются в рамках работы этого центра, носят как научный, академический характер, так и прикладной. Его основная задача — это подготовка студентов-конфликтологов в качестве профессиональных и непрофессиональных медиаторов. Приобретение данных навыков в совокупности с конфликтологическими знаниями позволит выпускникам лучше адаптироваться на рынке труда. Директором центра назначен доцент кафедры конфликтологии Олег Викторович Маврин. Открыта Лига медиаторов Поволжья.

Виртуальная научно-исследовательская лаборатория конфликтологии созда-

ется для проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, учебно-методической и экспертно-консультационной работы в области социально-политических конфликтов. Участие студентов в работе виртуальной научно-исследовательской лаборатории поможет интегрировать учебную и научно-исследовательскую деятельность; позволит организовать эффективное взаимодействие студентов, аспирантов, ученых-исследователей, специалистов-практиков через Интернет и обеспечить их основными научными сервисами. Применение виртуальной научно-исследовательской лаборатории — один из способов повышения эффективности научно-исследовательской и практической подготовки студентов нашего отделения. Открытие лаборатории запланировано на 2013 г. согласно программе развития КФУ.

А.Г. Большаков

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

65 лет Великой Победы: многотомное продолжающееся издание / под общ. ред. С.Е. Нарышкина и акад. А.В. Торкунова. М. : МГИМО — Университет, 2010.

Издание возникло как результат взаимодействия МГИМО (У) МИД России и Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Начавшееся как «комплект из шести книг», издание превратилось в «многотомное продолжающееся издание».

Само создание «Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» вызвало сдержанное отношение в среде историков. У старшего поколения это автоматически вызвало воспоминание о советской практике борьбы со всякого рода антисоветскими фальсификациями. Поэтому появление зримых результатов работы этой Комиссии не может не вызвать к себе пристального внимания со стороны общества.

Каждый из томов имеет оригинальное название (хотя содержание не всегда с ним совпадает).

- Т. I. Канун трагедии.
- Т. II. Вставай, страна огромная.
- Т. III. Победа.
- Т. IV. Другое лицо войны.
- Т. V. Утраченные перспективы.
- Т. VI. За честную историю.
- Т. VII. Испытание.
- Т. VIII. Расплата.

Издание открывается теоретической статьей к.и.н. Ю.А. Никифорова «Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы». Основной тезис: «Прежде всего, следует осознать, что если мы говорим о фальсификации истории, то этот разговор имеет смысл лишь в том случае, если мы считаем историю наукой, способной получить истин-

ное знание о прошлых событиях» (Т. I. С. 46).

Этот тезис и статья в целом задали общий тон изданию: вести научную дискуссию по острым проблемам, прежде всего по истории Второй мировой войны. В опубликованных статьях и материалах речь идет не столько о разоблачении фальсификаторов, сколько о выяснении сути событий и причин их разной интерпретации. И в дальнейшем, возвращаясь к проблеме фальсификации, руководители издания призывали авторов к сдержанности и пониманию других точек зрения.

Так, Н.А. Нарочницкая призвала не сосредотачиваться на критике, «не обличать друг друга, а сочувственно относиться к тому, что в каждой истории... есть свои драмы» (Т. VI. С. 34), «в учебниках на Западе нет славословий, есть осторожность в отношении недавнего прошлого» (Т. VI. С. 36). Объясняя остроту дискуссий на исторические темы в странах ближнего зарубежья, А.В. Торкунов обратил внимание на то, что с изменением геополитической ситуации, «молодые страны — бывшие республики Советского Союза, а также страны Восточной и Центральной Европы пытаются найти свою идентичность и те исторические сюжеты, ... на которых можно построить свою идентичность» (Т. VI. С. 32).

Заданный тон предопределил и научный характер публикаций, и содержание томов этого беспрецедентного для истории науки издания. Он же обусловил и состав авторов многотомника. В нем представлены известные, как российские, так и зарубежные, историки.

В издании представлены:

— официальные документы Комиссии при Президенте... выступления государственных и политических деятелей (С.М. Миронов, С.Е. Нарышкин, депутаты, заместители министров), стено-

граммы заседаний Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России;

- материалы научных конференций, круглых столов и интервью по дискуссионным историческим проблемам;

- научные статьи;

- результаты социологических исследований (восприятие Второй мировой войны в российском обществе);

- анализ содержания тем, посвященных Второй мировой и Великой Отечественной войне в учебниках истории стран СНГ и ЕС;

- полемические и критические статьи;

- публикации исторических документов;

- фотодокументы.

Организованные в рамках работы Комиссии научные конференции, круглые столы и интервью позволили их участникам поднять важные для развития науки проблемы и вопросы. Они касались не только состояния архивного дела в стране, но и необходимости разработки новых направлений исследований. Так, директор ИРИ РАН А.Н. Сахаров напомнил о народном и отечественном характере войны, о необходимости исследований на эту тему. «Не Сталин (с ошибками и без них), а народ в войне должны стать предметом исследований».

Работа Комиссии позволила поднять некоторые из острых и недостаточно исследованных проблем. Так, IV том («Другое лицо войны») посвящен проблеме коллаборационизма, предательства и националистических вооруженных соединений. В обсуждении этой проблемы приняли участие наряду с отечественными историками немецкий (генерал-лейтенант бундесвера) и сербский историки.

Среди поднятых тем следует выделить «пакт Молотова — Риббентропа», наверно, наиболее политизированный документ, потому что он «ложится сра-

зу в важный исторический миф, который роднит сталинский режим и гитлеровский режим». Эта тема занимает важное место в статьях Н.А. Нарочницкой и А.В. Торкунова. Появляются новые оттенки в его интерпретации. Например, А.В. Торкунов оценивает пакт Молотова — Риббентропа как «сталинский грех» («...искуплен кровью россиян на полях сражений»), но одновременно пишет о нем как о нашем ответе на Мюнхен («надежда... отвести германскую агрессию на Запад, оплатив ему той же монетой за Мюнхен». Т. 1. С. 38). Продолжая эту мысль, следует сказать, что сталинская внешняя политика ничем принципиально не отличалась от политики западных стран, которые всеми силами пытались решить проблему безопасности своих стран за счет близких и дальних соседей.

Директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития РГТЭУ А.В. Фоменко пошел еще дальше, поставив вопрос о необходимости избавления «от советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей победы во Второй мировой войне... Чтобы ощущать законную гордость за свою страну и свой народ, нам вполне достаточно сознания того, что это была наша Великая победа в нашей Отечественной войне и что в такой войне не мог добиться военной победы никто, кроме нас...» (Т. IV. С. 139).

Следует обратить внимание на содержание двух томов (VI и VIII). В томе VI («Утраченные перспективы») сосредоточены материалы посвященные дипломатической истории Второй мировой войны и послевоенным отношениям между союзниками. В томе VIII («Расплата») опубликованы материалы двух организованных при поддержке Комиссии при Президенте РФ... международных научных конференций. Первая из них, организованная в МГИМО, была посвящена международным послевоенным процессам (Нюрнбергу, Токио, Хабаровску) и конференции в Сан-Франциско. Вторая

была организована Российским институтом стратегических исследований: «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации».

Подводя итог рассмотрению содержания восьмитомника, следует сказать, что впервые в нашей истории в издании такого официального уровня его авторы и составители не ограничились глорификацией одних и осуждением других точек зрения, а продолжили важные для развития науки дискуссии.

Не обошлось в этом издании и без накладок.

Так, В.А. Сахаров, д.и.н., проф. кафедры политической истории МГУ им. М.В. Ломоносова и автор интернет-учебника по истории России, в статье «Место и роль пакта Риббентропа — Молотова в процессе возникновения Второй мировой войны: проблемы информационного обеспечения и тактики изложения материала в учебном процессе» (Т. VIII. С. 322—326), начав с разоблачения фальсификаторов, представил свою версию причин Второй мировой войны. По его мнению, «имеется ряд документов, свидетельствующих о том, что под руководством президента США Ф. Рузвельта был разработан и осуществлен план организации мировой войны... Ход войны между Германией и СССР, конечно, не планировался. В Вашингтоне не знали реальной силы Советов, но... предполагали, что... Германия будет вынуждена вести длительную и изнурительную войну. (...) Роль США в этом случае представлялась Рузвельту таким образом: «Если война разразится, мы наверняка не примем в ней участия с самого начала, но мы ее закончим». (...)»

В этом контексте, пишет В.А. Сахаров, понятнее становится известное заявление Гитлера, сделанное им в рейхстаге 30 января 1939 г.: «Если еврейскому международному капиталу удастся втянуть народы в очередную войну... это кончится уничтожением евреев в Ев-

ропе». Ничем подобным прежде Гитлер евреям не грозил! ...Конечно, никто не снимает с Гитлера ответственности за их судьбу, но справедливости ради надо сказать, что ответственность за нее с ним должны разделить Рузвельт и те силы, интересы которых он выражал и защищал». (Т. VIII. С. 324—325).

По нашему мнению, для издания «Комиссии... по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» подобные публикации, не подтвержденные архивными документами, недопустимы.

Любопытно, что сотней страниц ранее в этом же томе историк из Хельсинки Йохан Бекман дал критический анализ труда одного из самых спорных историков ФРГ Эрнста Нольте, который так же (как и Сахаров) считает, что «Третий рейх был вынужден реагировать, защищаясь от сионистской угрозы», а «уничтожение евреев... (было) предупредительным действием» (Т. VIII. С. 201).

Б.А. Филиппов,
кандидат исторических наук, профессор
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

**Международные отношения
в Центральной Азии. События и
документы / под ред. д.полит.н.
А.Д. Богатунова. М. : Аспект пресс, 2011.**

Коллективная монография вносит выдающийся вклад в изучение истории и современного состояния международных отношений в одном из самых геополитически значимых регионов мира. Работу, выполненную под руководством профессора А.Д. Богатунова (первого проректора МГИМО (У) МИД России), отличает новаторский системный подход к истории международных отношений. Наиболее полно он был развит в четырех томах «Системной истории международных отношений в 1918—2003 гг.», вышедших в Москве в 2000—2004 гг. Примечательно, что синхронистический (по оси време-

ни) принцип анализа и изложения событий международной жизни, осуществленный в той работе на материале новейшей истории, нашел применение в данной монографии, позволив препарировать и систематизировать явления не только новейшей, но и древней, и новой истории.

Во введении к первой части работы («События») нестандартно охарактеризовано место современной Центральной Азии (ЦА) в международной политике, затронуты такие новые моменты, как политико-психологический фон региона, фактор политического реформирования и т.п. Первая глава посвящена историко-политической платформе и предыстории международных отношений в регионе (до середины второго тысячелетия н.э.). Во второй главе динамично рассмотрено международно-политическое развитие ЦА в XVIII–XIX вв., по-новому освещен ряд моментов присоединения большей части региона (за исключением Северного Афганистана и Синьцзян-Уйгурского района Китая) к Российской империи, а также экспансионистской политики Великобритании и Китая. Третья и четвертая главы монографии трактуют в системно-синхронистическом ключе эволюцию международных отношений в первой половине XX в. и его второй половине, вплоть до 1991 г. Значительный интерес представляет анализ ситуации, сложившейся в глобальной международной системе после вмешательства СССР в Афганистане.

В пятой — седьмой главах монографии последовательно рассмотрены: формирование нового международно-политического пространства ЦА в 1991–1996 гг., стабилизация региональной подсистемы в 1997–2000 гг. и развитие международных отношений в 2000-е гг. Представленный в этих главах материал отличается ярко выраженным аналитическим содержанием, учетом воздействия основных региональных и внерегиональных игроков на состояние центральноазиатского геополитического ареала. Несомненный практический интерес представляет рассмотрение политики России в регионе, а также выявление места Российской Федерации в приоритетах центральноазиатских государств.

Вторая часть работы («Документы») состоит из наиболее значимых документов (договоров, соглашений, резолюций, меморандумов и т.п.), относящихся к историческим (до 1991 г.) и современным проблемам международных отношений в Центральной Азии.

Коллективная монография представляет собой фундаментальное пионерское исследование по истории и теории международных отношений, она заслуженно отмечена первой премией «Общественная мысль» 2011 г.

В.В. Наумкин,
директор Института востоковедения РАН,
член-корреспондент РАН

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

International Encyclopedia of Political Science. 8 Vol. Ed. by Bertrand Badie, Dirk Berg-Schlosser, Leonardo Morlino.

London: SAGE, 2011. 4032 p.

Международная энциклопедия политической науки : в 8 т. / под ред. Бертрана Бадье, Дирка Берг-Шлоссера, Леонардо Морлино. Лондон : Сэйдж, 2011. 4032 с.

Международная ассоциация политической науки (МАПН) совместно с издательством «Сэйдж» (*SAGE*) выпустила Международную энциклопедию политической науки в восьми томах под редакцией Бертрана Бадье (Институт политических исследований, Париж)¹, Дирка Берг-Шлоссера (Университет Филиппс, Марбург)² и Леонардо Морлино (Университет Гвидо Карли, Рим)³.

В качестве эпиграфа к предисловию редакторы взяли цитату Дидро: «Со временем этот труд обязательно приведет к революции в умах, и я надеюсь, что тираны, угнетатели, фанатики и нетерпимые не останутся в выигрыше. Мы послужим человечеству»⁴.

До настоящего времени политологам был доступен изданный в 1975 г. восьмитомный Справочник по политической науке под редакцией Фреда Гринстайна и Нельсона Полсби⁵, который представлял преимущественно американский взгляд на политическую науку. Новая энциклопедия является первым международным трудом благодаря вкладу ведущих исследователей из многих стран мира (в том числе из России, Бразилии и Китая). Участие широкого авторского коллектива позволило раскрыть все ключевые глобальные и региональные вопросы и внести теоретический и культурный плюрализм, представив результаты концептуально различных исследований. Так, раздел о демократии раскрывает китайский и российский подходы к исследованию демократии.

Энциклопедия включает разделы по основным дисциплинам политической науки: политическая теории, методология, сравнительная политика, международные отношения, эпистемология, политическая социология и политэкономия. Более 80 статей раскрывают методологические вопросы использования качественных и количественных исследовательских методов в политической науке. Описания всех аспектов политической жизни включают теоретические концепции, результаты эмпирических исследований и развернутую библиографию. Процессы демократизации остаются важнейшей темой XXI в., поэтому энциклопедия содержит значительный материал об эволюции политических систем и развитии демократии. В энциклопедии освещаются и другие новые темы, такие как международная безопасность, взаимоотношения между религией и государством, политические вопросы через призму гендерных, расовых и этнических отличий.

Международная энциклопедия политической науки представляет собой авторитетный справочник по современному состоянию политической науки и предназначена для широкого круга читателей. Она должна стать настольной книгой студентов, аспирантов и преподавателей факультетов политологии.

Россия в глобальном мире. 2000–2011 : хрестоматия : в 6 т. / Российский совет по международным делам. М. : Аспект Пресс, 2012.

Издание подготовлено Российским советом по международным делам. Сборник объединяет публикации по актуальным вопросам мировой политики и участия России в глобальных политических процессах. Издание охватывает период 2000–2011 гг., в течение которого сформировались контуры современных меж-

дународных отношений. Каждый раздел предваряет статья видного исследователя, специально подготовленная для данного издания. В качестве авторов вводных статей выступили Е.М. Примаков, И.С. Иванов, А.В. Торкунов, А.Г. Арбатов, А.А. Дынкин, В.Л. Иноземцев, С.М. Рогов, Ал.А. Громыко, В.М. Давыдов, Б.Ф. Мартынов, В.В. Наумкин, И.Д. Звягельская, В.Я. Белокреницкий, М.Л. Титаренко, А.М. Васильев, Д.В. Тренин.

Первый том раскрывает общие тенденции и перспективы международной деятельности России в первом десятилетии XXI в., концептуальные и теоретические подходы к развитию международных отношений на современном этапе.

Во втором томе рассматривается внешняя политика России в условиях современных вызовов безопасности, в контексте актуальных мировых экономических тенденций и глобальных гуманитарных проблем.

Третий том содержит материалы по вопросам политического и экономического развития стран Северной Америки, Европы и Латинской Америки, особенности их внешней политики и взаимоотношений с Россией.

В четвертом томе описываются тенденции политического и экономическо-

го развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Южной Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено специфике внешней политики России в указанных регионах.

В статьях, включенных в пятый том хрестоматии, рассматриваются особенности развития постсоветского пространства: становление государственности в бывших советских республиках, специфика их отношений с Россией, проблемы многостороннего регионального сотрудничества.

В последнем, шестом, томе собраны документы, определяющие основы внешней политики России в 2000–2011 гг., фрагменты посланий Президента России Федеральному Собранию, посвященные внешнеполитическим вопросам, выступления Президента России на совещаниях с российскими послами.

Хрестоматия представляет существенный интерес для специалистов, участвующих в подготовке решений в сфере международного сотрудничества, а также студентов и преподавателей, специализирующихся на международных отношениях.

**Обзор подготовлен
О.Г. Харитоновой,
Е.В. Колдуновой**

¹ Бертран Бадье — профессор политической науки и международных отношений в Институте политических исследований (Sciences Po), работает в Центре международных исследований (Centre d'études et de recherches internationales CERI), был вице-президентом МАПН (2006–2009), опубликовал 20 книг, переведенных на 15 языков, включая «Социологию государства» (The Sociology of the State 1983), «Два государства» (Les Deux Etats 1987); «Конец территорий» (La Fin des Territoires, 1995); «Мир без суверенитета» (Un Monde sans souveraineté, 1999); «Дипломатия прав человека» (La Diplomatie des Droits de l'Homme, 2002); «Бессилие власти» (L'Impuissance de la Puissance, 2004); «Дипломатия и вторжение» (Le Diplomate et l'Intrus, 2008) и «Дипломатия сговора» (Diplomatie de Connivence, 2011).

² Дирк Берг-Шлоссер — почетный профессор в Университете Филиппс в Марбурге, Германия, ранее директор Института политической науки и декан факультета общественных наук и философии. С 1988 по 2000 г. — председатель Исследовательского комитета МАПН «Демократизация в сравнительной перспективе», с 2003 по 2006 г. — председатель Европейского консорциума политических исследований (ECPR), с 2006 по 2009 г. — вице-президент МАПН. Дирк Берг-Шлоссер является автором и соавтором более 200 статей в международных журналах и 20 книг, включая «Политическая стабильность и развитие» (Political Stability and Development, 1991), «Условия демократии в Европе, 1919–1939: систематические исследования казусов» (Conditions of Democracy in Europe, 1919–1939: Systematic Case Studies, 2000), «Авторитаризм и демократия в Европе, 1919–1939: сравнительный анализ» (Authoritarianism and Democracy in Europe, 1919–1939:

- Comparative Analyses, 2002), «Бедность и демократия» (Poverty and Democracy, 2003) и «Демократизация: состояние дисциплины» (Democratization: The State of the Art, 2007).
- ³ Леонардо Морлино — профессор политической науки и директор исследовательского центра по демократиям и демократизации в Свободном международном университете социальных наук Гвидо Карли в Риме. В настоящее время Президент Международной Ассоциации Политических наук (2009—2012). Он написал более 30 книг по методологии сравнения, авторитарным режимам, о Европейском союзе, теории демократии и демократизации, включая «Переходы к демократии: акторы, структуры, процессы» (Changes for Democracy: Actors, Structures, Processes, 2011), «Демократия и демократизация» (Democrazie e Democratizzazioni, 2003); «Демократия между консолидацией и кризисом: партии, группы и граждане в Южной Европе» (Democracy Between Consolidation and Crisis: Parties, Groups, and Citizens in Southern Europe, 1998), «Как меняются политические режимы» (Como Cambian los regimenes politicos, 1985).
- ⁴ “Cet ouvrage produira sûrement avec le temps une révolution dans les esprits, et j’espère que les tyrans, les oppresseurs, les fanatiques et les intolérants n’y gagneront pas. Nous aurons servi l’humanité.” Письмо Дидро к Софи Волан, 26 сентября, 1762.
- ⁵ Handbook of political science, Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (eds.). Addison-Wesley Publishing Company, Reading, Mass., 1975, 8 volumes.

Джон Хигли. Революционные элиты
John Higley. Revolutionary Elites

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки, черты, процессы и итоги революций в контексте политических элит и исследуется возникновение и развитие правящих элит, сформированных революцией, — революционных элит. Автор утверждает, что обязательными условиями революции являются сильный политический кризис, фрагментация элиты и преобладание рабочей силы, способной осуществить эгалитаристскую революцию в доиндустриальных обществах и антиэгалитаристскую революцию — в индустриальных. Примеры двух революционных сценариев иллюстрируют теорию возникновения революционных элит. Первый сценарий меняет конфигурацию элит, но не приводит к полной трансформации элит, их моделей поведения и возникновению революционной элиты (Англия, Франция, Мексика). Во втором сценарии революция меняет природу политической элиты и формирует новые революционные элиты (Россия, Германия, Италия). По мнению автора, революционные элиты появляются в условиях выраженного множественного суверенитета и наличия убедительной и разработанной идеологии.

Abstract: The article analyzes preconditions, characteristics, processes and outcomes of revolutions through the lens of political elite theory with the aim to study the revolutionary elites formation and development. The article states that the necessary preconditions of revolutions include a severe political crisis, the elite fragmentation and disunity and the predominance of labor force capable of launching an egalitarian revolution in preindustrial societies and an egalitarian revolution in industrial ones. The theory of revolutionary elite formation is illustrated using two revolutionary scenarios. The first scenario changes elite configuration, but leads neither to a complete transformation of

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

elites and their behavioral models nor to the formation of revolutionary elite (England, France, Mexico). The second revolutionary scenario transforms the political elite nature and forms a new revolutionary elite (Russia, Germany, Italy). Findings suggest that revolutionary elite formation results from a combination of multiple sovereignty and an elaborate and guiding ideology.

Ключевые слова: революция, правящая элита, революционная элита, множественный суверенитет.

Key words: revolution, revolutionary elite, ruling elite, multiple sovereignty.

А.Д. Воскресенский. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях

Alexei D. Voskressenski. Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений и направления практического применения результатов анализа регионального и макрорегионального уровня мировой политики. Рассматриваются ключевые положения дискуссии о региональном и макрорегиональном уровне в зарубежной и отечественной исследовательской литературе. В заключении автор приходит к выводу о том, что именно новые теории регионального уровня международных отношений должны стать прообразом оригинальных отечественных региональных и страновых исследований. Подобные работы должны основываться на более высоком уровне теоретической концептуализации регионального уровня. Такой подход позволит сформулировать более глубокие и оригинальные выводы прикладного характера,

особенно применительно к тем частям мира (не-Запад), которые традиционно в недостаточной степени прорабатываются западными исследователями, теоретиками и практиками.

Abstract: The article examines theoretical aspects of regional dimension in international relations and the ways to apply in practice the results of world politics' analysis from the viewpoint of regional and macro-regional levels. It also considers the key discussion points on regions and macro-regions in the world and Russian research literature. The author concludes that this is exactly the new IR concepts of regional level which should become the prototype of original Russian regional and country studies. These studies need to have a higher degree of theoretical conceptualization of regional level as their basis. Such an approach will enable the researchers to draw deep and unconventional conclusions of practical use especially as far as the non-Western parts of the world which are traditionally less examined by Western researchers, theorists and practitioners are concerned.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, регион, региональная подсистема, макрорегион, регионализм, региональный комплекс.

Key words: World politics, IR, region, regional subsystem, regionalism, regional complex.

Ал.А. Громыко. Изменяющаяся геометрия полицентричности

Alexey Gromyko. Changing Geometry of Global Polycentricity

Аннотация: Несмотря на изменения, конфигурация мировых и региональных центров влияния представляет собой иерархию, где есть первые среди равных, равные, второстепенные и маргинальные центры влияния. Потенциальный вклад БРИКС в форматирование многополярности является способом увеличения адаптивности к мировым реалиям в результате стремления к усилению влияния на мировые и региональные процессы. По мнению автора, БРИКС является самым перспективным проектом по ко-

ординации действий различных центров силы в мире, так как этот формат сочетает политическую волю, подкрепленную экономическим фундаментом, и использует инструментарий «мягкой силы». Большая Европа остается приоритетным регионом для России в политическом, экономическом, финансовом и культурном планах, а в силу своей географической и цивилизационной специфики, Россия может играть роль страны-моста между другими крупнейшими мировыми игроками и в формате БРИКС и в треугольнике Россия — БРИКС — ЕС.

Abstract: Despite the changes, the configuration of global and regional power centers can still be represented as an hierarchy in which the first among equals, the equal, the peripheral and the marginal centers coexist with each other. BRICS' as the means for increasing adaptivity to global realities and influencing global and regional process can potentially contribute to the shaping of multipolarity. The article suggests that BRICS is the most prospective project for coordinating of actions of various power centers of the world, as this format combines the political will, the economic foundation and the use of soft power tools. A Greater Europe continues to be the priority region for Russia in a political, economic, financial and cultural sense, and due to its geographical and civilizational particularity Russia can act as the link between other world major players both within BRICS and Russia-BRICS-EU triangle

Ключевые слова: БРИКС, Россия, ЕС, мягкая сила, мировая политика.

Key words: BRICS, Russia, EU, soft power, world politics.

Данута Кабат-Рудницка. Европейский союз в свете сравнительной политики

Danuta Kabat-Rudnicka. The European Union in the Light of Comparative Politics

Аннотация: В исследовательской литературе Европейский союз (ЕС) анализируется с различных теоретических точек зрения. В рамках исследований международных отношений ЕС пред-

ставляется как международная организация или конфедерация, в то время как с точки зрения сравнительной политологии ЕС может рассматриваться и как более интегрированная общность, федерация, квазигосударство или формирующееся государство. Новые подходы, например в рамках школы управления, рассматривают ЕС как своеобразную структуру, уникальную общность, новую, пока еще только формирующуюся *систему управления без правительства*. Однако на данном этапе развития ЕС проявляются черты, характерные, скорее, для федеральной структуры. В ЕС можно найти проявления двух ведущих моделей федерализма — дуального и кооперативного. Следовательно, сравнительный метод представляется наиболее подходящим инструментом анализа специфики ЕС.

Abstract: In the academic literature the European Union (EU) is analysed from different theoretical perspectives. Taking the perspective of international relations, the EU emerges as an international organization or a confederation; on the other hand, looking from the perspective of comparative politics, the EU presents itself as a more integrated entity, a federation, a *quasi*-state or a state in the making. The recent perspective, *i.e.* the governance school, sees the EU as an original structure, a *sui generis* entity, a new, emerging system of *governance without government*. However, at the present stage of development, the EU reveals features that are characteristic for the federal structure, *i.e.* the federal political system characterised by two leading models of dual and cooperative federalism, hence the comparative method seems to be the most appropriate as a research tool.

Ключевые слова: Европейский союз, международные отношения, сравнительная политика, школа управления, федеральная политическая система, дуальный и кооперативный федерализм.

Key words: European Union, international relations, comparative politics, governance school, federal political system, dual and cooperative federalism.

В.И. Якунин. Политическая динамика ЕС и российско-американский ракурс

Vladimir Yakunin. EU Political Dynamics and the Russian-American Perspective

Аннотация: Автор анализирует ключевые проблемы Евросоюза, определяющие перспективы его дальнейшего развития: внутривнутриполитические проблемы, экономические, социальные демографические и внешнеполитические. Рассматривая проблему дальнейшего расширения отношений с Россией и взаимоотношений ЕС — США — России, автор отмечает применение двойных политических технологий в отношении России: «перезагрузка», минимальные уступки и политика сдерживания. Возможные версии конфигурации взаимоотношений ЕС — США — Россия зависят от вариантов поведения России, поэтому задача выработки более точной стратегии внешней политики для России остается актуальной. Цивилизационный анализ США, Европы и России демонстрирует, что США и Европа являются двумя вариантами одной цивилизации, а Россия — самостоятельная цивилизация, что, по мнению автора, необходимо учитывать в построении доктрины Российской внешней политики в треугольнике ЕС — США — Россия.

Abstract: The article describes key political, economic, demographic, social and foreign issues facing EU and challenging its further development prospects. The analysis of further broadening of the EU relations with Russia and EU-US-Russia triangular relations leads the author to conclude that double standards are applied towards Russia: «reset», minimal concessions and the containment policy. The possible versions of the EU-US-Russia configuration are dependent on the behavior of Russia, thus it is necessary for Russia to develop a more precise strategy of foreign policy. The civilizational analysis of US, Europe and Russia proves that while the US and Europe are two variants of one civilization, Russia is a separate civilization, and this has to be accounted for in formulating Russian foreign policy standpoint in the EC-US-Russia triangle.

Ключевые слова: ЕС, Россия, США, внешняя политика.

Key words: EU, Russia, U.S., foreign policy.

С.И. Лунев. Индия как один из новых центров глобального влияния

Sergey Lunev. India As a New Center Of Global Influence

Аннотация: Индия уверенно вошла в число ведущих мировых держав. Ее стремительный экономический подъем подкрепляется расширением международной активности и модернизацией вооруженных сил. При этом достигнутые успехи состоялись, несмотря на сложную региональную обстановку. В этих условиях интенсификация индийской внешней политики способствует развитию сотрудничества с растущим кругом партнеров.

Abstract: India confidently entered the community of the leading international powers. Its rapid economic growth is accompanied by increased international activity and modernization of military forces. Meanwhile these successes emerged, despite complicated regional environment. In this situation intensification of the Indian foreign policy contributes to the development of its cooperation with the growing range of partners.

Ключевые слова: региональная держава, Южная Азия, индийская модель развития, ядерное оружие, разрыв Севера и Юга, ведущие центры силы, негативная взаимозависимость.

Key words: regional power, South Asia, Indian development model, nuclear weapon, North-South divide, leading centres of power, negative interdependence.

И.Е. Дискин. Российская модернизация и новая глобальная диспозиция

Iosif Diskin. Russian Modernisation and New Global Disposition

Аннотация: Потребности преодоления зависимости российского хозяйства от экспорта углеводородов и создания макросоциальной системы, обеспечивающей реализацию человеческого потенциала граждан России, диктует приоритеты

российской модернизации. Российская экономика должна быть ориентирована на создание инновационных продуктов и развитие высокомаржинальных секторов. В современных условиях такая деятельность требует кооперации с другими ведущими державами, с учетом их меняющейся роли в международной системе.

Abstract: The need to overcome dependence from energy commodities, as well as to create macro-social system enabling human potential of Russian citizens, defines the priorities of Russian modernisation. Russian economy should be focused on creation of innovative products and sectors with high added value. Today such activity demands cooperation with other major powers with due account of their changing role in the international system.

Ключевые слова: новые центры силы, инновации, утечка мозгов, Китай, США, Индия, БРИК, Россия.

Key words: new centres of power, innovations, brain drain, China, USA, India, BRIC, Russia

Л.Н. Федотова. Результаты выборов в Госдуму — 2011: социологический анализ

Larisa Fedotova. Results of 2011 State Duma Elections: Sociological Analysis

Аннотация: Социологическое прогнозирование политических процессов превратилось в мощную индустрию. Тем не менее результаты опросов общественного мнения основных социологических служб существенно разошлись с голосованием на выборах в Государственную Думу 2011 г. В статье анализируются основные трудности при прогнозировании результатов выборов на основе социологических данных, с учетом психологических факторов, влияния СМИ и административного ресурса. Автор выявляет стратегии оппозиционных партий, а также подтверждает преобладающее значение фигуры В. Путина для электорального успеха правящей партии с опорой на данные опросов.

Abstract: Sociological forecasting of political processes arose as a powerful industry. Nevertheless, results of the polls conducted by

the major agencies diverged significantly with the voting in 2011 State Duma elections. The article analyses major complications in forecasting results of elections using sociological data, including psychological factors, role of mass media and administrative resource. The author identifies strategies of the opposition, as well as proves predominant importance of Vladimir Putin for the electoral success of the ruling party on the basis of the polls.

Ключевые слова: выборы, опросы, общественное мнение, принятие решений, спираль умолчания, средства массовой информации, когнитивный диссонанс.

Key words: elections, polls, public opinion, decision making, Spiral of Silence, mass media, cognitive dissonance.

Т.Ю. Русакова. Сравнительный анализ социальной политики У. Чавеса (2007–2011)

Tatyana Rusakova. Comparative Analysis of Hugo Chaves's Social Policy (2007–2011)

Аннотация: Правительство У. Чавеса в период с 2007 по 2011 г. продолжило борьбу с бедностью и безработицей, растущим продуктовым и жилищным дефицитом, а также приняло комплекс мер, направленных на дальнейшее повышение доступности образования и медицинского обслуживания. Однако действия правительства в сфере социальной политики носили в основном адресный, фрагментарный характер и были направлены на достижение краткосрочных эффектов перед грядущими президентскими выборами, которые состоятся в октябре 2012 г.

Abstract: During the years of 2007–2011 Venezuela's government continued the battle with poverty and unemployment, growing nutritional and housing deficit. Also some measures have been adopted to make education and health service more accessible for the population of the country. Thus the government activity in the sphere of social politics has had fragmented character and has been recipient-oriented to achieve short-term effects to win presidential elections in October 2012.

Ключевые слова: Венесуэла, социальная политика, бедность и неравенство, здравоохранение, образование, социальные миссии.

Key words: Venezuela, social politics, poverty and inequality, education, public health service, social missions.

С.И. Росенко. Сравнительный анализ социальной дифференциации в современном мире на примере США и России

Svetlana Rosenko. Comparative Analysis of Social Differentiation in the Modern World: Cases of U.S. and Russia

Аннотация: Системная характеристика состояния и направленности эволюции социальной дифференциации постиндустриального общества представляет собой важную теоретико-социологическую и практически-политическую проблему. Статья посвящена сравнительному анализу тенденций развития основных социальных групп в современном мире — демографических, территориальных, имущественных, профессиональных, отраслевых, образовательных и др. Исследование базируется на использовании обширного статистического материала.

Abstract: System characteristics of social differentiation's evolution in post-industrial society has an important theoretical — sociological and practically — political significance. Article is devoted to comparative analysis of development tendencies of main social groups in modern world — demographical, territorial, professional, educational and so on. The research is based on vast statistical material.

Ключевые слова: социальная дифференциация, постиндустриальное общество, динамика социального развития.

Kew words: social differentiation, post-industrial society, social development.

Аннотации подготовлены

**О.Г. Харитоновой, И.А. Истоминым,
Е.В. Колдуновой,
Данутой Кабат-Рудницка,
Т.Ю. Русаковой,
С.И. Росенко**

ОБ АВТОРАХ

Большаков Андрей Георгиевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета.

Воскресенский Алексей Дмитриевич — профессор, доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика».

Громыко Алексей Анатольевич — доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН, руководитель Центра британских исследований.

Дискин Иосиф Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор НИУ — ВШЭ, сопредседатель Совета по национальной стратегии, член Научно-экспертного совета ВЦИОМ.

Kabat-Rudnicka Danuta — economist, political scientist and lawyer, adjunct and Jean Monnet professor at the Cracow University of Economics (Poland).

Кабат-Рудницка Данута — экономист, политолог, юрист, профессор программы Жана Моне, Краковский университет экономики (Польша).

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Лунев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У)

МИД России и НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Наумкин Виталий Вячеславович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН.

Росенко Светлана Ивановна — доктор социологических наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта.

Русакова Татьяна Юрьевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Федотова Лариса Николаевна — доктор социологических наук, профессор Российского университета дружбы народов, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Филиппов Борис Алексеевич — кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Хигли Джон — доктор политических наук, профессор, директор Центра изучения Австралии и Новой Зеландии Университета Техаса (Остин, США), руководитель Комитета по изучению политических элит Международной ассоциации политических исследований.

Якунин Владимир Иванович — доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.
Контактная информация:
e-mail: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами,
- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц,
- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала
- размер шрифта основного текста 14
- сноски можно печатать через 1 интервал
- размер шрифта 12
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см

При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница. *Ко всем ссылкам на русском языке необходимо добавлять транслитерацию на английском языке.* Пример: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М.: Конвент-МОНФ, 1997 [Boguturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) M.: Konvert-MONF, 1997].

При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е. например, 12 дека-

бря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

Все сноски размещаются после текста статьи. Нумерация сносков сквозная (1, 2, 3 ...).

На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью)
- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.)
- ученая степень (при наличии)
- точные контактные данные:
- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом
- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом)
- адрес электронной почты

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответственных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnit-polit@mail.ru.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.